

О Б Ъ
И С К У С С Т В Ъ
И
Х У Д О Ж Н И К А Х Ъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ОТШЕЛЬНИКА,
ЛЮБИТЕЛЯ ИЗЯЩНАГО,

изданныя *Л. ТИКОМЪ.*

Переводъ съ Пѣмецкаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1826.

Печашашъ позволяется съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предспавлены были въ Ценсурный Комишетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комишета, другой для Департамеента Минисперсша Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиошеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1826 года, Апрѣля 8 дня. Сію рукопись разсмаприваль Надворный Совѣшникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
НѢМЕЦКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Сердежныя изліянія инокѣ, любителя Искусствѣ, явившіяся въ 1797 году, заслужили особенную благосклонность и любовь опѣ художниковѣ. Послѣдовавшія за ними Размышленія обѣ Искусствѣ удостоены шѣмѣ же благоволеніемѣ. Чипапели найдутѣ въ этой книжкѣ опѣдѣльные опривки, оставшіеся послѣ моего умершаго друга; иное полько, а именно въ 15 и 16 опривкахѣ, принадлежатѣ мнѣ; но такѣ много тому прошло времени, чшо я и опличить своего пруда не умѣю. Помню полько, чшо мысли всѣ моего друга, а я ихѣ собралѣ и написалѣ.

В. Г. Вакенродерѣ умерѣ въ 1798, на 26 году своего возраста. Безѣ сомнѣнія, его опечестѣ, душевно имѣ любимое, многого въ немѣ лишилось;

II

способности его духа общали ушѣ-
шишельное развитіе. Испина и бла-
гочестіе, слянные со свѣпомѣ вѣры
младенческой, озаряли душу Вакен-
родера. Выраженіе чувства вѣ пер-
выхъ его опытахъ не имѣетъ ничего
выисканнаго, принужденнаго; вѣ
немъ говоритъ природа. Вошѣ, по-
чему онѣ безъ всякой особенной цѣли
вложилъ свои слова вѣ уста оплу-
ченному ошѣ міра иноку (*): онѣ ни-
когда не думалъ обнаруживашъ из-
ліяній сердечныхъ ни передъ кѣмъ,
кромѣ близкихъ друзей своихъ. Мно-
гіе послѣ него писатели, высшаго
или низшаго дарованія, съ большею
или меньшею важностью пѣли и про-
славляли любовь къ Искусству, къ
древнему вѣку, къ опчизнѣ и Религіи:
вошѣ почему многое вѣ эшихъ лисц-
кахъ покажется чашапелю обвещ-

(*) Считаемъ за нужное замѣшить, что сія книга
вышла вѣ Германіи подѣ заглавіемъ: Размышле-
нія инока, любителя изящнаго, объ Искусствѣ.
(Phantasien über die Kunst von einem Kunstliebenden
Klosterbruder). *Прим. Пер.*

шалымъ, если онъ не можетъ перенестись въ прежнія времена, если не имѣетъ дара — опличать первородныя чувства отъ подражательныхъ, поддѣльную искренность сердца отъ непринужденнаго воспора.

Въ 1793 году Вакенродеръ учился въ Эрлангенѣ; здѣсь онъ посвящалъ свободныя досуги изслѣдованію Бамберга, сосѣдственныхъ странъ Франконіи, а особенно Нюренберга. На слѣдующій годъ онъ перешелъ въ Гешпингенъ и тамъ особенно плѣнился знакомствомъ съ ученымъ Профессоромъ Фіорилло. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ Кассель и его превосходную галерею, также собраніе картинъ въ Залцпаленѣ; прежде еще онъ часто посѣщалъ галерею въ Поммерсфельдѣ округа Бамбергскаго. Живопись, Поэзія и Музыка услаждали всю его жизнь: онъ въ юныхъ лѣтахъ основательно изучилъ теорію сего послѣдняго Искусства подъ руководствомъ глубокомысленнаго Фаца — въ Берлинѣ. Въ

IV

1796 году онъ посѣтилъ Дрезденъ. Незадолго до эшаго времени онъ началъ излагать въ изобрѣщенной имъ формѣ свои мысли объ Живописи и Музыкѣ. Друзья Искусства благосклонно примушъ сіи листки и опкроюшъ въ нихъ живые порывы вдохновеннаго, благороднаго духа; знапокъ найдешъ въ нихъ, можешъ бышъ, одни намѣки на что-то возвышенное и пожалѣешъ о томъ, что Писатель не исполнилъ своего пламеннаго давнишняго желанія, — не посѣтилъ Италіи.

Въ этомъ изданіи выпущены мои собственныя опривки, напечатанныя въ прежнихъ книжкахъ: да не разрушающъ они впечатлѣнія, производимаго въ душѣ словами покойнаго моего друга.—Сіи опривки прибавлены были не попому, чпобъ его мысли пребовали объясненія: мнѣ хотѣлось только соединить общіе труды наши.

I.

ОТРЫВКИ о ЖИВОПИСИ
и
ОБЪ ИСКУССТВЪ ВООБЩЕ.

1.

Видѣніе Рафаэля.

Воспоргъ Поэповъ и художниковъ издавна служилъ міру и поводомъ и предметомъ для споровъ. Люди обыкновенные не въ силахъ постигнуть эшаго состоянія и пошому имѣють о немъ весьма ложныя и превратныя понятія. Вопиъ причина, почему и въ системахъ и безъ системъ, и просто и неподдически, споль же много наговорено несообразнаго на счетъ внутреннихъ опкровеній шворческаго генія, сколь на счетъ шайнсшвъ священной нашей Религій. Такъ называемые издаштели системъ и теорій по слуху описываютъ воспоргъ художника; они совершенно довольны собою, если имъ съ ихъ ложнымъ и суепнымъ

мудрованіемъ удалось склеить нѣсколь-
ко словъ для представленія предмета,
хотя они совсѣмъ не понимаютъ ни
его значенія, ни духа, въ словахъ не-
вмѣспимаго. Они говорятъ о воспоргѣ
художника, какъ о предметѣ, бывшемъ
передъ ихъ глазами; они объясняютъ
его, много о немъ рассказываютъ; но
въ самомъ дѣлѣ должны бы, краснѣя,
произносить это слово, ибо не зна-
ютъ его значенія.

Какимъ обильнымъ пуспословіемъ
грѣшили самодовольные писатели на-
шего времени, говоря объ идеалахъ въ
Искусствахъ образовательныхъ! Они
утверждаютъ, что живописецъ и
ваятель должны достигать оныхъ
путемъ чрезвычайнымъ, отличнымъ
отъ обыкновеннаго пути природы и
опыта; прибавляя къ тому, что это
происходитъ таинственнымъ спосо-
бомъ, они вперяютъ и въ самихъ себя
и въ учениковъ своихъ, что этошъ
способъ имъ извѣстенъ; онибъ усты-
дились, если бы въ душѣ человеческой
упаилась отъ нихъ хоть одна загадка,

копорую не могли бы они разгадать
любопытнымъ юношамъ.

Есть и другіе ослѣпленные хулише-
ли, чуждые вѣры: они, посмѣваясь,
опвергають все небесное въ восторгѣ
художника и не хотѣють признасть осо-
беннаго знаменія свѣтыни, сіяющаго
на рѣдкихъ духахъ возвышенныхъ,
попому что чувствують себя вовсе
ихъ чуждыми. Но они ко мнѣ не от-
носятся; я съ ними не имѣю дѣла.

Я хотѣлъ бы снабдить совѣпомъ
нѣхъ лжемудрыхъ, о копорыхъ гово-
рилъ выше. Они пакъ смѣло и лег-
комысленно произносять ученикамъ
своимъ рѣшипельныя мнѣнія о пред-
метахъ божеспвенныхъ, и обольща-
ють юныя души, вселяя въ нихъ
льспивую мечпу, что будпо бы въ
ихъ волѣ — поспигнуть пѣ чудеса,
копорыя совершены великими худож-
никами по внушеніямъ, смѣло говорю,
божеспвеннымъ.

Какое множеспво анекдотовъ и
значительныхъ изрѣченій безпреспан-
но повпоряется изъ жизни художни-

ковъ! — и какъ не странно, что имъ внимающъ съ пустымъ удивленіемъ и никпо по симъ ясно говорящимъ признакамъ не заключиптъ о священной силѣ Искусства, ими знаменуемой, и никпо, говорю, здѣсь, какъ и во всей природѣ, не признаеть перспа Божія!

Что касается до меня, во мнѣ уже давно шайтся эша вѣра; она, прежде темная, шеперь озарена лучами свѣтлаго убѣжденія. Я счастливъ: меня, кажется, Небо избрало для того, чтобы возвѣщать Его славу яснымъ опроверженіемъ чудесъ невѣдомыхъ: я успѣлъ воздвигнушь новый алтарь во славу Божію.

Рафаэль (какъ солнце блистающій между всѣми живописцами), въ письмѣ своемъ къ Графу Каспильоне оставилъ слова, которыя для меня драгоценнѣе золота, и я не могу ихъ чипать безъ какого-то тайнаго, невнятнаго чувства благоговѣнія и любви. Вотъ онъ:

«Въ мірѣ такъ мало изображеній прелесци женской; посему-то я при-

лѣпился къ одному пайному образу, которъй иногда навѣщаетъ мою душу.»

Къ моей невыразимой радости я недавно сверхъ чаянiя объяснилъ пайну значительныхъ словъ Рафаэля.

Просматривая въ нашемъ монастырѣ сокровищницу древнихъ рукописей, я въ кучѣ ненужнаго пыльнаго пергамена опрыльнѣсколько листочковъ, исписанныхъ рукою Браманша; не лѣзя поспигнуть, какимъ образомъ они заняли въ это мѣсто. На одномъ изъ нихъ я прочелъ слѣдующее и передаю эпо на своемъ языкѣ, какъ можно ближе къ подлиннику.

«Для памяти и для собспвеннаго удовольствiя здѣсь я хочу сохранить чудо, которое довѣрилъ мнѣ дорогой другъ мой, Рафаэль и приказалъ шипъ подъ печатью молчанiя. Однажды, когда я ему съ открытымъ и полнымъ сердцемъ выражалъ удивленiе надъ прелестными образами Мадонны и Свяпаго сѣмейсва, и убѣдительно просидъ его, чшобы онъ разгадалъ

мнѣ: гдѣ, въ какомъ мѣрѣ онъ видѣлъ эпу несравненную красоту, прогашельный взглядъ и выраженіе неподражаемое въ образѣ Пресвятой Дѣвы? Съ юношеской спыдливостью, со скромностью, ему свойственной, Рафаэль нѣсколько времени хранилъ молчаніе; потомъ, сильно пронупый, со слезами бросился мнѣ на шею и опкрылъ свою тайну. Онъ разсказалъ, что опъ самой нѣжной юности всегда пламенѣло въ душѣ его особенное святое чувство къ Матери Божіей; даже иногда громко произносилъ Ея имя, онъ ощущалъ грусть душевную. Опъ самаго перваго побужденія къ живописи онъ ппалъ внутри себя неборимое желаніе—живописать Дѣву Марію въ небесномъ Ея совершенствѣ; но никогда не смѣлъ довѣрять своимъ силамъ. И ночь и день безпреспанно неупомимый духъ его прудился въ мысляхъ надъ образомъ Дѣвы, но никогда не былъ въ силахъ удовлетворить самому себѣ; ему казалось, что эполъ образъ все еще опуманенъ какимъ-то мракомъ

передъ взорами фантазіи. Однако иногда будто небесная искра заранивалась въ его душу и образъ въ свѣпльыхъ очерпаніяхъ являлся передъ нимъ шакъ, какъ хотѣлось бы ему написать его; но эшо было одно лучшее мгновеніе: онъ не могъ удерживать мечты въ душѣ своей. Непреспанное безпокойство волновало духъ Рафаэля; онъ только мимоходомъ взиралъ на черты своего идеала, и темное чувство души никогда не хотѣло преобразиться въ свѣпльное явленіе; наконецъ онъ не могъ удерживаться долѣе, преспешной рукою принялся живописать Мадонну; во время работы внутренній духъ его болѣе и болѣе распламенялся. Однажды ночью, когда онъ во снѣ молился Преспешной Дѣвѣ, что бывало съ нимъ часно, вдругъ, опъ сильнаго волненія, воспрянулъ опъ сна. Во мракѣ ночи взоръ Рафаэля привлеченъ былъ свѣпльымъ видѣніемъ на спѣнѣ прощивъ самаго его ложа; онъ взглянулъ въ него и увидѣлъ, что висѣвшій на спѣнѣ, еще не докончанный образъ Мадонны

блиспаль кропкимъ сіяніемъ и казался совершеннымъ и будпо живымъ образомъ. Онъ пакъ выражалъ свою божественность, чпо градомъ покапились слезы изъ очей изумленнаго Рафаэля. Съ какимъ неизъяснимо-прогапельнымъ видомъ онъ смопрѣлъ на него очами слезными и каждую минушу, казалось ему, эпошь образъ хошѣлъ уже двигатъся; даже мнилось, чпо онъ двигаешся въ самомъ дѣлѣ. Но чудеснѣе всего, чпо Рафаэль нашель въ немъ именно то, чего искалъ всю жизнь и о чемъ имѣлъ шемное и смупное предчувствіе. Онъ не могъ припомнишь, какъ заснулъ опяшь; но вснавши ушромъ, будпо вновъ переродился: видѣніе на вѣки врѣзалось въ его душу и чувсва, и вопшь почему удалось ему живописать Машерь Божію въ пошь образѣ, въ какомъ онъ носиль Ее въ душѣ своей, и съ шѣхъ поръ всегда съ благоговѣйнымъ шрепешомъ онъ смопрѣлъ на изображеніе своей Мадонны.—Вопшь чпо мнѣ разсказаль другъ мой, дорогой Рафа-

эль, и я почелъ это чудо споль важнымъ и замѣчательнымъ, что для собственнаго наслажденія сохранилъ его на бумагѣ.»

Таково содержаніе неоцѣненнаго листочка, копорый попался мнѣ въ руки. Теперь ясно, что божественный Рафаэль разумѣлъ подъ сими значительными словами:

«Я прильпился къ одному тайному образу, копорый иногда навѣщаешь мою душу.»

Это очевидное чудо могущества небеснаго не научишь ли постигать всей глубины и важности смысла, съ коимъ непорочная душа Рафаэля произнесла сіи слова? Не поймушь ли наконецъ, что всѣ лжемудрыя толкованія о воспоргѣ художника есть одно согрѣшеніе?—и не убѣдяшься ли, что ему нѣтъ другой вины, кроме непосредственнаго присутствія Божія?

Ничего болѣе не прибавляю къ моему разсказу, чтообы каждому предоставишь сей важный предметъ на собственное размышленіе. С. III.

2.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ

древняго, знаменишаго въ свое время
живописца

ФРАНЧЕСКА ФРАНЦІА,
основашеля Ломбардской школы,

Если эпоха возрожденія наукъ и учености произвела мужей, замѣчательныхъ въ человѣчествѣ, всеобъемлющихъ, сильныхъ духомъ и богатыхъ знаніями; то и славный вѣкъ живописи, когда она, подобно фениксу, возникла изъ дремлющаго пепла, ознаменованъ мужами, возвышенными творческой силою Генія. Это время представляешь истинный героическій вѣкъ Искусства: мы можемъ, подобно Оссіану, со вздохомъ сказать, что духъ и величіе сего златаго вѣка вмѣстѣ съ нимъ исчезли съ лица земли. Во многихъ мѣстахъ славилась

многіе художники; каждаго возвышала
 собспвенная сила. Ихъ жизнь и прудолюбіе
 весьма доспойны были того, чшобы
 современные почишатели Искусства
 въ особенныхъ льшописяхъ передали
 попомспву память о великихъ. Съ
 пѣмъ же благоговѣніемъ должно
 взирать на геній сихъ художниковъ,
 съ какимъ взираемъ на ихъ брадапыя
 лица, кошорыя сохранены въ драгоцѣн-
 ныхъ собраніяхъ ихъ поршреповъ.
 Между ними случались произшесствія
 необыкновенныя и нынѣ невѣрояшныя
 пошому, что пламень восшорга,
 кошорый въ то золошое время обнималъ
 весь міръ земной, нынѣ свѣшпшъ въ
 немногихъ избранныхъ душахъ, да и
 то подобно свѣшу тусклой лампы.
 Перерожденное попомспво сомнѣва-
 ется въ испинѣ разсказовъ о томъ
 времени и со смѣхомъ выдаешъ ихъ
 за сказки: видно искра огня бо-
 жешвеннаго въ немъ совершенно
 угасла.

Смерть одного древняго живописца
 Франческа Франчіа, перваго основа-

шла школы въ Болоніи и Ломбардіи, естъ одно изъ самыхъ примѣчательныхъ повѣствованій такого рода; безъ удивленія я не могъ чинать эшаго произшесствія; но сердце никогда не осмѣливалось сомнѣваться въ истинѣ онаго.

Родители Франческа были незначущіе ремесленники; онъ же непрестаннымъ возвышеніемъ духа и неутомимымъ трудолюбіемъ достигъ высочайшей степени славы. Въ юности онъ отданъ былъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру и въ скорое время изумилъ всѣхъ опличной работою серебряныхъ и золотыхъ вещей. Долгое время онъ выбивалъ клейма на медаляхъ; всѣ Князья и Герцоги Ломбардскіе вмѣняли себѣ въ честь имѣть на монетахъ свои изображенія работы Франческовой. Въ то время вельможи и сограждане, чуждаясь зависти, любили громогласными похвалами возвышать опечесшвеннаго художника. Весьма многія знаменитыя особы крови царской, проѣзжая чрезъ

Болонію , немедленно просили Франческа срисовать ихъ поршпреты и потомъ вырѣзать и вѣбить на мешалѣ.

Но вѣчно безпокойный, вѣчно пламенный духъ художника искалъ новаго поля для своей дѣяпелъности ; чѣмъ болѣе онъ насыщаль пыльное свое честолюбіе, тѣмъ сильнѣе возгоралось въ немъ неперпѣніе открьпть новое, еще неиспытанное поприще для своей славы. Сорокъ лѣтъ ему минуло, какъ вспунилъ онъ въ предѣлы новаго искусства; съ неушомимымъ прудолюбіемъ упражнялся онъ въ живописи и всѣ свои мысли напрягалъ къ тому, чпобы научиться соспавлять цѣлыя карпины и чудеснымъ образомъ сливать волшебныя краски. Удивительно, съ какою скороспю успѣлъ онъ совершить пакія произведенія, копорыя изумили всю Болонію. Въ самомъ дѣлѣ живопись его была превосходна, не смотря на то, чпо имѣлъ онъ многихъ соперниковъ, чпо въ то же время самъ божеспвенный Рафаэль шворилъ въ Римѣ высовія изображенія ; но пруды Франче-

сковы можно справедливо поспавишь на ряду съ самыми изящными. Испочникъ красопы не шакъ скуденъ, чпобы жизнь одного челоувка могла его исчерпать; слава Искусства удѣлъ не одного избраннаго; свѣтъ его дробился на тысячи лучей, которые въ великихъ художникахъ, посланныхъ въ мѣръ Провидѣніемъ, различными цвѣтами отражаются передъ нашими воспорженными взорами.

Франческо принадлежалъ къ первому поколѣнію художниковъ Италіи, которое пользуется уваженіемъ, шѣмъ болѣе всеобщимъ, что оно на развалинахъ варварства воздвигло новое, великолѣпное царство художествъ; въ Ломбардіи Франческо былъ основателемъ и первымъ царемъ своей цвѣтущей области. Искусная рука его совершила неисчислимое множество изящныхъ картинъ; онѣ разошлись не только по всей Ломбардіи (гдѣ каждый городъ считалъ посшднымъ не имѣть хотя одного шворенія Франческова), но и по всѣмъ шранамъ Италіи.

Повсюду, восхищая взоры зришелей, онъ возвѣщали имъ славу художника. Владѣтельные Князья и Герцоги Италіи наперерывъ желали имѣть шворенія Франческа; со всѣхъ сторонъ раздавались ему громкія похвалы. Куда ни пріѣзжали Болонскіе путешественники, всюду оспавалось его имя. Они, посѣщая Римъ, хвалили Рафаэлю опечесивеннаго художника, и самъ Рафаэль съ удивленіемъ видѣлъ нѣкоторыя его каршины и съ кропкой своей привѣпдивоспью обнаружилъ ему въ письмахъ чувства уваженія и пріязни. Писатели того вѣка не могли удержаться, чшобы въ своихъ сочиненіяхъ не прославить современнаго художника; они обрапшили на него взоры пощомспва, съ большою важноспью повѣспвуя, чшо современники почишали Франческа геніемъ божеспвеннымъ. Одинъ изъ нихъ (*) осмѣлился даже сказать, чшо будшо бы Рафаэль, при первомъ взглядѣ на его Мадонну, оживилъ

(*) Кавацоне.

мершвую, правильную кисть свою, доставшуюся ему опъ школы Перуджиновой, и возвысилъ спиль живописный.

Сии громкія похвалы произвели благопворное вліяніе на нашего Франческа; живой духъ его возвышался болѣе и болѣе съ благороднымъ величіемъ художника; онъ началъ вѣрнѣе при-сущспвію небеснаго Генія во глубинѣ души своей. Гдѣ нынѣ найши эпу возвышенность духа? Тщешно спанемъ исхашъ ее въ щеславныхъ художникахъ нашего времени, которые не Искусствомъ гордящся, но собою.

Изо всѣхъ современныхъ живописцевъ одинъ Рафаэль бѣль достойнымъ ему соперникомъ. Франческо во всю жизнь не выѣзжалъ изъ своей Болоніи и пошому никогда не имѣль счастливаго случая—видѣть пворенія Рафаэля. Но по нѣкоторымъ описаніямъ онъ соспавиль въ умѣ своемъ понятіе о характерѣ его живописи; а скромное, всегда привѣпливое обхождение въ письмахъ Урбинскаго художника сильно убѣдило Франческа, что

онъ во многихъ своихъ швореніяхъ сравнялся съ нимъ, а въ иныхъ даже и превзошелъ его. Судьба назначила ему въ спаросии увидѣть собственными глазами произведеніе Рафаэля.

Вдругъ неожиданно онъ получилъ отъ него письмо; Рафаэль увѣдомляетъ Франческа, что онъ докончилъ образъ св. Цециліи, назначенный для алтаря въ Болонскую церковь св. Іоанна, что скоро пришлетъ свое произведеніе къ нему, какъ своему другу; и проситъ оказать ему милость избрать приличное мѣсто для образа, а если онъ случайно поврежденъ на дорогѣ или здравый вкусъ художника найдетъ недоспапки въ исполненіи, то по праву друга великодушно ихъ исправитъ. Франческо былъ внѣ себя отъ письма Рафаэля. Какъ? — Великій художникъ Рима смиренно уступаетъ ему кисть свою! Съ какимъ непереносимымъ ожиданіемъ онъ образа! Ахъ! онъ не зналъ, что ему предстояло.

Однажды Франческо возвратился домой съ прогулки; вдругъ ученики бѣ-

гупъ ему на встрѣчу и всякой наперерывъ съ воспоргомъ рассказываетъ, что картина Рафаэля получена, что они выставили ее въ масперской на самомъ лучшемъ мѣстѣ: Франческо, видя себя, бросился въ комнату.

Но какъ мнѣ изобразить передъ нашимъ безчувственнымъ свѣпомъ тѣ ощущенія, которыя внезапно расперзали всю душу необыкновеннаго чело-вѣка при взглядѣ на божественный образъ! Представьте: если кто нибудь съ пламеннымъ воспоргомъ лепилъ въ объятія къ любезному бра-ту, разлученному съ нимъ опъ самаго младенчества, и вдругъ, вмѣсто чело-вѣка, видитъ предъ собою свѣплаго, небснаго Ангела: то было съ Франческомъ. Эпощъ взглядъ пронзилъ насквозь всю его внутренность: словно на часпи разорвалось его сердце, словно онъ падалъ ницъ передъ сущес-вомъ высочайшимъ! . . .

Долго споялъ онъ передъ образомъ: какъ будто громъ оглушилъ его. Уче-

ники пѣснились вокругъ спарика, хватали его за руки, спрашивали, что съ нимъ сдѣлалось? и не знали, что подумать.

Онъ едва опомнился, но неподвижные взоры все усуремлены были на божественный образъ. О бѣдный Франческо! Съ какой высоты величія онъ упалъ внезапно! Какимъ тяжкимъ покаянiемъ должно очистить ему грѣхъ шой гордоспи, въ кошорой онъ надѣялся даже до звѣздъ доспигнуть, спашь выше его, выше божественнаго Рафаэля. Онъ ударилъ себя по сѣдой своей головѣ, плакалъ горькими слезами прискорбiя и думалъ самъ съ собою: какъ? я провель всю жизнь въ суещныхъ замыслахъ чесполобiя, часъ опъ часу спановился безумнѣе, и теперь, на краю гроба, осужденъ смотрѣть на цѣлую жизнь свою, какъ на жалкую, недоковчанную каршину какого нибудь грѣшнаго художника!... Пошомъ съ умилениемъ поднялъ слезные взоры къ образу св. Цецилии, ошкрылъ передь Небомъ раны сердца, уязвленнаго рас-

каянїемъ и смиренную принесъ молищ-
ву о прощенїи.

Силы спарика ослабѣли ; ученики
принуждены были положить его на
поспелъ. При выходѣ изъ комнаты,
нѣкопорыя карпины его работы, а
особенно образъ умирающей Цецили,
бросились ему въ глаза : онъ едва не
умеръ отъ горести.

Съ той самой поры душа Франчес-
ка спрадала отъ непрестаннаго помѣ-
шательства : въ немъ замѣнили почши
совершенное отсутствїе ума. Къ то-
му же старость ослабила силы тѣлес-
ныя, творческій духъ упомился отъ
дѣятельности, всегда напряженной, и
все это разрушило до основанїя свѣт-
лый храмъ души его. Тѣ безконечные
образы, которые прежде наполняли
живописный мїръ его воображенїя и
часто въ минушу воспорага оживля-
лись на холстѣ чудеснымъ слїанїемъ
красокъ и очерпанїй, теперь въ обез-
ображенныхъ видахъ бродили въ ду-
шѣ и, подобно грознымъ призракамъ,
успрашали несчастнаго во время бо-

лѣзненныхъ припадковъ. Однажды ученики неожиданно нашли его мерпваго въ постель.

Эпошь человекъ не былъ ли великъ и пошому, что призналъ свое ничпожесшво передъ небеснымъ Рафаэлемъ? За шо Геній искусства, по всеобщему голосу своихъ избранныхъ, возложилъ вѣнецъ на главу сего мученика, умершаго жерпвою своего художественнаго воспорга.

Древній Вазари, напишанный духомъ праощцевъ Искусства, передалъ намъ сіе повѣспованіе о смерти Франческа Франчіа.

Наши холодные крипики не хотяптъ, да и не могутъ вѣриптъ воплощенію духовъ необыкновенныхъ: по ихъ мнѣнію, эпо чудеса сверхъестешвенныя; таинспвенная книга природы для нихъ написана простою, обыкновенной прозою; они смѣюпся надъ разговоромъ древняго, почшеннаго Лѣпописца и ушверждаюптъ, что Франческо Франчіа былъ оправленъ. С. Ш.

3.

УЧЕНИКЪ И РАФАЭЛЬ

Въ то время, когда изумленный міръ видѣлъ у себя въ госпяхъ великаго Рафаэля—(мало сказать великаго, невольно назовешь его божественнымъ),—въ то время,—на которое я право сей часъ бы промѣнялъ все просвѣщеніе, всю мудрость позднѣйшихъ спольсій,—въ это золотое время въ одномъ городкѣ Флорентинской области жилъ молодой человекъ, по имени Антоніо, который весьма прилѣжно занимался Живописью. Опъ самаго дѣшсства воспламенилась въ немъ любовь къ этому искусству; еще будучи ребенкомъ, онъ съ большимъ спараніемъ рисовалъ всѣ образа Святыхъ, какіе ему попадались. Но, не смопря на свою постоянную ревность и на пламенное желаніе создать что либо изящное, онъ не имѣлъ внушен-

ияго созерцація, эпой шворческой силы, безъ которой чувство изящнаго расшепъ медленно, прерывиспо, и никогда не можешъ швердо и свободно вознесшисъ къ небу: таково несчастное сочепаніе силъ духовныхъ; сколько несовершенныхъ художниковъ родилось въ міръ подъ симъ роковымъ созвѣздіемъ!

Антоніо долгое время списывалъ лучшіе современные образцы Искусства; первые опыты удались; онъ съ неизъяснымъ удовольствіемъ видѣлъ сходство своихъ подражаній и швердо надѣялся на будущіе успѣхи. Наконецъ случилось ему взглянуть на рисунки и карпины Рафаэля; онъ съ давняго времени слышалъ, какими похвалами превозносили его имя, и однажды нашель удобный случай списать одно произведеніе славнаго художника. Но на эпошъ разъ, какъ ни шрудился прилѣжный Антоніо, все никакъ ему не удавалось; онъ не зналъ, опъ чего бы эпо могло бышь, съ не-

перпѣнія бросилъ кисть, подумалъ, рѣшился и написалъ слѣдующее письмо:

«Первому изъ всѣхъ живописцевъ,
Рафаэлю Урбинскому.»

«Извините меня, я хочу говорить съ вами, но не знаю, съ чего долженъ начать: вы человекъ непонятный, необыкновенный, а я простъ, да къ тому же и красиво писать не выучился. Ужь я долго, долго думалъ, вѣжливо ли будетъ съ моей стороны послать къ вамъ письмо, когда я не имѣю чести знать васъ лично. Но мнѣ такъ много говорили о вашемъ опкровенномъ и добромъ сердцѣ, что я наконецъ рѣшился.

«Не буду лишними словами опни-
мать у васъ золотого времени; я во-
ображаю, какъ вы должны быть при-
лежны. Хотѣлось бы мнѣ только оп-
крыть вамъ мое сердце и принести
мою покорнѣйшую просьбу.

«Я еще ученикъ въ Живописи, но люблю ее болѣе всего; она одна веселила мое сердце. Мнѣ вѣрился даже,

что едвали ктонибудь, разумѣется
кромѣ васъ и другихъ славныхъ ма-
сперовъ нашихъ, имѣеть такуюже
любовь, такую спрась къ сво-
ему искусству, какъ я. Всѣми силами
спараюсь какънибудь ближе подойти
къ моей цѣли, но эта цѣль слишкомъ,
слишкомъ опъ меня далека; могу ска-
зать, что не только дня, даже часа не
провожаю праздно, и съ радостію замѣ-
чаю, что съ каждымъ днемъ, хоть и
помаленьку, а все таки впередъ иду.
Ужъ я много списалъ картинъ слав-
ныхъ масперовъ нашего времени; но
какъ принялся за ваши, не знаю, куда
дѣвалось умѣнье: хоть опять начинай
учишься. Удалось мнѣ срисовать не
одну голову, и скажу не въ похвальбу
себѣ, кажется, и черпы и свѣтъ и
тѣни все въ моихъ снимкахъ какъ
должно быть; но не такъ бываетъ,
когда пружусь надъ вашими изоб-
раженіями Апостоловъ и Учениковъ
Хрисповыхъ, Божіей мапери, младен-
ца Іисуса: спараюсь приноровить почъ
въ почъ, съ такимъ напряженіемъ,

что не понимаю, какъ глазъ у меня доспаешъ; а потомъ, какъ взгляну на всю картину, какъ сравню ее съ подлинникомъ, такъ ужасъ меня возьметъ: ваши опъ моихъ, какъ небо опъ земли, лица совсѣмъ не тѣ. А съ перваго взгляда на ваши изображенія, кажется, ихъ легче срисовать, чѣмъ другія; въ нихъ словно говоритъ сама природа, въ каждой картинѣ узнаю лица знакомыя, какъ будто я прежде гдѣ-то видалъ ихъ. Также нѣтъ у васъ эшаго труднаго, необыкновеннаго сокращенія членовъ, въ чемъ хотѣшь показашъ свое превосходство другіе мастера нашего времени и тѣмъ перзаюшъ насъ бѣдныхъ учениковъ своихъ.

«Какъ я ни думалъ, какъ ни ломалъ себѣ голову, но все не могъ поспичъ, что особеннаго въ вашихъ картинахъ, почему не лзя вамъ подражаъ, почему невозможно достигнуть вашего совершенства; нѣтъ, это выше моего понятія. Но не откажите мнѣ въ помощи! Прошу, умоляю васъ, научите меня—вамъ должно быть

эпо извѣстно—чпó я долженъ дѣлать, чпобы хоть нѣсколько вамъ уподобиться? О какъ глубоко врѣзался бы вашъ урокъ въ моей памяти! съ какимъ спараніемъ ябъ его выполнилъ! Признаюсь вамъ, простиите великодушно, я даже иногда осмѣливался думать, чпо вы владѣете какой нибудь чудесной шайной, о которой никто другой не можетъ имѣть понятія. Какъ бы хотѣлось мнѣ хоть полденечка видѣть васъ за работою; но вы вѣрно въ это время къ себѣ никого не допускаете. Чпó еслибы былъ я богатымъ царемъ—много, много золота я далъ бы вамъ за вашу шайну!

«Извините мою дерзость: я слишкомъ заговорился. Вы человѣкъ необыкновенный: чпó передъ вами другіе люди? вы должны смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ.

«У васъ и дни и ночи проходятъ въ трудахъ надъ прекрасными произведеніями; вѣрно въ своей юности вы въ одинъ день такъ успѣвали, чпо вѣдь ли и въ годъ мнѣ успѣть за

вами. Но я все таки не перестаяю, сколько силъ у меня доспанешъ, занимаюсь любезнымъ моимъ искусствомъ.

«Тѣ, которые болѣе меня смыслятъ въ живописи, особенно хвалятъ выраженіе вашихъ лицъ; по ихъ словамъ, никто, кромѣ васъ, не выльетъ въ лицѣ всю душу съ такимъ искусствомъ, съ такою силою, что по движеніямъ, по чертамъ въ минушю опгадаешь самыя тайныя ея мысли. Въ эгихъ вещахъ я совсѣмъ не знапокъ, я ихъ понять не могу.

«Наконецъ пора мнѣ перестать беспокоить васъ моимъ докучнымъ любовнымъ искусствомъ. О какъ бы вы меня утѣшили, еслибъ хотя въ нѣсколькихъ словахъ дали милоспивый совѣтъ

всею душою васъ почитающему

Анпонио.»

Таково было письмо юнаго Анпонио къ Рафаэлю, который съ обыкновенной своей веселостью написалъ къ нему слѣдующій отвѣтъ:

« Милый Антонио !

« Твоя пламенная любовь къ живописи , свое неутомимое трудолюбіе весьма похвальны ; ты меня душевно порадовалъ , другъ мой . Къ сожалѣнію я самъ не могу отвѣчать тебѣ на вопросъ , не потому , чтобъ это была у меня завѣтная тайна : нѣтъ , я всей душой радъ бы открыть ее и тебѣ и каждому , но потому что она для самаго меня остается загадкой .

« Знаю впередъ , ты мнѣ не повѣришь , а все таки скажу настоящую правду . Спроси пѣвца : откуда у него взялся грубый или пріипный голосъ ? — можешь ли онъ отвѣчать тебѣ ? такъ и я не могу сказать , почему изображенія подъ моею рукою ложатся такъ , а не иначе .

« Міръ ищетъ чего-то особеннаго въ моихъ картинахъ ; коль мнѣ замѣтять ту или другую красоту въ моихъ изображеніи , я съ улыбкой смотрю на нее и самъ удивляюсь , какъ удалось мнѣ такъ хорошо сдѣлать . Это совершилось въ какомъ-то пріипномъ

снѣ; во время труда я болѣе думалъ о предметѣ, нежели о томъ, какъ мнѣ изобразить его.

«Если ты въ своихъ снимкахъ не можешь передать собственнаго выраженія моихъ картинъ, то вопъ тебѣ совѣтъ мой, любезный Антонио: возьми себѣ за образецъ одного изъ славныхъ живописцевъ нашего времени; каждый изъ нихъ по особенному достоинству заслуживаетъ подражаніе; я съ большою пользою у нихъ учился и теперь еще часто люблюсь ихъ разнообразными красками. Что касается до рода моей живописи, то каждый долженъ имѣть свой собственный; мой дала мнѣ природа; я ни мало надъ нимъ не прудился; этому никакими усилиями научиться невозможно. И такъ, любезный Антонио, продолжай съ любовію упражняться въ своемъ искусствѣ — проси.»

С. III.

4.

О Б Р А З Е Ц Ъ

искуснаго и весьма ученаго живописца,
предсавленный въ жизни

ЛЕОНАРДА ДА ВИНЧИ,

знаменишаго основателя Флореншинской
школы.

Во время возрожденія живописи, Италія произвела на свѣтъ Геніевъ, на которыхъ попомспво должно взирашь, какъ на мужей, осѣненныхъ благодатию небесною. Смѣло говорю, что они первые волшебными заклинаніями духа заговорили дикую природу или лучше сказаць, первые изъ хаоса земнаго шворенія извлекли небесный лучъ искусства. Каждый изъ сихъ Геніевъ блиспаль собспвеннымъ, незаемнымъ свѣпломъ совершенства; каждому изъ нихъ воздвигнушь жершвенникъ во храмъ художествъ.

Теперь избираю предметомъ своихъ наблюдений славнаго основателя Флорентинской школы, Леонарда да Винчи, желая представить въ немъ образецъ совершенно полнаго, основательнаго изученія искусства и примѣръ неупомимой дѣятельности духа. Любознательные ученики увидявъ въ моемъ разсказѣ, что художникъ ни въ чемъ еще не успѣлъ, если онъ только умѣетъ ловко управлять кистию, и приковавши себя къ чьему нибудь знамени, вооружась минувнымъ и ложнымъ воспоргомъ, смѣло восплаещъ пропивъ глубокаго, основнаго изученія правилъ. Леонардо покажетъ имъ, какъ любилъ Геній искусства сочетаваться съ важной богинею мудрости, какъ всѣ безчисленные, разноцвѣтные лучи человѣческаго познанія, отражаясь въ душѣ великой, открытой, воспаленной одною мыслию, сливаются во свѣтъ единый и совершенный.

Леонардо родился въ мѣстечкѣ Винчи, лежащемъ въ долину Арно, недалеко отъ великолѣпной Флоренціи.

Еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, какъ бываетъ всегда у Геніевъ избранныхъ, открылись въ немъ искусство и остроуміе, дары щедрой природы; они ясно проглядывали въ шѣхъ пестрыхъ изображеніяхъ, которыми забавлялась смѣлая рука ребенка. — Такъ вытекаешь изъ лопа земли рѣзвый ручеекъ, но взгляни далѣе: узналъ ли пы его въ стремительномъ, чудномъ пошкѣ? Кто съ перваго раза предвидишь въ немъ силу, кто знаетъ, что крѣкія плошины не успоашъ прошивъ порыва волнъ, пошъ дасъ свободный пущъ ихъ печенію. Такъ и опецъ Леонарда, согласно со врожденною склонностію сына, опдалъ его на руки знаменишому и заслуженному во Флоренціи художнику *Андрео Вероккіо*.

Но кто въ нашемъ вѣкѣ поминаешь о сихъ именахъ, которые тогда блистали, подобно звѣздамъ, пламенюющимъ въ небѣ? Исчезли великія имена; объ нихъ нигдѣ не слышно; не знаютъ даже, были ли онѣ когда нибудь.

Андрей Вероккіо выходилъ изъ круга людей обыкновенныхъ. Онъ равныя приносилъ жертвы происпвенному союзу искусствъ образовательныхъ — живописи, ваянію и зодчеспву; въ то время не находили въ эпозъ ничего спраннаго; духъ одного человѣка могъ вмѣщать любовь и равную способность къ премоь предметамъ; кромѣ того онъ былъ опытенъ въ знаніяхъ математическихъ и ревностный любитель музыки. Въроятно образецъ наспавника, рано напечатлѣнный въ нѣжной душѣ Леонардовой, сильно на него подѣйствоваль, хотя зародышь чувства изящнаго давно уже шайлся во глубинѣ души его. Но кто, наблюдая развитіе чуждаго духа, развяжеть всѣ нити между причинами и дѣйспвіями, когда сама душа во время своей дѣяпсельности не въ силахъ разгадашь сію тайну?

Изученіе образовательныхъ искусствъ вообще, даже когда предметы ихъ имѣють оппечашокъ важности и уныніа, пребуеть живаго, бодрого

духа; ибо не иначе, какъ посредствомъ перепливаго пруда, можно создать произведеніе совершенное въ этомъ родѣ и вполнѣ улаждающее наши чувства. У людей, всегда задумчивыхъ, всегда заключенныхъ внутри себя, нѣтъ къ тому ни спраси, ни силы, ни пвердоси. Юный Леонардо да Винчи имѣлъ духъ всегда живой и быстрой; онъ не только съ большимъ рвеніемъ упражнялся въ рисованьи, въ накладкѣ красокъ, но даже и въ зодчествѣ; въ минуты отдыха игралъ на скрипкѣ и пѣлъ пѣлишельныя пѣсни. Куда онъ ни обращался своею всеобъемлющею мыслию, вездѣ хоры Музъ и Грацій встрѣчали своего любимца и возносили его въ свѣпмый міръ Поэзіи; даже въ часы отдохновенія Леонардо не касался праха сего дольняго, обыкновеннаго міра. Однако живопись болѣе другихъ занятій увлекала его сердце; къ спыду училеля ученикъ вскорѣ превзошелъ его. Не служилъ ли это доказательствомъ, что искусству нельзя научиться?—но дай ему волю, дай

направленіе,—и оно свободно и обильно попечешъ изъ полнаго испочника души пворческой.

Его фаншазія, богапая великими, краснорѣчивыми идеалами, въ по время юности, когда силы душевныя въ немъ пробудились, ознаменовалась не въ скудныхъ и вялыхъ подражаніяхъ, но въ необыкновенныхъ, роскошныхъ, дивныхъ созданіяхъ мысли. Такъ нѣкогда живописалъ онъ первыхъ прародителей среди рая; не лзя довольно надивиться тому безконечному разнообразію живопныхъ и распѣній, которыми онъ населилъ и украсилъ земной Эдемъ; не лзя довольно наглядѣться на сію роскошную картину. Но второе произведеніе еще чудеснѣе: эпо Медузина голова, написанная имъ на деревянномъ щитѣ одного поселянина. Онъ соспавилъ ее изъ различныхъ членовъ всѣхъ гадовъ, всѣхъ опврапительныхъ чудовищъ, какія только можно предспавить: кажешся, нѣпъ средства создашь ужаснѣйшаго образа. Опыт-

ность лишь привела въ порядокъ сіи грубыя, но обильныя сокровища духа.

Но приступлю скорѣе къ главному моему предмету и постараюсь изобразить всеобъемлющее прудолубіе сего Генія.

Съ пламенною спрасію онъ спремился достигнуть совершенства въ живописи, не въ одномъ, но во всѣхъ родахъ безъ исключенія. Прилжно изучая пайны волшебной кисти, онъ присоединилъ къ тому внимательное наблюденіе; оно, подобно незримому Генію, помогало ему собирать прекрасныя плоды для любимаго искусства во всѣхъ явленіяхъ обыкновенной жизни, на всѣхъ пупяхъ, по кошорымъ онъ шелъ, и гдѣ другіе не чаяли найсти ничего изящнаго. Онъ представлялъ живой примѣръ своихъ уроковъ, начертанныхъ имъ въ превосходномъ швореніи о живописи: въ немъ увидишь, что истинный живописецъ долженъ быть человекомъ всеобъемлющимъ, долженъ представлять пред-

мены не по принятому общему способу, но по собственнымъ врожденнымъ свойствамъ каждого изъ нихъ. За чѣмъ раболовствовать предъ другимъ художникомъ? самъ проложи себѣ путь въ изслѣдованіи природы, и она назоветъ тебя своимъ сыномъ, а иначе едва ли удостоитъ и имени внука.

Изъ всѣхъ его ученыхъ трудовъ одно это сочиненіе уцѣлѣло для потомства: оно, по справедливости, можешь назваться золотою книгою Леонарда. Въ немъ ясно видно, въ какомъ глубокомъ смыслѣ онъ соединялъ уроки и правила искусства съ точнымъ исполненіемъ оныхъ. Всѣ свойства, всѣ возможные изгибы и положенія шла человеческого были извѣстны ему до такой степени, какъ будто онъ самъ его создалъ; въ каждомъ образѣ онъ тотчасъ умѣлъ находить мысль определенную, какъ духовное, такъ и вещественное его значеніе. Онъ ясно намѣкаетъ въ своей книгѣ, что каждое художественное твореніе

должно говорить языкомъ двоякимъ —языкомъ шѣла и души. Въ нѣкопорохъ мѣспахъ онъ предлагаешъ со-вѣпы, какъ живописашъ сраженіе или морскую бурю или многочисленное со-браніе; здѣсь невольнo удивляешся силѣ его фанпазіи, съ какою быспрошою онъ немногими, но ясными, рѣзкими черпами обрисовываешъ полную картину.

Леонардо думалъ, что Геній его искуссва совсѣмъ опличенъ опъ вдохновенія Поэта. Для перваго недоспащно, если онъ пворитъ изъ себя по собспвенному произволу; онъ дол-женъ выйпн изъ міра внутренняго, съ быспрымъ соображеніемъ обзорѣ-вашъ всѣ виды созданія, и безконечные образы и облики предметовъ хра-нитъ въ сокровищницѣ духа; такимъ образомъ опытный художникъ, при-нимаясь за трудъ, найдетъ въ себѣ цѣлый собспвенный міръ созданий. Кпо не скажешъ, что Леонардо весь былъ проникнутъ пламенемъ изящна-го, когда все съ такимъ самовласпіемъ

подчинялъ своему главному чувству? Вспрѣчалъ ли онъ въ прохожемъ правильную часть шѣла, плѣнительное положеніе, волнистый изгибъ: онъ все ловилъ и сберегалъ въ своей сокровищницѣ. По преимуществу нравились ему странныя лица съ длинными волосами и бородою; онъ часто слѣдовалъ за такими людьми, чтобы ихъ образъ запечатлѣлся у него въ памяти, и пришедши домой, живописалъ ихъ такъ естественнo, какъ будтобы они находились передъ его глазами. Вспрѣчалъ ли онъ взаимный, непринужденный разговоръ двухъ особъ, копорыя думали бѣсѣдовать наединѣ, или жаркое преніе, гдѣ всѣ человѣческія спраши, всѣ внутреннія движенія души живо и сильно выражались въ лицахъ, Леонардо не медлилъ и внимательно замѣчалъ всѣ опдѣльныя черты и совокупность ихъ въ одной цѣлой картинѣ.

Часто по нѣскольку часовъ сряду (что инымъ смѣшно покажется) нашъ Леонардо разсматривалъ вѣшкія стѣны,

копорья игривая рука времени расписала чудесными узорами или разноцвѣтные камни съ спранными фигурами. При взглядѣ на такіе предметы у него рождались многія прекрасныя мысли: по сельская картина, по военная гроза, по необыкновенныя лица и положенія. Вопрь почему онъ въ своей книгѣ предписываетъ правиломъ внимательнѣе наблюдать подобныя предметы: чудное ихъ смѣшеніе, по словамъ его, возбуждаетъ въ духъ силу изобрѣтательную. Удивительно, какъ чрезвычайный и неподражаемый Геній Леонарда умѣлъ изъ самыхъ грубыхъ и мѣлочныхъ вещей извлекать драгоцѣнное золото.

Въ знаніи науки своего искусства ни одинъ живописецъ не могъ превзойти его. Внутреннія части шѣла человѣческаго и весь ихъ сложный механизмъ, свойства свѣта, взаимное дѣйствіе и сочешаніе красокъ, отношенія, по коимъ вещи кажутся вдали и менѣе и слабѣе — всѣ сіи предметы постигъ онъ глубоко, а въ нихъ-то и

заключается истинное, первоначальное основание искусства.

Леонардо, какъ выше сказано, не только былъ превосходный живописецъ, но хорошій ваятель и зодчій; много приобрѣлъ опыта по всѣмъ частямъ Математики, основательно зналъ музыку, пріятно пѣлъ, игралъ на скрипкѣ и сочинялъ стихи. Короче, еслибъ онъ жилъ во времена баснословныя, его бы вѣрно назвали сыномъ Аполлона. Онъ имѣлъ охоту упражняться во всемъ, что даже совсѣмъ не согласовалось съ его главными занятіями. Какъ онъ искусно ѣздилъ верхомъ и управлялъ своею лошадыю, съ какою ловкостью дрался на шпагахъ; со стороны всякой бы подумалъ, что онъ всю жизнь провелъ надъ эпимъ. Всѣ чудесныя хитрости Механики, всѣ тайныя силы тѣлъ естественныхъ были совершенно ему извѣсны; разъ для одного торжественнаго случая онъ выпотилъ деревяннаго льва, который самъ собою двигался; въ другой разъ склеилъ изъ какой-то шон-

кой маперіи маленькихъ пшичекъ, кошорья порхали по воздуху. Врожденное спремленіе души изобрѣнать всегда что-либо новое непрерывно пишало его дѣятельность и вниманіе; а благородный и привлекательный нравъ еще болѣе возвышалъ его способности, такъ какъ золотая оправка придаетъ болѣе цѣны драгоцѣнному камню. Щедрая природа, какъ будто съ умысломъ, одарила его дивною силою пѣла, спройнымъ спаномъ, лицомъ съ перваго взгляда внушающимъ любовь и уваженіе, желая опличить и возвысить своего любимца даже передъ слѣпой и равнодушной чернію.

Важный испытующій духъ наукъ, кажепся, совсѣмъ не согласенъ съ шворящимъ духомъ искусства; съ перваго раза не лзя не назвать ихъ совершенно разнородными. Въ самомъ дѣлѣ слишкомъ малое число смертныхъ въ силахъ приносить жертвы сему двойшвенному Генію. Но кто въ собственной душѣ своей находитъ родину всѣхъ знаній и силъ пропивополож-

ныхъ, чей духъ, съ одинакимъ рвеніемъ, съ равною удачею, изъ дѣйствій ума извлекаешъ испину, и внушенія созданія мысли неупомимою рукою олицетворяешъ во внѣшнихъ изображеніяхъ: такому Генію должна удивляться цѣлая вселенная. Но если онъ сверхъ того преданъ не одному искусству, но умѣлъ соединить въ себѣ многія, если онъ чувствуетъ ихъ тайное сродство, чувствуетъ въ себѣ божественный пламень, оживляющій весь міръ Поэзіи: должно признасться, что такой человекъ возвышенъ надъ другими людьми рукою неисповѣдимаго Промысла—и многимъ, многимъ смертнымъ съ ихъ высокими мыслями не достигнуть сего Генія.

Леонардо да Винчи, находясь при Дворѣ Миланскаго Герцога Людовика Сфорца, въ качествѣ главнаго Президента Академіи, имѣлъ случай развить богатыя дары своей природы. Здѣсь онъ обнаружилъ силу Генія въ превосходныхъ картинахъ и статуяхъ; здѣсь показалъ прелесть своего вкуса

въ изящныхъ зданіяхъ; славился между музыкантами игрою на скрипкѣ; съ большимъ искусствомъ успроилъ весьма трудный водопроводъ чрезъ горы и долины: такимъ образомъ одинъ Геній вмѣщаль въ самомъ себѣ цѣлую академію человѣческихъ знаній и способностей. Прежде нежели онъ предпринялъ успроеніе канала, одинъ изъ знаменитыхъ друзей Леонарда пригласилъ его въ свое помѣстье Валверолу: тамъ подъ покровительствомъ сельской Музы Леонардо съ большимъ прилѣжаніемъ изучилъ математическую часть Архитектуры. Здѣсь-то провелъ онъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ уединеніи; испытующій духъ его, перелясь въ глубокомысленныхъ умозрѣніяхъ, неушомимо предавался изслѣдованію математическихъ и всѣхъ вообще знаній, необходимыхъ для основной теоріи искусствъ образовательныхъ. Самая наружность его носила оппечатокъ какого-то мудраго самозабвенія: длинные волосы, оппущенная борода придавали ему

видъ пустытника. Иные въ эпюмъ неушомимомъ прильжаніи полагають главную причину безбрачной его жизни. — Въ эпюмъ же сельскомъ уединеніи Леонардо собралъ плоды своихъ изслѣдованій, очиспилъ и привелъ ихъ въ порядокъ и присоединилъ къ нимъ свои весьма остроумныя мысли и наблюденія: еще и теперь сіе великое твореніе, написанное собственною рукою сочинителя, хранился въ огромной Амвросіанской библіотекѣ города Милана.

Но къ несчастію, не одна древняя рукопись, покрытая завѣшнымъ прахомъ, остается неприкосновенной въ старинныхъ сокровищницахъ, великихъ твореній! Беззаботные сыны нашего вѣка проходятъ мимо ея, обнаруживая пустые знаки припворнаго благоговѣнія. Сія рукопись еще ожидаетъ такого человека, кошорый бы могъ пробудить духъ древняго живописца, усыпленный очарованнымъ сномъ въ эпюмъ твореніи и совлечь съ него долговременныя оковы.

Я не въ состоянїи описатьъ красоты и все превосходство картинъ Леонардовыхъ. Тайная вечеря, украшающая въ Миланѣ прапезу Доминиканцевъ, превосходитъ всѣ прочія его произведенія. Особенно удивительно глубокое выраженіе въ лицахъ учениковъ Христовыхъ; всякой изъ нихъ, кажется, вопрошаетъ учишеля: *Равви! еда ли азъ есмь?* (*) — Древніе Альписцы искусства рассказываютъ слѣдующій анекдотъ: Леонардо, окончивъ лица одиннадцати учениковъ, прежде нежели приступилъ къ изображенію Христа и Іуды, долго медлилъ и думалъ самъ съ собою или лучше сказать, ждалъ счастливой минуты вдохновенія, чтобы совершеннѣе выразить измѣну въ лицѣ предашеля и божественную, высокую душу во взорахъ сына Божія. Наспояпель монастыря заключилъ изъ эшаго медленія, что великій Леонардо, какъ поденщикъ, прудился по заказу; какое невѣжество!

(*) Учишель! не я ли?

Не могу умолчать еще объ одной картинѣ Леонарда, весьма замѣчательной по особенному обстоятельству. Я говорю о портретѣ Элизы дель Джіокондо, супруги Франческовой; онъ прудился надъ нимъ ровно четыре года и не смотря на заботливую и упорную опѣлку cadaго волоска, умѣлъ сохранить душу и жизнь цѣлаго изображенія. Когда Элиза садилась передъ нимъ во время пруда его, онъ нарочно призывалъ пѣвцовъ и музыкантовъ, копорые, сливая веселыя пѣсни съ пріятными звуками музыки, оживляли лице Элизы. Я всегда удивлялся этой остроумной хитрости Леонарда. Онъ зналъ, что особы, съ копорыхъ снимають портреты, обыкновенно въ это время выражаютъ въ лицѣ сухую, вялую задумчивость, что это выраженіе невольно вкрадывается въ самую картину и придаетъ ей видъ мрачный и непріятный. Великій художникъ зналъ также благопворное вліяніе веселой музыки, какъ сильно она отражается въ чертахъ лица,

какою рѣзвою , плѣнительной игрой ихъ оживляешь. Такимъ образомъ онъ успѣшно перенесъ на холстъ всю говорящую красоту живаго лица; у него одно искусство, помогая другому, отражалось въ немъ какою-то новою прелестью.

Многіе опытные живописцы вышли изъ школы Леонарда; изъ эпаго даже можно заключить, какимъ всеобщимъ уваженіемъ онъ пользовался въ своей жизни. Однажды онъ начерпалъ эскизъ запреспольнаго образа въ одномъ монастырѣ Флоренціи; народъ, привлеченный молвою, цѣлые два дни полпами спекался въ городъ, какъ будто на какой нибудь торжественный праздникъ.

Съ самаго бурнаго времени войнъ Италіянскихъ, когда Миланскій Герцогъ претерпѣлъ совершенное поражение и Академія Миланская была разрушена, Леонардо да Винчи переселился во Флоренцію. Уже въ старости онъ былъ призванъ опшуда во Францію Королемъ Францискомъ первымъ.

Монархъ умѣлъ цѣнить его геній и со всѣми знаками дружбы и уваженія принялъ семидесятипяти - лѣтняго спарца. Но судьба не позволила ему долго жить на чужбинѣ госпепрїимной. Трудность пуши, перемѣна образа жизни причинили болѣзнь, которая недолго его мучила. Король часпо навѣщаль больнаго и весьма о немъ заброшился. Однажды, прїѣхавъ къ нему, онъ подходилъ къ постели; спарикъ хочешъ привспасть и принеспи благодарность Монарху за его милоспи; внезапная слабость опняла силы у спарца; онъ бы упаль, еслибъ Король своими руками не поддержаль его, но дыханіе мгновенно прекрапилось — и духъ, создапель великихъ швореній, копорья и шеперь еще сіяюпъ въ своемъ совершенствѣ, улешѣль, какъ улешаепъ древесный листокъ по дунове-ншо въпра.

Если блескъ вѣнцовъ можешъ оживляпъ успѣхи искусства, то послѣдняя минута въ жизни Леонарда представлешъ испинную апошезу художника.

По крайней мѣрѣ въ глазахъ міра не достойная ли награда за всѣ дѣла великаго: умереть на рукахъ вѣнценосца?

Можешь бышь меня спросяшь: не хощь ли я, восхваляя Леонардо да Винчи, представить въ немъ превосходнѣйшій образецъ всѣхъ живописцевъ? не пребую ли я, чтобы всѣ ученики въ искусствѣ спремилась подражать ему?

Вмѣсто отвѣта спрашиваю: развѣ не позволено ограничить свой взглядъ на великомъ, достойномъ вниманія Геніѣ одного человека и обозрѣть всѣ его достоинства въ ихъ согласной цѣлости? Уже ли намъ назначать порядки и разряды для художниковъ, по мѣрѣ ихъ заслугъ, съ такоюжъ почтностью суда рѣшишельнаго, какъ нравоучители различаютъ людей добродѣтельныхъ отъ порочныхъ?

Мнѣ кажется, можно равно удивляться двумъ Геніямъ, сходнымъ по величію достоинствъ, но различнымъ внутренними свойствами. Духъ человека спольже безконечно разнообразенъ, какъ и ихъ наружность.

Почтенный, глубокомысленный ликъ спарца, покрытый морщинами, не называемъ ли мы также прекраснымъ, какъ и невинное, горящее любовію, очаровательное лице юной дѣвы?

Однако, если кто при послѣднемъ изображеніи меня спроситъ: скажи, когда произнесъ ты волшебное имя красопы, загляни въ свою душу, не воспламенился ли невольно въ ней послѣдній образъ,—образъ Венеры - Ураніи?

Я молчу и не знаю, что отвѣчаю. Кто, при взглядѣ на мое двойное изображеніе, согласно со мною сравнитъ два великіе Генія — Леонарда да Винчи и божественнаго Рафаэля, пошъ изъ сихъ сравненій можешъ бытъ извлечешъ важныя слѣдствія. Мечтанія такого рода часто гораздо яснѣ самихъ заключеній ума озаряютъ предметы, ибо вмѣстѣ съ высокими силами знанія въ нашей душѣ хранится волшебное зеркало, гдѣ вся природа свѣтлѣе, нежели гдѣ нибудь, для взоровъ отражается. С. III.

5.

ДВѢ КАРТИНЫ.

По моему мнѣнію , невозможно въ точности описать прекрасный образъ или картину; въ самую самую минуту, когда скажешь объ ней два, три слова , воображеніе оплещаетъ опять нее и одно на волю кружится въ ясномъ своемъ эфирѣ. Посему-то древніе Лѣтописцы искусства, говоря о картинахъ, весьма благоразумно называютъ ихъ изящными, несравненными, все въ мірѣ превосходящими; кажется, болѣе сказать о нихъ невозможно. Однажды мнѣ удалось изобразить двѣ картины; представляю сіи два опыта, ни мало не выдавая этого способа за что нибудь отличное, и отдаю ихъ на произвольный судъ каждаго.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Святая Дѣва Марія съ Христомъ младенцемъ и
съ маленькимъ Іоанномъ.

МАРІЯ.

О за что, за что меня Всеышній
Избралъ для верховнаго блаженства,
На землѣ какого не бывало?
Я нѣмью при великомъ счастьѣ,
Не умѣю, какъ благодарить мнѣ—
Ни слезами, ни весельемъ громкимъ:
Лишь съ улыбкой и съ благоговѣньемъ
Я взираю на Младенца Бога—
И мой взоръ возвысился не въ силахъ
Къ небу, ни къ Ощцу благому въ небѣ!
Никогда не наглядяся очи,
Не нарадуешься сердце, видя,
Какъ Младенецъ у меня играетъ.
О! какихъ высокихъ, важныхъ мыслей
Онъ невинный—и понять не можешь,
А онъ въ очахъ Его разумныхъ
И въ улыбкѣ и въ забавахъ свѣщаясь!
О, не знаю, въ радости что молвишь!
Я какъ будто въ небесахъ лешаю,
Только вспомню, лишь придетъ намысль мнѣ:
Ахъ, я машь, я машь сего младенца!

ИСУСЪ.

Какъ миль и прекрасенъ вокругъ меня міръ!
Но мнѣ въ немъ не шакъ, какъ младенцамъ
другимъ:

Игра не по сердцу,
 И руку не манишь ничто, —
 Игромкая радость нейдетъ мнѣ наразумъ;
 А все, что шакъ живо
 Песпрѣшетъ, мелькаешъ въ глазахъ,
 Проходишь, какъ призракъ лѣшучій,
 Какъ ложная пѣнь.
 За то, какъ я весель душою!
 Я что-то прекрасное чувствую въ ней,
 Чего и сказашъ я не въ силахъ.

И о а н н ѣ.

О какъ люблю Иисуса младенца!
 Какъ улыбаешся шихо, невинно
 Онъ на колѣняхъ у матери милой!
 Царь мой Небесный! молю Тебя сердцемъ,
 Благодарю Тебя, Добрый,
 Славлю Тебя за великую милость:
 Дай и мнѣ, Боже, благословенье!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Поклоненіе Волхвовъ.

В о л х в ы.

Изъ страны далекаго Востока
 Мы пришли во слѣдъ звѣздъ прекрасной, —
 Трое мудрыхъ изъ земли блаженной,
 Гдѣ восходишь горнее свѣшило.
 Много лѣшъ мы мудрости искали,
 Гдѣ ея начало, гдѣ источникъ;
 Много помысловъ созрѣло въ духъ —
 И за то Великій Царь вселенной

Наградилъ насъ скипшромъ и короной,
 И украсилъ чесной сѣдиною
 Ушомленные главы шрудами.
 Но шеперь, влекомы дивной силой,
 Мы пришли изъ дальнихъ странъ Воспока—
 Всѣ плоды шпараній многолѣшнихъ ,
 Всѣ познанья и земную мудрость,
 Предъ Тобой, Божешивенный Младенецъ,
 Со смиреніемъ во прахъ повергнушь
 И съ державами въ порфирахъ царскихъ
 Убѣленные главы лѣпами
 Преклонилъ съ любовью предъ Тобою,
 Принесши Тебѣ молишву съ жершвой.
 Приими: Тебѣ съ благоговѣнемъ
 Мирру, злашо и ливанъ приносимъ;
 Выше жершвы для Тебя не знаемъ,
 Выше жершвы принесши не можемъ.

М А Р І Я.

О прославъ, душа моя, Бога
 Сколько славы мнѣ послалъ Онъ въ мірѣ,
 Какъ возвысилъ передъ всѣмъ народомъ!
 Сей Младенецъ—эшо Сынь мой,
 Чшо на лонѣ у меня играешъ,
 И къ нему на поклоненье
 Мудрецы приходяшъ опъ Воспока!
 Не могу шмопрѣшь я равнодушно: —
 Сердце рвешся!
 Всѣ шруды, всю ихъ земную мудрость
 Повергаюшъ предъ моимъ Младенцемъ;
 И склонивъ колѣна,
 Преклоняюшъ и главы сѣдыя,
 И во прахъ—царскія порфиры!
 Злашо и ливавъ и мирру

Принесли на жершву !
 Для Младенца сколь велика жертва!
 Какъ же мапери не веселишься?
 Чѣмъ воздамъ, какимъ благодареньемъ
 Мудрымъ спарцамъ за ихъ даръ прекрасный^о
 Я не въ силахъ и взглянуть на небо;
 Но небесныя, свяшыя мысли
 Въ радосшной душѣ моей шѣсняшся.

И и с у с ъ.

О какой красой сіяешь
 Та справа, гдѣ всходитъ солнце,
 Гдѣ живутъ шакіе люди!
 Чшо за древность! чшо за пышность!
 Эпи царскія порфиры,
 Эши бѣлыя сѣдины—
 То глубокая ихъ мудросшь!
 И какимъ же дивнымъ даромъ
 Мудрецы меня почпили!—
 И колѣна преклоняющъ!
 Я дивлюсь, на спарцевъ глядя,
 И не знаю, не умѣю,
 Какъ назвашъ чудесныхъ спарцевъ.

С. Ш.

6.

О всеобщности, терпимости и любви къ ближнему въ искусствѣ.

Творецъ, создавшій землю и все на ней сущее, всеобъемлющимъ взоромъ Своимъ окинулъ нашу планету,—и полюкъ благодати разлился во всѣ концы земнаго шара. Изъ таинственнаго лона Своего разсѣялъ Онъ міриады многообразныхъ зародышей творенія, копорые въ несчетныхъ плодахъ своихъ образуютъ во славу Его имени верпоградъ величайшій, песпропы несравненной. Солнце Свое движетъ Онъ чудесно около шара земнаго въ мѣрныхъ кругахъ, и лучи онаго солнца досягаютъ до земли въ безчисленно различныхъ направленіяхъ, и въ каждой полосѣ ея возбуждая жизненность, оплодотворяютъ почву къ многообразнымъ произведеніямъ.

Въ одно и тоже великое мгновение Онъ ровнымъ окомъ почиеть надъ швореніемъ рукъ Своихъ, съ благоспiо пріемля жерпвы природы и живой и безжизненной. Рыканію льва внимаешь Онъ съ шѣмъ же веселіемъ, какъ и крику оленя; а лоя испускаешь для Него запахъ спольже нѣжный, какъ роза и гiацинтъ.

Равно и человекъ изъ Творческой десницы Его исшелъ въ тысящеобразныхъ видахъ.— Братія *единого* сѣмейства—люди не знаютъ, не разумѣютъ себѣ подобныхъ; они, выражаясь различными языками, дивятся другъ другу: но Онъ вѣдаетъ всѣхъ и радуется Своему шворенію; ровнымъ окомъ покоишься Онъ надъ созданіемъ рукъ Своихъ и опъ лица всей природы пріемлешь жерпву хваленія. Онъ слышитъ, сколь разнородно языки человекovy судятъ о Его божешвенныхъ швореніяхъ, и знаешь, что всѣ, — всѣ единогласно—даже безъ вѣдѣнія, безъ умысла, Его *Единого*, *Неизрѣченнаго*, *славословяшь*.

Онъ внемлеть равнымъ образомъ внутреннему чувству чловѣка, говорящему въ различныхъ спранахъ, въ различные вѣка, разными языками; внемлеть, какъ люди въ своемъ неразумѣніи между собою соспязуются: но вѣчный Духъ Господень въ Себѣ разрѣшаеть все въ единое созвучіе.—Онъ вѣдаеть, что каждый говоритъ языкомъ Имъ же каждому внушеннымъ, что всякій обнаруживаетъ свои внутренніе помыслы по своимъ силамъ и назначенію;—и если они въ слѣпотѣ своей между собою соспязуются, то вѣдаеть и признаеть Онъ въ каждомъ права его: милоспиво взираеть Онъ на каждаго и на всѣхъ, и веселился спройному смѣшенію.

Искусство можно назватъ цвѣткомъ чловѣческихъ чувспвованій. Въ вѣчно-измѣняемыхъ видахъ возраспаеть оно къ небу изъ разнообразныхъ спранъ земли, возсылая изъ сосудовъ своихъ единую, слянную воню благоуханія ко Всеобщему Опцу, Который

въ десницѣ Своей держишь и землю, и все на ней сущее.

Онъ признаетъ въ каждомъ швореніи искусства, въ какой бы странѣ оно ни было, слѣдъ той небесной, божественной искры, кошорая, изъ Него исшедъ и воспламенивъ грудь чловѣка, является и въ его малыхъ швореніяхъ, гдѣ просіяваетъ новыми лучами предъ взоромъ Великаго Создателя. Для Него Гошической храмъ столькоже благолъпенъ, какъ и храмъ Грековъ; для Него грубая, воинственная музыка дикихъ стольже благозвучна, какъ и обильные гармоніею хоры и пѣсни церковныя.

Но когда я опъ Него Безконечнаго, чрезъ неизмѣримыя пространства небесъ, вновь нисхожу на землю и переносусь въ среду моихъ собратій,—по, увы! громкія спенанія испоргаются изъ груди моей, когда вижу, сколь мало они пекутся уподобить себя ихъ Вѣчному Образцу небесному. У нихъ—непрестанные раздоры, непрестанное недоумѣніе; они не знаютъ,

что всё спремятся къ одной общей мѣстѣ ; каждый замаперѣль недвижимо на мѣстѣ своемъ, и взоры его не пріобыкли надъ цѣлымъ возноситься.

Людямъ слабоумнымъ непоспужи-мо, какъ могутъ быть на земномъ шарѣ аншиподы, опносишельно къ копорымъ и они сунъ поже. Сіи люди почипають мѣсто , гдѣ находящяся, центромъ пягопѣнія для цѣлаго, и ихъ духу недоспаетъ крыльевъ , чтобъ облепѣть весь шаръ, и цѣлое, въ самомъ себѣ ушвержденное, обнятъ единымъ взоромъ.

Точно также они почипають и свое чувство средопочіемъ всего прекраснаго въ искусствѣ , и гласомъ судей произносятъ о всемъ приговоръ рѣшительный , не размысливъ , къмъ дано имъ это право, и не въ правѣ ли осужденные также порицаютъ ихъ?

Почему не обвиняете Индѣйца въ шомъ, что онъ выражаеяся не нашимъ языкомъ, а Индѣйскимъ? а вините средній вѣкъ, за то, что его храмы созданы не по размѣрамъ Греческимъ?

Такъ проникните же во внутренность чуждыхъ для васъ душъ, и увѣрьтесь, что вы съ непознанными братьями вашими воспріали дары духа изъ одной и тойже Десницы! постигните, что каждое существо развиваетъ въ себѣ внутреннія силы, отъ Неба ему ввѣренныя, и что дѣла его суть вѣрное отраженіе его духа. И если вы не въ состояніи сочувствовать симъ чуждымъ существамъ, и какъ бы ихъ же сердцемъ ощущать ихъ творенія: то да убѣдитъ васъ въ этомъ собственнѣйшій вашъ разумъ!

Если бы всераспредѣляющая десница Божія возрастала съми духа своего въ пустыняхъ Африканскихъ, то лоснистая, черная кожа, широкое, плоское лице, и короткіе курчавые волосы были бы для тебя верхомъ красоты, а перваго тебѣ встрѣчнаго Европейца ты бы осмѣялъ и презиралъ. Если бы душа твоя перенеслась еще далѣе къ Востоку, въ страну Индіи, ты бы въ маленькихъ, спранныхъ и многорукихъ кумирахъ, почувствовалъ присутствіе

паинспвеннаго духа, копорый скрыпно опъ взоровъ нашихъ одушевляешъ ихъ,—а при взглядѣ на изваяніе Венеры Медицейской, не зналъ бы, что сказапъ о ней. И если бы Тому, Чья власпъ надъ побою опъ вѣка, угодно было себя забросишь въ толпы южныхъ Оспровипяпъ, по въ дикомъ боѣ барабана, пронзительныхъ и звонкихъ ударахъ мелодій находилъ бы пы глубокой смьслъ, копорого шеперь вовсе не посшигаешъ. Да изъ какого же испочника почерпнулъ бы пы во всѣхъ сихъ случаяхъ и шворческій даръ, и чувспво наслажденія изящнымъ, если не изъ Испочника предвѣчнаго, всеобщаго, коему пы равно и шеперь обязанъ за сокровища, на себя изліяпныя?

Единспво ума слѣдуешъ у всѣхъ народовъ земли однимъ и шѣмъ же законамъ, съ пою только разницею, что здѣсь просшираешся на безконечно великое поле предметовъ, тамъ же на менѣе обширное. Подобнымъ образомъ и чувспвованіе изящнаго еспъ одинъ и шопъ же небесный лучъ свѣта, но

который только по разнообразнымъ гранямъ спекла чувстввенности преломляешся цвѣтами безконечно разнообразными.

Красота: чудесное, таинственное слово! найдите сначала новые имена для каждаго особаго чувства изящнаго, для каждаго опдѣльнаго произведенія искусства; на всякомъ изъ нихъ играетъ своя краска, для всякаго есть особый нервъ въ составѣ челоѣка.

Но холодный разсудокъ вашъ изъ имени красоты извлекаешъ строгую систему, и хочешъ принудить всѣхъ чувствовашъ по вашимъ предписаніямъ и правиламъ, а сами вы вовсе безчувственны!

Кто вѣришъ какой либо системою, пошъ изгналъ изъ сердца своего всеобщую любовь! Гораздо сноснѣе неперимоспъ чувствованій, нежели разсудка: *Сувѣріе* все лучше *Системовѣрія*.

Возможно ли принудить меланхолика, чпобъ веселая, подблюдная пѣснь была ему по сердцу? или сангвиника,

чпбы сердце его принимало съ удовольствіемъ ужасы трагедіи?

Такъ оставше же каждаго смершнаго и каждый народъ въ поднебесной при его вѣрѣ и его блаженствѣ! — и если не умѣете внушить другимъ наслажденія болѣе возвышеннаго и болѣе достойнаго, то не оправляйте ихъ радости, и учипесь раздѣлять ее съ ними.

Мы, сыны сего вѣка, имѣемъ по преимуществу, что находимся на вершинѣ высокой горы, у подножія коей простираются ряды спранъ и сполъній предъ взорами нашими. Дайте же намъ воспользоваться симъ благомъ, и яснымъ окомъ обпечъ всѣ времена и народы, дабы во всѣхъ разнообразныхъ чувствованіяхъ и швореніяхъ челоѡковъ находились повсюду *человѣческое*.

Каждое существо ищетъ красоты совершенной: но оно не въ силахъ прешупитъ круга, въ коемъ находится, и видитъ прекрасное только въ самомъ себѣ. Подобно какъ во взорѣ

каждаго смершнаго радуга опражаешся различнымъ образомъ, шакъ въ каждомъ человекѣ чувствво прекраснаго принимаетъ особенный опшѣнокъ опъ окружающихъ предметовъ. А всеобщая, первоначальная красота, копорую мы въ минушы воспорженнаго созерцанія шолько именуемъ, хопя не можемъ изъяснитъ словами, являешся въ полномъ величїи Тому, Кто и радугу, и взоръ, ее обозрѣвающїй, создѣлалъ.

Начавъ съ Него, Неизрѣченнаго, рѣчь мою, къ Нему же и обращаюсь, подобно Генїю искусства, — подобно всякому духу, копорый изъ Него исшедъ, къ Нему же во срѣшенїе, чрезъ атмосферу земли, возноштся на все-созженїе.

Н. М.

7.

С л о в о

въ память незабвеннаго нашего праотца

АЛЬВРЕХТА ДЮРЕРА.

О городъ Нюренбергъ, ты, нѣкогда славный во вселенной! Съ какимъ наслаждениемъ проходилъ я свои кривыя улицы; съ какою дѣлскою любовію наблюдалъ свои прародительскіе храмы и дома, въ кошорыхъ врѣзанъ неизгладимо слѣдъ нашего древняго, опеченнаго искусства! Сколь милы душѣ моей произведенія того времени, говоряція столь сильнымъ, прослымъ и испиннымъ нарѣчіемъ! Сколь быспро переносятъ они меня въ тошъ сѣдой вѣкъ, когда ты, Нюренбергъ, былъ еще живымъ и шумнымъ разсадникомъ искусства народнаго, и плодоносящій, неперпѣливый духъ художества вѣялъ жизнию внуши стѣнъ

пвоихъ; когда жили еще многосвѣдущій Гансъ Заксъ и Адамъ Крафшъ ваяпель, славный Альбрехшъ Дюреръ съ своимъ другомъ Вилибальдомъ Биркгеймеромъ, и съ ними шакое множество другихъ достохвальныхъ сыновъ Германіи! Какъ часто желалъ я возвратиться въ ихъ спольшіе! Какъ часто оно мысленно предо мною воскресало, когда я въ тѣсномъ уголкѣ сидѣлъ въ пвоихъ почтенныхъ книгохранилищахъ, и при мерцающемъ свѣпѣ ихъ малыхъ, круглыхъ оконницъ разбиралъ фоліанты неушомимаго Гансъ Закса или иную пожелѣвшую опѣ древности, червями испоченную хартію; — или когда ходилъ подѣ смѣлыми сводами пвоихъ темныхъ церквей, гдѣ рѣзьба и живопись времени минувшаго чудно освѣщаются песпро расписанными рамами!...

Опять вы съ удивленіемъ на меня взираете, вы — маловѣры съ тѣсною душою! Я самъ, я самъ ихъ знаю — миршовыя роци Ипалійскія, и небесный пламень вдохновенныхъ мужей счасп-

ливаго юга: за чѣмъ зовете вы меня въ шу спорону, гдѣ вѣчно привипающъ помыслы души моей, гдѣ моя жизнь видѣла лучшіе часы свои—вы, предспавляющіе себѣ предѣлы повсюду, даже шамъ, гдѣ нѣтъ ихъ! Одна земля содержишь и Германію и Римъ—и Опець небесный понапрасну ли провель пуши по всему кругу земному между сѣверомъ и югомъ, воспокомъ и западомъ? или недоспанешъ жизни человѣческой, чшобъ перейши Альпы? Для чего же груди смерпнаго вмѣщашъ въ себѣ любовь къ одному предмету, и не болѣе?...

Но въ сію минушу я печальнымъ духомъ пребываю на мѣспѣ освященномъ за спѣнами Нюренбергскими—на кладбищѣ, гдѣ почишъ кости Альбрехта Дюрера, нѣкогда бывшаго украшеніемъ Германіи и самой Европы. Онѣ почишъ, посѣщаемыя немногими,—среди безчисленныхъ гробницъ, изъ кошорыхъ каждая ознаменована мѣдною рѣзьбою, оппечаткомъ древняго искусства, и между кошоры-

ми возвышается множество подсолнечниковъ, превращающихъ поле смерти въ верхоградъ пльнипельный. Такъ почюнь забвенныя кости древняго нашего Альбрехта Дюрера, по коемъ я горжусь названіемъ Германца.

Вѣрно немногимъ даровало Небо поспигать душу карпинъ пвоихъ въ такой степени и такъ сильно чувствовашъ, чшó ешь въ нихъ своего и опличительнаго, какъ Оно меня благоволило наградить сею способностію: ибо озираясь, я вижу малое число людей, кошорые бы предъ шобою оспанавливались съ подобною любовію и благоговѣніемъ.

Всѣ сіи лица на карпинахъ пвоихъ не супъ ли наспоющіе между собою бѣсѣдующіе люди? Каждый изъ нихъ такъ очерченъ, чшо среди толпы многочисленной легко бы распознать его; каждый съ такою вѣрностію сняпъ съ самой природы, чшо исполняетъ совершенно свое назначеніе. На каждомъ я вижу его полную душу, а не половину ед, какъ можно бы сказапъ при видѣ

многихъ весьма красивыхъ каршинъ новѣйшихъ живописцевъ; всѣ лица какъ будто схвачены живыя, и такимъ образомъ приспавлены къ доскѣ. Кому слѣдуешь жаловаться, топъ въ самомъ дѣлѣ жалуется; кому сердиться—топъ въ самомъ дѣлѣ сердился; кому молиться — топъ въ самомъ дѣлѣ молится. Всѣ лица говорящъ, и говорящъ громко и вяшно. Ни одна рука не поднята безъ цѣли, или просто для глазъ и пуснаго мѣста; всѣ члены, все на нихъ какъ бы взываешъ къ намъ во всеуслышаніе, чпобъ мы спарались пвердо напечатлѣть въ своемъ умѣ значеніе и душу цѣлаго. Чпю ни представившъ намъ замысловащій художникъ, мы вѣримъ всему — и оно на вѣкъ остаешся въ нашей памяти.

Опъ чего нынѣшніе художники опчизны представляющся мнѣ совершенно въ иномъ видѣ, нежели доспохвальныи мужи времени прошекшаго, и въ особенноти пы, мой любимый Дюреръ? Опъ чего кажешся мнѣ, будто вы не въ примѣръ глубже, внима-

пеленѣ и благороднѣ занимались искусствомъ живописанія, нежели всѣ сіи нарядные мастера нашего времени. Я словно смотрю на васъ, какъ вы въ раздуміи стоите предъ начатою картиною, — какъ представленіе, которое хопите облечь въ видимость, живо рисуется предъ вашею душою, — какъ вы зрѣло обдумываете, какія положенія плѣта и лица должны вѣрнѣйшимъ образомъ поразить зрителя и наисильнѣйше при взглядѣ подвигнуть его душу — и какъ послѣ всего вы съ сердечнымъ соучастіемъ и съ умильною важностію, медленно и вѣрно переносите на холстъ существа, уже сроднившіяся съ вашимъ живымъ воображеніемъ. — Напрошивъ, новѣйшіе какъ будто вовсе не хопящъ, чпобъ зрѣло размышляли надъ ихъ изображеніями; они шрудятся для знанныхъ господъ, которымъ не нужно, чпобъ искусство прогало или благородствовало душу, но чпобы только ослѣпляло и щекотило чувсства ихъ; эти мастера спремятся свою карши-

ну сдѣлать образцемъ наилучшаго сля-
нiя многихъ прiдпныхъ или обманчи-
выхъ для зрѣнiя красокъ; выказыва-
ющъ свою изобрѣшательность въ
оспроумномъ распредѣленiи свѣта и
тѣней; — людей же на карпинѣ, ка-
жешся, оставляютъ только для оп-
тѣнки, и даже можно бы сказать,
считаютъ почти совсѣмъ излишними.

Сожалѣнiя достойно наше спольнiе,
которое въ искусствѣ видитъ одну
легкомысленную забаву внѣшнихъ
чувствъ, а не видитъ его истиннаго
величiя и важности. Ужели человекъ
пересталъ заслуживать вниманiе, что
о немъ болѣе не думаютъ въ искус-
ствѣ, и ему предпочитаютъ пустую
игру красокъ и разнаго рода упо-
ченности въ ихъ освѣщенiи?

О важности искусства я нашелъ
примѣчательное мѣсто въ сочиненiяхъ
много-чпимаго и ревностно защищае-
маго нашимъ Альбрехтомъ Мартина
Люшера, въ которыхъ я многое про-
челъ изъ любви къ свѣдѣнiямъ, и ко-
порыя конечно заключаютъ въ себѣ

много прекраснаго. Сей мужъ между прочимъ ушверждаетъ смѣло и рѣшительно, что послѣ Богословія, между всѣми науками и искусствами челоѳческаго духа первое мѣсто занимаетъ Музыка. — И я долженъ сознаеться ошкровенно, что сіе смѣлое изрѣченіе особенно устремило мое вниманіе на сего опличнаго мужа. Ибо душа, изъ коей могло вырваться шаковое изрѣченіе, долженствовала чувствовашь къ художеству по благоговѣніе высокое, кошорое, не знаю почему, живетъ въ умахъ весьма немногихъ, и между шьмъ, по моему усмошрѣнію, споль естествененно и споль многозначительно.

И шакъ если искусство (я разумью главную и существенную часть его) имѣеть пошкую важность, то не дѣло ли слабодушія и легкомыслія — опвергать, опъ себя краснорѣчивыя и поучительныя челоѳческія изображенія нашего древняго Альбрехта Дюрера за то, что ихъ не украшаетъ яркая прелесть внѣшняя, въ кошорой ны-

нѣшній свѣтъ поспавляетъ высочайшее, единое достоинство изящнаго? Въ помѣ совсѣмъ не видно здраваго и свободнаго разсудка, кто не хочеть слущатьъ духовнаго поученія, которое само въ себѣ убѣдительно и сильно — за то, что проповѣдникъ не красиво располагаетъ слова свои, выговариваетъ дурно, или неловко въ тѣлодвиженіяхъ. Но подобныя сужденія ни мало не препятствуютъ мнѣ достойно цѣнить внѣшнюю и, такъ сказать, тѣлесную прелестъ изящнаго шамъ, гдѣ нахожу ее.

Напрасно тебѣ также, любимый мною Дюреръ, вмѣняешь въ грубую ошибку, что ты своихъ людей спавишь беззапѣно одного подлѣ другаго, не сцѣпля ихъ въ искусственныя, методическія группы. Я люблю тебя въ твоей невинной простотѣ, и глазъ мой невольно устремляется на самую *душу* и на глубокое *значеніе* твоихъ изображеній, прежде нежели мнѣ въ голову войдетъ порицать тебя. Но эшѣ простота, подобно злему му-

чителю-духу, до того перзааетъ нѣко-
 торыхъ, что брани и насмѣшки у
 нихъ вырываются прежде, чѣмъ они
 придуть въ состояніе наблюденія
 спокойнаго; перенесись же за гра-
 ницу настоящаго времени въ минув-
 шее—они и подавно не могутъ. Охоп-
 но уступаю вамъ, ревностнымъ обо-
 жателямъ новаго, что ученикъ-юно-
 ша въ наше время умнѣе и ученѣе го-
 воритъ о краскахъ, о свѣтѣ и сцѣп-
 леніи фигуръ, нежели могъ бы спа-
 рець Альбрехтъ Дюреръ; но собствен-
 ный ли духъ говоритъ въ вашемъ
 юношѣ, или больше мудрость и опытъ
 художниковъ времени прошедшаго?
 Настоящая, внушрняя душа худо-
 жества можетъ быть постигнута не
 иначе, какъ *вдругъ* особыми предъиз-
 бранными умами, не смотря на недо-
 статокъ совершенства въ кисти;
 напрошивъ внѣшня опдѣлка усовер-
 шается мало по малу упражненіемъ,
 размышленіемъ и открытіями. Одно
 наглое и сожалѣнія достойное щесла-
 віе способно заслугами шольній вѣн-

часть свою слабую голову, и заимствованнымъ блескомъ прикрывать свою собственную ничтожность. Опшупише, дѣши-мудрецы, опшъ спарца Нюренбергскаго! и да не осмѣлился никто изъ васъ пересужать его съ насмѣшкою — никто, способный дѣшски презирать его за то, что онъ не ходилъ въ школу къ Тиціану и Корреджіо, или что въ его время носили пакіе старомодные Французскіе кафшаны.

Училиши нашего времени опказывающъ въ красопѣ и благородствѣ, какъ ему, пакъ и многимъ другимъ живописцамъ его вѣка пакже и за то, что они облакающъ въ одежду своего времени Исторію всѣхъ народовъ, не исключая и духовныхъ событій Вѣры Хрістіанской. Но при семъ должно помыслишь, что всякій художникъ, въ груди своей вмѣщающій существа временъ минувшихъ, необходимо долженъ оживлять ихъ духомъ и жизнию своего времени — и что весьма справедливо и еспешвенно пворческой

силѣ челоуѣка — все опдаленное и чуждое, слѣдспвенно и самыя существа небесныя, любя-сближаешъ съ собою, и облакаешъ въ давно знакомыя и родныя формы *своего* міра и *своего* круга предметовъ.

Въ то время, какъ Альбрехтъ Дюреръ владѣлъ кистию, Германецъ на оеапрѣ народовъ нашей части свѣта былъ еще особымъ, опличительнымъ и самобытнымъ характеромъ:—и важность, прямота и сила характера Нѣмецкаго вѣрно и ясно оппечатаны не токмо въ образованіи лицъ и во всей наружности картинъ сего художника, но и въ самомъ ихъ духѣ. Нынѣ уже изгладился сей рѣзко обозначенный Нѣмецкій характеръ; равной учаспи подверглось и Нѣмецкое художество. Молодой Германецъ училися нарѣчіямъ всѣхъ націй Европейскихъ, и обязанъ разсужденіемъ и опытомъ извлекаешъ для себя пищу изъ духа всѣхъ народовъ; помощецъ искусства изучаешъ правила, какъ подражаешъ вмѣстѣ выраженію Рафаэ-

ля, живоспи цвѣшовъ Венеціанской
 школы, испини Нидерландцевъ, вол-
 шебспву свѣша Корреджіева — и на
 семь пупи доспигань высочайшей
 почки возможнаго совершенспва. Жал-
 кое суемудріе! Слѣпое легковѣріе сы-
 новъ вѣка! будпо бы возможно пере-
 няпъ всѣ роды красопы, все чпо ни
 еспъ опличнаго въ каждомъ великомъ
 художникѣ, и нищенски собирая разно-
 образные и великіе дары геніевъ, сосре-
 допочитъ въ себѣ дѹхъ ихъ, и надъ
 всѣми возвыспсья!—Прошелъ періодъ
 силы внупренней; скудѹющее дарованіе
 хошяпъ подкрѣнитъ нынѣ бѣднымъ
 подражаніемъ и ухищренною выборкой,
 но выходяпъ однѣ пворенія холодныя,
 безвкусныя и безхарактерныя. Искус-
 спво Германское было сначала скром-
 нымъ юношей, воспитаннымъ въ
 сѣмѣ кровныхъ друзей, въ стѣнахъ
 небольшого города; шеперь оно вошло
 въ лѣна, и спавши всеміряниномъ,
 вмѣстѣ съ обычаями родины ушрапило
 первоначальныя чувспва и первоначальную
 доброту души своей.

Я ни за что не хотѣлъ бы, чтобъ очаровательный Корреджіо, великолѣпный Павелъ Веронезъ, или могучій Буонарошши, писали точно также, какъ Рафаэль; и столь же мало соглашайсь съ образомъ мыслей нѣхъ людей, которые полкуютъ: «Когда бы Альбрехтъ Дюреръ нѣсколько пожилъ въ Римъ и всмотрѣлся въ истинныя красоты и въ идеальность Рафаэля, онъ могъ бы быть великимъ живописцемъ; о немъ должно сожалѣть, и еще удивляться, что онъ въ своемъ положеніи успѣлъ такъ много сдѣлать.» Я въ помъ не нахожу предмета сожалѣнія, но скорѣе предметъ радости, что судьба въ семь чловѣкѣ даровала святой землѣ Германской художника истинно народнаго. Дюреръ не оспался бы самимъ собою; кровь его не была кровь Италіянская; онъ не былъ рожденъ для идеальности и высокаго величія Рафаэля; спрасть его была показывасть намъ людей такими, какъ они дѣйствительно были вокругъ его, и въ этомъ—онъ успѣлъ превосходно.

Когда я еще въ молодыхъ лѣпахъ моихъ увидѣлъ въ одной великолѣпной галлерей первыя карпины Рафаэля и швои, мой любимый Дюреръ, меня удивляло, почему сіи два живописца между всѣми мнѣ знакомыми были столь особенно близки къ моему сердцу. Въ обоихъ несказанно нравилось мнѣ то, что они такъ просмо и такъ беззапѣйно, избѣгая всѣхъ красивыхъ лишностей прочихъ живописцевъ, представляли глазамъ моимъ съ такою ясностію полную душу человѣка. Однако я тогда не посмѣлъ никому еще открывать свои мысли, боясь подвергнуться насмѣшкамъ, и припомъ зна навѣрное, что всѣ почти винили древняго художника Германіи за особенную шупость и безжизненность его изображеній. Между шѣмъ новая мысль моя до того мною овладѣла въ шощъ день, какъ я видѣлъ карпины, что я съ нею заснулъ, и ночью мнѣ предсщавилось восхищительное сновидѣніе, которое меня еще шверже укрѣпило въ первой моей вѣрѣ. Мнѣ

снилось, будто я, уже послѣ полуночи, изъ спальной своей комнаты иду съ факеломъ одинъ черезъ всѣ покои темнаго замка къ карпинной галлерей; приближаясь къ двери, слышу за нею шопотъ, отворяю — и оцѣпенѣлый, предъ собою вижу всю большую залу, освѣщенную какимъ-то свѣтомъ неестественнымъ; а посреди залы, многіе изъ почтенныхъ живописцевъ спояли, какъ живые, пропѣвъ своихъ поршреповъ, точно въ томъ же спаринномъ одѣяніи, какое я видалъ на ихъ изображеніяхъ. Одинъ изъ нихъ, мнѣ незнакомый, подошедъ, сказалъ мнѣ, что они не въ первый разъ нисходятъ съ неба, и въ ночной тиши блуждаютъ на землѣ по карпиннымъ заламъ, желая снова видѣть имъ все еще любезныя шворенія руки своей. Мнѣ представились многіе живописцы Италіянскіе, но изъ Нидерландцевъ я видѣлъ очень мало. Съ благоговѣніемъ прохожу я между ними, смотрю: — поодавъ отъ всѣхъ прочихъ спояли предо мною Рафаэль и Альбрехтъ Дю-

Не подь однимъ небомъ Ипалім, не подь одними величественными куполами и Коринескими колоннами—нѣтъ! и подь сводами оспровержими, въ зданіяхъ кудряво-изукрашенныхъ и въ шеремахъ Гописическихъ — цвѣтешъ лсное художество!

Міръ швоему праху, мой Альбрехтъ Дюреръ! о еслибъ могъ ты знашь, какъ я шебѣ преданъ, и съ какимъ усердіемъ служу провозвѣспникомъ швоего имени средь нынѣшняго шебѣ чуждаго міра. Благословенно швое златое время, о городъ Нюренбергъ! единственное время, въ которое Германія могла похвалишья истинно своимъ, народнымъ художествомъ.—Но прекрасные вѣка проходящъ на землѣ и исчезающъ, подобно блестящимъ облакамъ, плывущимъ по своду небесному: пройдуць—и позабышы; шокмо немногіе, изъ запыленныхъ книгъ и *пребывающихъ* швореній художества, воскрешающъ сіи вѣка. въ своемъ духѣ силою любви внутренней.

В. Т.

8.

О ДВУХЪ ЧУДЕСНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ И ИХЪ
ТАИНСТВЕННОЙ СИЛЪ.

Рѣчь естъ великое даяніе Неба, копорымъ Всезидитель на вѣки облагодворилъ челоуѣковъ, опрѣшивъ языкъ первоорожденнаго, и давъ ему способность именовашъ какъ всѣ предметы, коими Всевышній окружилъ его въ природѣ, такъ и всѣ духовные образы, Сопворшимъ въ его душѣ напечатлѣнные,—способность, помощію копорой его духъ многообразно можетъ располагашъ безчисленнымъ богатствомъ именуемыхъ предметовъ. Рѣчь подвергаетъ нашей власпи кругъ земной; рѣчь съ легкимъ трудомъ доспавляетъ намъ всѣ богатства міра: одно *Невидимое*, что превыше насъ,—одно оно не сводится рѣчью въ наше понятіе.

Предметъ земной мы поспигаемъ, какъ скоро произнесемъ его названіе; но когда при насъ называющъ безпредѣльную благость Божию, доблести Святыхъ, — копорыя должны бы потрясти всѣ глубины нашего сердца, — тогда одинъ лишь слухъ нашъ поражается щепными звуками, а духъ не принимаетъ надлежащаго паренія.

Я знаю однако *два чудесныхъ языка*, въ копорыхъ Создатель далъ людямъ понимать и разумѣть небесные предметы во всей силѣ, разумѣется (дабы не сказать дерзко) въ шой мѣрѣ, какъ сіе возможно для пварей подверженныхъ плѣнію. Сіи два языка дѣйствуютъ на душу совсѣмъ иными способами, нежели помощію словъ: они чудеснымъ образомъ подвигаютъ *вдругъ* цѣлый составъ нашъ, и опзываются въ каждой нипи нервовъ, въ каждой каплѣ крови, намъ принадлежащей. Однимъ изъ чудныхъ языковъ сихъ говоритъ единый Богъ, другимъ — шокмо немногіе между человекѣми избранники, копорыхъ онъ помазаль

Своею . благодатию. Подъ первымъ языкомъ разумью *Природу*, подъ вторымъ — *Искусство*.

Отъ раннихъ лѣтъ моей юности, когда я началъ изъ древнихъ, священныхъ книгъ нашего Закона впервые познавать Бога всѣхъ человѣковъ, — *Природа* служила мнѣ всегда основательнѣйшимъ и вмѣстѣ легчайшимъ изъясненіемъ свойствъ и существа Его. Шопотъ вершинъ густаго лѣса, раскаты грома въ опдаленіи, не разъ провѣщали мнѣ о Немъ тайны высокія, копорыя слова не въ силахъ выразишь. Прекрасная долина посреди неправильныхъ утесовъ, или ровная рѣчка, гдѣ глядяся согбенныя деревья, или веселый, зеленый лугъ, осіянный небесною лазурью — всѣ сіи предметы пробуждали во глубинѣ моего сердца болѣе чудные порывы, преисполняли болѣе мой духъ Божиимъ всемогущесивомъ и благостию, наконецъ очищали и возвышали душу мою болѣе, нежели когда либо возможеть языкъ словесный. Мнѣ кажется, онъ естъ

орудіе слишкомъ плоское и грубое, чтобы можно было обымать имъ безпѣлесные, подобно пѣлеснымъ предметамъ.

Я нахожу въ семъ важный поводъ восхвалять могущество и благость Создателя. Онъ окружилъ насъ человѣковъ безчисленными предметами, изъ копорыхъ каждый имѣетъ еспество отличное, и каждый равно неизяснимъ для насъ и непонятенъ. Намъ нимало неизвѣстно, что такое дерево, что такое лугъ, или граница скалы; на нашемъ языкѣ нельзя съ ними бѣсѣдовать, ибо имъ мы понимаемъ однихъ себѣ подобныхъ. И не смотря на все это, Творецъ одарилъ человеческое сердце такимъ чуднымъ сочувствіемъ съ сими предметами, что они какими-то безвѣсными путями могутъ приносить ему ощущенія, или помыслы (какъ хопише называйте сіи явленія), копорыхъ въ вѣкъ намъ не доставяетъ слова самая почная.

Похвальное рвеніе къ истинѣ завлекло мудрецовъ міра въ ложныя

миѣнія : они хопѣли , снявъ съ небеснаго шаинственнаго покровъ , поспавишь оное въ обыкновенномъ земномъ свѣтѣ на ряду съ прочими предметами , и смѣло защищая права разума , испоргниуть изъ глубины сердца *темныя предчувствія* о выспреинемъ. — Дано ли слабому смершному разоблачатъ шайны небесныя ? Сможешъ ли онъ дерзко вывести на свѣтъ сокровенное подъ самую десницю Божіей ? И темныя предчувствія , подобно Ангеламъ незримымъ къ намъ свѣше нисходящія , — посмѣешъ ли онъ высокомѣрно опъ себя опринуть ? — Я въ глубокомъ смиреніи въ нихъ вѣрую , и помышляя о высокой благоспи Бога , ниспославшаго къ намъ сіи неложныя свидѣшельсхва истины , складываю руки и шворю молишву.

Языкъ *Искусства* совершенно опличенъ опъ языка *Природы* ; но и ему дано споль же безвѣспными и темными пущами дѣйствовать сильно на сердце человека . Онъ выражается посредствомъ человекскихъ образовъ ,

и говоритъ какъ будто чрезъ іероглифы, для насъ по однимъ внѣшнимъ своимъ признакамъ понятные. Но сей языкъ столь прогашельнымъ и столь чудеснымъ образомъ сливается духовное и сверхъ-чувственное съ изображеніями внѣшними, что онъ въ свою очередь попрысаетъ и колеблетъ всю цѣлость нашего состава въ самыхъ основахъ онаго. Смѣло скажу, что многія картины изъ спрасей Христовыхъ, изъ жизни Богоматери или Святыхъ Опцевъ, болѣе назидали мою душу и вливали въ мое внутреннее чувство благолюбивѣйшіе помыслы, нежели цѣлыя системы нравственныхъ правилъ и наблюденій умозрительныхъ. Я между прочимъ не могу безъ благоговѣнія подумать объ одномъ превосходно написанномъ изображеніи нашего Св. Севастіана, гдѣ онъ стоить нагой, привязанный у дерева, и Ангелъ извлекаетъ у него стрѣлы изъ груди, между тѣмъ какъ другой Ангелъ приноситъ съ неба вѣнокъ для главы его. Этой

каршинѣ я обязанъ многими глубоко и неизмѣнно поселившимися во мнѣ Христіанскими мыслями, и до сихъ поръ не могу себѣ предсавить ее живо, безъ того, чшобы слезы не навернулись на глаза мои.

Изысканія мудрецовъ приводятъ въ движеніе одинъ мозгъ, одну шюьмо половину нашей самости; но тѣ два чудныхъ языка, копорыхъ силу я повѣдалъ, дѣйствуютъ на чувства равно, какъ и на духъ нашъ; или, лучше сказаъь, они какъ бы сливаютъ всѣ части нашего (намъ самимъ непоспимаго) существа въ единый новый органъ (не могу выразиъься лучше), копорый симъ двоякимъ способомъ постигаешь и объемлешь чудеса надземныя.

Одинъ изъ языковъ сихъ, копорымъ Всевышній глаголетъ Самъ съ Собою ошъ вѣчноспи до вѣчноспи, *Природа* безпредѣльная, безсмерпная, чрезъ неизмѣримыя проспранства воздуховъ насъ возноситъ непосредспвенно къ престолу Боже-

ства. *Искусство* же, которое, стремясь къ достиженію внутренняго совершенства, въ узкомъ, ограниченномъ пространствѣ, посредствомъ замысловаго смѣшенія крашеной земли съ небольшимъ количествомъ влаги, представляетъ образъ человѣческой, и творитъ, какъ дано творитъ существамъ смертнымъ, — *Искусство* опровергаетъ намъ сокровищницу человѣческаго сердца, и направляя взоръ нашъ во внутренность насъ самихъ, въ человѣческомъ образѣ показуесть намъ небесное, подъ названіемъ котораго я разумю все, что есть божественнаго, благороднаго, высокаго.

Всякій разъ, когда, напишавшись созерцаніемъ Распятія Хрїсова, я выхожу на вольный воздухъ изъ-подъ священной сѣни нашего храма монастырскаго, и солнце съ высоты яснаго неба проникаетъ меня живящею теплотою, и взоръ мой услаждается прелестію картины сельской съ ея пригорками, ручьями и деревьями: предо мною раскрывается нѣкій осо-

бый мѣръ божественный, и высокіе предметы непоспужимо внутри меня рождаются и наполняютъ мою душу. Когда же я съ вольнаго воздуха снова вхожу во храмъ, и съ глубокомысленнымъ усердіемъ наблюдаю на Крестѣ изображеніе Христово: предо мною раскрывается совсѣмъ особый мѣръ божественный, и высокіе предметы другимъ, несравненнымъ образомъ внутри меня рождаются и наполняютъ мою душу.

Искусство представляетъ намъ высочайшее совершенство челоѣчества. *Природа*, сколько ее видѣть можетъ око смертнаго, подобна несвязнымъ прорѣченіямъ изъ устенъ Всевышняго. Но, если позволено споль смѣло судить о предметахъ такого рода, можно было бы спросить себя: не по же ли для Бога вся *Природа* и весь мѣръ, что для насъ произведеніе *Искусства*?

В. Т.

9.

**СТРАННОСТИ ПЬЕРО ди КОЗИМО,
древняго живописца школы Флорен-
шинской.**

Неупомимая природа всегда заботливыми руками пворитъ миллионы сущесвъ разнообразныхъ, и сопворивъ, бросаешъ ихъ въ земную жизнь. Съ легкимъ, игривымъ равнодушіемъ смѣшиваешъ она вещесва многообразныя, не примѣчая, соопвѣпспвуютъ ли онѣ одно другому, и кѣждому созданію, выпавшему изъ рукъ ея, предоспавляешъ свое горе и свою опраду. Точно шакже, какъ и въ обласняхъ неодушевленнаго иногда воздвигашъ она спранные и чудовищные образы въ полнѣ обыкновенныхъ:— шакъ и между людьми, она въ каждое столѣшіе производитъ нѣсколько спранныхъ явленій, которыя

скрываетъ между тысячами. Но и сіи рѣдкіе души исчезаютъ, подобно всѣмъ другимъ: любопытное попомство собираетъ изъ оставшихся извѣстій опдѣльныя, полувнятные черпы, долженствующія намъ живописатьъ ихъ; но мы не можемъ сослavianъ себѣ оцупишельнаго образа, и никогда не достигнемъ ихъ совершенно. Впрочемъ, самые тѣ люди, которые ихъ видѣли своими глазами, не вполне ихъ поняли; и едва ли они сами для себя не были загадкою. И шакъ, мы можемъ сморънть на сіи чудеса міра духовнаго, какъ и на все въ природѣ, если говоримъ искренно, съ однимъ *безсильнымъ удивленіемъ*.

Вопшъ что я подумаль, недавно въ Исторіи древнихъ живописцевъ развернувъ по случаю жизнеописаніе чудеснаго Пьеро ди Козимо. Природа поселила въ немъ непрестанное броженіе фантазіи; духъ его обвѣщенъ всегда былъ тяжелыми, пасмурными шучами; умъ находился въ непрерывной тревогѣ и работѣ, и бѣгло иперяясь въ

карпинахъ неправильныхъ, никогда не отражался въ произведеніяхъ проспаго, яснаго изящества. Все въ немъ было безпорядочно и необыкновенно; древніе писатели не могутъ набрать довольно сильныхъ словъ, когда хотнншь намъ выразить все безобразное и чрезвычайное въ его характерѣ. И не смотря на то, мы у нихъ находимъ только немногія отдѣльныя, иногда даже мѣлочныя на первый взглядъ черты, копорыхъ недостаточно для основнаго изслѣдованія бездны его духа, и для представленія намъ его въ связной, докончанной картинѣ,—но по нимъ, по крайней мѣрѣ, можно составить заключеніе о томъ, что было сокрыто во глубинѣ души его.

Пьеро ди Козимо уже въ юныхъ лѣтахъ носилъ въ себѣ живой, всегда подвижный духъ и воображеніе вѣчно напряженное; онъ рано опличался имъ отъ всѣхъ своихъ товарищей. Никогда душа его не находила удовольствія, остановившись на одномъ представленіи или помыслѣ; всегда

сквозь его мозгъ шѣснились цѣлымъ роемъ спранные, невиданные вымыслы, за которыми скрывалось для него настоящее. Нерѣдко, когда онъ, сидя за работою, рассказывалъ или разсуждалъ о чемъ, фантазія, вѣчно блуждавшая въ немъ по своей волѣ, незамѣтно между шѣмъ заводила его на высоты столь опдаленныя, что онъ внезапно сполбенѣлъ: связь предметовъ внѣшнихъ разрывалась предъ его глазами, и онъ былъ принужденъ переначать съизнова рѣчь свою. Сообщество людей для него было несносно; ему гораздо болѣе нравилось мрачное уединеніе, гдѣ онъ, въ самомъ себѣ заключенный, могъ на свободѣ слѣдовать за изворопами своего воображенія, кудабы ни повели они. Жилъ онъ всегда одинъ въ запертомъ покоѣ, и родъ его жизни былъ совсѣмъ особенный: пищу свою, всегда однообразную, онъ самъ себѣ готовилъ въ такое время дня, когда ему придетъ охота; не терпѣлъ, чтобы выметали его комнату; также

запрещалъ оспригать виноградники и плодовиыя деревья въ саду своемъ: ибо всюду хошълъ видѣшь одну дикую, безукрашенную, обыкновенную природу, и находилъ удовольствіе именно въ томъ, чего гнушаются чувсва всѣхъ другихъ. Такъ напримѣръ онъ имѣлъ тайное влеченіе ко всякой гнусной гадинѣ въ естественномъ мѣрѣ, ко всякому уродливому растѣнію и животному; онъ по цѣлымъ часамъ разсматривалъ ихъ, со вниманіемъ неоплучнымъ, желая насладиться вполне ихъ безобразіемъ; даже попомъ безпреспанно повпорялъ ихъ образъ въ головѣ своей, и не смотря на всю ихъ гнусность, не могъ ихъ выбить изъ ума. Срисовывая тщательюо всѣ таковыя чудища природы, онъ мало по малу ими исписалъ цѣлую книгу. Случалось ему также устремлять неподвижно свои взоры на вешіа, заплѣсившіа, узорчатыа спѣны, или на облака небесныа — и его воображеніе въ сихъ играхъ естесва ловило множесво причудныхъ мыслей къ

изображенію неспройныхъ конныхъ бивъ или гористыхъ мѣстоположеній съ невиданными городами. — Сильную радость ощущалъ онъ, когда большой ливень съ шумомъ низвергался съ высокихъ крышъ на мостовую; грома же напрошивъ онъ боялся какъ диня, и коль скоро гроза находила на небо, закрывалъ всѣ окна, закупывался въ епанчу свою, и запряпавшись въ темный уголокъ своего дома, ждалъ, пока она не стихнетъ. Реблчій вопль, звонъ колокольный и пѣніе монастырское едва его съ ума не сводили. — Рѣчь его была неспра и необыкновенна; подъ часъ говорилъ онъ даже вещи споль забавныя, что слушатели не могли удержаться отъ хохота. Словомъ, онъ былъ такого свойства, что люди его вѣка починали его, если не вовсе сумасбродною, то сильно разспроенною головою.

Умъ его, который, какъ въ коплѣ вода кипучая, непрерывно гналъ на верхъ и пузыри и пѣну, нашель осо-

бенный поводъ себя выказалъ въ новыхъ и спранныхъ выдумкахъ, по случаю нарядовъ и рѣзвыхъ игрищъ, бывшихъ въ обычаѣ на праздникъ Карнавала во Флоренціи: и можно сказать, что Пьеро ди Козимо возвелъ шоржеспво сіе на такую степень, какой оно никогда до него не достигало. Между всѣми чудными и шоржеспвенными представлѣніями, коихъ онъ былъ изобрѣшателемъ, одно ознаменовано споль рѣзко печашью его духа, что мы здѣсь присоединимъ о немъ краткую повѣсть. Приготовленія къ оному дѣлались въ тайнѣ, и его внезапность пѣмъ сильнѣе поразила всѣхъ жителей Флоренціи.

Въ назначенную ночь, когда народъ, предавшись буйной радости, въ ликованіи бродилъ по улицамъ города — толпа была разсыпана ужасомъ внезапнымъ, и всѣ, оцѣпенѣвъ, оглянулись въ изумленіи. Тяжело и медленно подвигалась сквозь мерцаніе ночное огромная, черная колесница, влекомая четвернею черныхъ буйволовъ, и распи-

санная вся коспиями мерпвыми и бѣлыми креспами, — а надъ колесницею исполински возвышался побѣдоносный образъ Смерпи, вооруженный косою разрушенія, и ногами попирающій гроба, копорыми укладена была колесница. Спало медленное шеспвие: — шупъ при глухомъ опзывѣ неслыханныхъ роговъ, копорыхъ невѣрные, содрогапельные звуки гнали препепъ во всѣ коспи—и при очарованномъ сіяніи опдаленныхъ факеловъ, поднялися медленно изъ опверзаемыхъ гробовъ—при чемъ весь народъ объяпъ былъ шайнымъ ужасомъ — бѣлые человѣческіе оспавы въ половину пѣла, и возсѣдши надъ гробами, огласили воздухъ мрачнымъ, глухимъ пѣніемъ, копорое, мѣшаясь съ роговою музыкой, холодило кровь по жиламъ зрипелей. Они пѣли объ ужасахъ кончины, о шомъ, что всѣ, ихъ живо въ сію минушу созерцающіе, скоро превращаясь подобно имъ въ мерпвые оспавы. По бокамъ и позади возницы, со всѣхъ споронъ пѣснились въ многочисленной, безпоря-

дочной свипѣ усопшіе, сидя на пощихъ лошадяхъ, съ масками на подобіе мерпвыхъ череповъ, и въ черныхъ епанчахъ исписанныхъ бѣлыми креспами и бѣлыми коспиями; за каждымъ ѣхали еще по четьре черныхъ всадника съ факелами, неся въ рукахъ черное знамя съ шѣми же изображеніями кресповъ, коспей и череповъ;— съ колесницы волочились еще десяць большихъ черныхъ знаменъ; — и во время медленно-текущаго шеспвія, все воинство усопшихъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ припѣвало одну изъ надгробныхъ пѣсней Давидовыхъ.

Замѣчательно, что сіе нечаянное явленіе мерпвцовъ, сколь ни великій ужась оно разсѣяло сначала, было принято Флоренціей съ величайшимъ воспоргомъ. Гореспными и опшрацающія чувспшванія объемлютъ мощно нашу душу, и овладѣвъ ею, какъ бы насильно вынуждаютъ опъ ней соучастіе; но когда оныя сверхъ того какимъ-то пворческимъ порывомъ будятъ въ насъ воображеніе, тогда

онъ способны содержать душу въ вы-
сокомъ , вдохновенномъ напряженіи.
Къ тому еще прибавлю , что такимъ
духамъ опличнымъ , каковъ былъ
Пьеро ди Козимо , какъ будто само
Небо даруетъ сокровенную , чудесную
силу — обворожаетъ даже полпу про-
сполодиновъ чрезвычайностію сво-
ихъ вымысловъ.

Не смотря на беспокойную , мрач-
ную мечшательность , кошорая непре-
спанными гоненіями перзала и помила
сего художника , Небо судило ему спа-
рость глубокую, — и съ приближеніемъ
осьмидесяпаго года , мечпы , все болѣ
неспрройныя , преслѣдовали духъ его.
При всей своей плѣсной немощи и
дряхлоспи , онъ продолжалъ перзаться
въ одиночеспвѣ , и съ досадою опвер-
галь всякое сообщество и соспрада-
пельную помощь ; насильно хотѣль
еще прудипься , но не могъ , ибо руки
его нѣмѣли и пряслись поминушно ; эпо
приводило его въ бѣшенство , онъ хо-
тѣль опмспить своимъ рукамъ , но
между плѣмъ какъ бормошалъ про себя

въ гнѣвъ, падала на землю или подпорка или самая кисть его — и жалко было смотрѣшь, какъ онъ мучился. Онъ часто радъ бы былъ подрапъся съ своей пѣнію, излить на муху гнѣвъ свой. Припомъ онъ никакъ не хотѣлъ вѣришь, что конецъ опъ него близокъ, но безпреспанно полковалъ о томъ, сколь нестерпимо — страдашь недугомъ медленнымъ, копорый, исподволь истощая тѣло пысячью перзаній, пожираетъ одну каплю крови за другою. Онъ проклиналъ всѣхъ лѣкарей, аптекарей, поспельниковъ, и горевалъ объ ужасной участи того, кому нѣтъ способа ни поѣшь, ни выпанъся, кпю долженъ дѣлать завѣщаніе и видѣшь слезы родныхъ кругомъ постели; но того называлъ счастливымъ, кого одинъ ударъ возводитъ къ Страшному Суду опъ сего міра.» О сколь прекрасно — восклицалъ онъ, — въ глазахъ толпы народа, при упѣшеніяхъ и молитвахъ служителя Вѣры, восходитъ къ Ангеламъ въ рай, въ сопровожденіи тысячи благослове-

ній.» Онъ не преславалъ бредить подобными грезами — и напослѣдокъ въ одно утро, вовсе неожиданно, нашли его мертвымъ у его дома подлѣ льспицы.

Таковы-шо опличительныя черты духа сего художника, копорья я вѣрно пересказалъ по описанію Жоржіо Вазари. Чшо касается до него какъ живописца, шо сей же Авторъ повѣспвуетъ, чшо любимыми для него предметами были разврапныя пиршества и Вахханаліи; ужасныя чудовища, или другія представленія не менѣ спрашныя; но между пѣмъ хвалилш его прудолобивое, упорное спараніе надъ отработкою карпінъ своихъ. Сей самый Вазари, въ жизни другаго живописца (*).. споль же угрюмаго, примѣчаешъ, чшо такія задумчивыя и глубокомысленныя души весьма часто опличаются безпримѣрнымъ, желѣзнымъ терпѣніемъ и щачательноспію въ прудахъ своихъ.

(*) Именно: Жіованни Антоніо Соліани изъ Флоретціи.

Правду ли говорите онъ или нѣтъ, но я не могу нечипать сего Пьеро ди Козимо рожденнымъ для искусства истинно-высокаго, не взирая на то, что нахожу соотвѣтствіе между имъ и великимъ Леонардомъ да Винчи (котораго первымъ и въ живописи взялъ за образецъ себя): обоихъ преслѣдовалъ всегда-живой духъ изобрѣшенія, но съ тою только разницею, что одинъ носился въ мрачной странѣ воздушныхъ пучъ, а другой обѣгалъ всю простоту творенія земной, действительной природы.

Испытанный духъ искусства, по моему мнѣнію, долженъ быть годнымъ орудіемъ къ тому, чтобы въ себя воспринимать цѣлую природу, и оживотворивъ духомъ человеческимъ, снова возраждать ее въ преоблаченіи изящномъ. Когда же духъ, или слѣдуя слѣпому побужденію, или увлеченный преизобиліемъ силы великой, но незрѣлой, самъ по себѣ вѣчно находящійся въ трудѣ неутомимомъ: то онъ переспаетъ уже быть годнымъ орудіемъ,

— и въ этомъ случаѣ скорѣе могъ бы самъ бытъ названъ искусственнымъ произведеніемъ природы.

Бурное, пѣнистое море не отражаетъ въ себѣ свода небснаго; но деревья и утесы и облака бѣгучія, со всѣми созвѣздіями шверди — весело глядяся въ спруяхъ чистаго попока.

В. Т.

10.

О томъ, какъ наблюдать творения великихъ художниковъ, и назидать ими души.

Я слышу безпрестанно ребяческія жалобы легкомысленнаго свѣша на то, что Богъ послалъ на землю споль малое число истинно-великихъ художниковъ; обыкновенные умы неперпѣливо обращаются къ грядущему, и ждуть — скоро ли Господь наконецъ возставитъ свѣжее поколѣніе мастеровъ превосходныхъ. Но повѣрьте мнѣ, — довольно жило въ нашемъ мірѣ Геніевъ художества, и если бы хотѣли обозрѣть и постигнуть совершенно хотѣ одного изъ нихъ, то сіе могло бы быть занятіемъ цѣлой жизни смертнаго; но мало къ несчастію, слишкомъ мало тѣхъ людей, которыхъ

душа могла бы понимать и чувствовать всю цѣну произведеній сихъ духовъ — созданий персти благороднѣйшей.

На карпинныя залы обыкновенно смоняръ, какъ на торжища, куда приходятъ для того, чтобы увидѣть новые товары, и вскользь пересудить ихъ; а имъ по насюющему надлежалобъ бытъ святилищами, гдѣ люди, въ безмолвномъ смиреніи, въ душещипательномъ удаленіи отъ свѣта, могли бы удивляться великимъ художникамъ, какъ высшимъ изъ среды всѣхъ земнородныхъ, и по зрѣломъ и внимательномъ созерцаніи ихъ твореній, согрѣвать душу свою свѣтомъ восхищительныхъ помысловъ и чувствованій.

Я сравниваю созерцаніе благороднѣйшихъ твореній художества съ помыслами благочестія. Не постъ благоугоденъ Богу, яко Его призываетъ только для того, чтобы избавишься отъ долга ежедневнаго; и прозносся слова безъ мыслей, ищеславно: и замѣ-

решетъ свою набожность временемъ моленія. Но пошъ любимецъ Неба, кто съ смиреннымъ вождельніемъ ловитъ шѣ избранныя минушы, когда благопворный лучъ небесный низойдетъ къ нему, и разорвавъ покровъ земной ничтожности, облакающій обыкновенно душу смершнаго, разрѣшитъ и ошдѣлитъ въ его внутреннемъ сославъ благороднѣйшее: тогда онъ падетъ ницъ, и въ шихомъ восторгѣ обращая ошкрытое сердце къ лучу Небесной благодати, насыщаетъ грудь свою свѣпомъ божешвеннымъ; воспнаетъ пошомъ чувшвипельнѣ, радостнѣ, съ сердцемъ полнымъ и свободнымъ, и принимаетъ за какой нибудъ важный добродѣпельный подвигъ.

Точно также, по моему мнѣнію, долженъ пристушатъ и къ великимъ швореніямъ искусствва, кто хочетъ извлечь изъ нихъ истинную пользу къ назиданію души своей. Я называю пресшупнымъ шого, кто въ земной часъ безопасно идетъ ошъ

шумнаго веселія поварищей въ сосѣднюю церковь, чшобы, по принятому обычаю, побѣсѣдовавъ нѣсколько минушь съ Богомъ. Не менѣе повиненъ, кто въ подобный часъ пересупааетъ прагъ того вмѣспилища, гдѣ для вѣчности хранятся достохвальнѣйшія произведенія рукъ человѣческихъ — безмолвные свидѣтели величія человѣческаго рода. Ловите и здѣсь тѣ блаженныя минушы, когда благодапъ Небесная освѣпипъ ваше сердце высшимъ, опкровеніемъ: тогда только душа ваша соединится въ одно цѣлое съ швореніями художниковъ. Ихъ очарованные образы нѣмы и закрышы, пока вы на нихъ смоприше съ равнодушіемъ; воззовише къ нимъ сначала изъ глубины сердца: они заговоряпъ вамъ, и на васъ обнаружашъ свое могущество.

Произведенія искусства входяпъ въ чреду явленій обыкновенной жизни въ своемъ родѣ столь же мало, какъ помышленіе о Богѣ: онѣ возвышены надъ всѣмъ обыкновеннымъ и привычнымъ

— и мы должны къ нимъ сами воспе-
капъ всей полношю нашего сердца,
дабы онъ въ нашихъ глазахъ, слиш-
комъ часто омраченныхъ шуманами
земными, явился пѣмъ, что онъ въ
самомъ дѣлѣ сущъ по своей выспрен-
ней природѣ.

Каждый можетъ научитьсѣ разби-
рапъ буквы — или прочеспъ въ уче-
ныхъ лѣтописяхъ событїя минувшаго,
и самъ пересказать ихъ — или же изу-
чипъ сославъ какой нибудь науки и
поняпъ всѣ ея положенїя и истины:
пошому что буквы для того только
и сдѣланы, чтобы глазъ ошгадывалъ
ихъ по наружности. Истины Науки
или событїя Испорїи могутъ зани-
мать насъ только до пѣхъ поръ, пока
умъ еще шрудитсѣ надъ пѣмъ, чтобы
ихъ обняпъ или извѣдать: коль скоро
мы ихъ себѣ усвоили, кончилась дѣя-
тельность духа, и пошомъ — мы мо-
жемъ иногда наслаждапъсѣ однимъ
празднымъ, бесплоднымъ обзоромъ на-
копленныхъ сокровищъ. — Но шворе-
нїя великихъ масперовъ не для того

сдѣланы, чтобы ихъ видѣлъ глазъ; но чтобы мы, въ оныя вникнувъ усердною душею, ими и жили и дышали. Драгоценная картина не по же, что параграфъ изъ учебной книги, который я, извлеки зерно смысла съ небольшимъ прудомъ, бросаю, какъ скорлупу ненужную: напропивъ, наслаждение изящными произведеніями художества длился безконечно; мы думаемъ все глубже въ нихъ проникнуть,—они же все вновь возбуждаютъ наши чувства, и нѣтъ такого дна, гдѣ душа ихъ совершенно бы исчерпала. Въ нихъ горитъ какъ будто неугасимый елея жизни.

Съ неперпніемъ пропускаю первый взглядъ: ибо нечаянность и новость, въ которыхъ многіе, за безпреспанною переменной удовольствій гнавшіеся люди думали найти главную прелестъ изящнаго, всегда казались мнѣ неизбѣжными невыгодами первого возрѣнія. Наслаждение неложное пребываетъ тихаго и спокойнаго расположенія духа, и изъясняется не криками,

не рукоплесканіемъ, — но одними движеніями внутренними. Для меня — священный праздникъ, когда съ духомъ благоговѣйнымъ и предуготовленнымъ я иду на созерцаніе твореній изящныхъ; часпо и постоянно возвращаюсь къ нимъ, и во весь мой вѣкъ не престаю носить ихъ въ своей памяти для оправды или для пробужденія души моей, подобно духовнымъ шалисманамъ, которые и въ гробъ возьму съ собою.

Чьи упонченнѣйшіе нервы способны принимать тайную прелестъ, въ искусствѣ сокровенную, шопъ не рѣдко будешъ пронуть до глубины души какимъ предметомъ, мимо котораго другой проходишь равнодушно — и онъ получишь счастье имѣть въ жизни лишніе поводы къ душеспасительнымъ движеніямъ и порывамъ внутреннимъ. Я знаю по опыту, что часпо, когда я, будучи занявъ посторонними мыслями, проходиль подлѣ высокой, изящной колоннады, — могучіе столпы своимъ плѣнительнымъ величіемъ неволь-

но привлекали къ себѣ мои взоры, и возбуждали во мнѣ споль необыкновенное движеніе, что я внутренно предъ ними наклонялся, и опходилъ съ чистѣйшимъ сердцемъ и душой обогащенною.

Но что всего важнѣе: да не держатъ никто поставлять себя выше духа художниковъ великихъ, и презрительно подвергать ихъ суду гордаго разума! Безразсудный замыселъ суешной надменности человѣческой! *Искусство выше теловѣка*: — и намъ смертнымъ можно только съ изумленіемъ чинить превосходныя творенія его причастниковъ, и раскрывать предъ оными сердце къ очищенію и примиренію всѣхъ нашихъ чувствованій.

В. Т.

11.

В Е Л И Ч І Е

Михель - Анжела Буолнаротти.

Безъ сомнѣнія всякій, въ чьей груди бьется чувствительное и любящее сердце, имѣешь въ области искусствъ свой предметъ любимый; у меня также есть такой предметъ, къ которому часто по неволѣ обращается душа моя, подобно какъ подсолнечникъ къ солнцу обращается. Часто, когда я въ своемъ одиночествѣ сижу погруженный въ размышленіе, словно нѣкій добрый духъ становится за мною и рукой невидимой развиваетъ предъ очами моими древніе вѣка живописцевъ Ипалли, подобно великой и плодотворной Эпопее съ тѣсною полною живыхъ образовъ. Всякій разъ, когда мнѣ вновь являешься сіе великолѣпное видѣніе, оно внутреннимъ жа-

ромъ вновь согрѣваетъ кровь мою. О
 сколь драгоценные дары намъ опъ
 Создателя: любовь и благоговѣніе! —
 Эти чувства словно распворяютъ
 все наше существо съ шѣмъ, чѣобы
 вылилъ изъ него чистое золото.

Взоръ мой падаетъ нынѣ на вели-
 каго Михель-Анжела Буонаротти, че-
 ловѣка, для многихъ уже служившаго
 предметомъ изумленія безсильнаго,
 или суешной хулы и порицанія. Но я,
 желая говорить о немъ, не могу къ
 тому присупить съ бѣльшею полно-
 стою сердца, какъ его другъ и сооте-
 чественникъ Жоржіо Вазари въ сво-
 емъ приступѣ къ его жизнеописанію,
 который здѣсь прилагаю въ переводѣ:

«Въ то время какъ множество из-
 обрѣшательныхъ умовъ, слѣдуя на-
 славленіямъ славнаго Жіотто и его
 преемниковъ, стремились явить міру
 опыты дарованія, порожденнаго въ
 нихъ благошворнымъ вліаніемъ со-
 звѣздій и счастливымъ сложеніемъ
 ихъ духовныхъ силъ, и всѣ соревно-
 вали изяществомъ Искусства срав-

нишься съ велельшемъ природы, дабы
 пьмь по возможности приближись
 къ *верховному познанію* (къ доспиче-
 нію чего всь усилія однако оспавались
 щепенными):—въ шо время всеблагій
 Правитель всего сущаго обратилъ
 милосердое око на землю; когда же
 Онъ узрълъ всь многопрудные, но
 щепенные опыты, когда узрълъ не-
 награжденный ни малйшею опрадою
 жарь неупомимой любознапельности,
 и внялъ неосновательныя сужденія
 людскія, споль же далекія опъ испи-
 ны, какъ пьма опъ свѣща, — Онъ по-
 ложилъ—извлечь насъ изъ бездны за-
 блужденій, и для шого ниспослалъ на
 землю такого Генія, который незаем-
 ною силою обладалъ бы совершенно
 всьми часпями искусствва. Ему пред-
 лежало показатъ намъ образцы шого,
 что значилъ совершенство въ искус-
 ствѣ рисованія, очерковъ, оппѣнки
 (опъ которой образы получаюшь свою
 округлость), — какимъ способомъ ра-
 ботатъ разумному ваятелю,—и какимъ
 образомъ зданію должно даватъ крѣ-

поспѣ, удобство, изящныя размѣры, привлекаемость и изобиліе во всѣхъ украсахъ зодчества. Сверхъ того угодно было Небу даровать ему душевную добропу въ руководство, и сладкое искусство Музы въ украшеніе, съ тѣмъ чптобы міръ ему дивился предъ всѣми прочими людьми, и его избралъ для себя образцемъ какъ въ жизни, такъ и въ произведеніяхъ, и во всѣхъ пущахъ земнаго бытія — и чптобы мы всѣ чтили его болѣе какъ существо небесное, нежели земное. Но видя, чпто въ живописи, зодествѣ, ваяніи — какъ въ предметахъ особеннаго упражненія и шруда — уроженцы области Тосканской издревле отличались предпочтительнымъ умѣніемъ (ибо они изъ всѣхъ народовъ Италіи склонны наиболѣе ко всякому шруду и напряженію духовному): — Богъ восхотѣлъ опредѣлить ему въ родину Флоренцію, какъ городъ достойнѣйшій, дабы она, опъ рукъ одного изъ своихъ согражданъ, сподобилась принять заслуженный вѣнецъ всѣхъ добродѣш елей.»

Съ такимъ благоговѣніемъ говоришь древній Вазари о великомъ Ми- хель-Анжело; и наконецъ, изящнымъ и всякому челоѣку сроднымъ обра- зомъ, заключаешь свою всеобщую хвалу излітіемъ сердечной любви къ родинѣ, и ликуешь опъ глубины сердца, что сей мужъ, котораго онъ по- среди героевъ художества чпишь, какъ Геркулеса, въ единомъ уголкѣ земли съ нимъ видѣлъ колыбель свою. Онъ обспояпельнѣ всѣхъ описы- ваешь жизнь Буонаропши, и не рѣдко съ добродушіемъ выхваляетъ то, что пользовался самъ его искреннимъ дру- жеспвомъ.

Но мы не удовольспвуемся одною похвалой сего великаго мужа, а по- щимся проникнуть во глубину его духа, и въраспся въ опличпельный характеръ его произведеній. Не до- вольно, восхищаясь пвореніемъ искус- ства, говоришь: «оно прекрасно, чрез- вычайно!» ибо сіи общія выраженія одинаково приличны для произведеній самыхъ разнородныхъ; — мы должны

предаться великому художнику, должны его чувстввами созерцать и чувствововать природу, дабы попомъ его душою сказать о произведеніи: «что оно *въ своемъ родѣ* истинно и вѣрно.»

Живопись есть Поэзія въ образахъ человѣческихъ. Точно также, какъ Поэты одушевляють предметы свои различными чувстввами, смотря по различію дара, въ нихъ вдохновеннаго Создателя — точно такъ и Живопись. Иные Стихотворцы оживляють внутреннимъ, тайнымъ и тихимъ духомъ Поэзіи всю цѣлость своего шворенія; у другихъ въ каждомъ особомъ представленіи прорывается роскошная, преизобильная шворческая сила.

Вопь самое по различіе, какое нахожу я между божественнымъ Рафаэлемъ и мощнымъ Буонарроти: ибо перваго можно бы назвать художникомъ Новаго Завѣша, втораго художникомъ Вешаго; Рафаэль — дерзну произнесши смѣлую мысль — какъ бы

освѣненъ спокойнымъ, божественнымъ духомъ Спасителя, Микель - Анжело — духомъ Пророковъ, Моисея и всѣхъ прочихъ Святыхъ мужей Вѣтхозаконныхъ. Здѣсь не можешь быть ни похвалы, ни порицанія: каждый изъ нихъ былъ, чѣмъ онъ былъ.

Какъ вдохновенные пѣснопѣвцы Восточнаго Востока, копорые, окриляясь вселившеюся въ нихъ и мощно возникающею божескою силою, парили въ чрезвычайности предспавленій, и пламенными вымыслами принуждали самыя слова и выраженія языка земнаго слѣдовать за порывами своего Генія,—подобно имъ душа Микель-Анжела мощно постигала все чрезвычайное, огромное, и въ его картинахъ выражала всегда напряженную, нечеловѣческую силу. Онъ извѣдывалъ свою кисть на предметахъ страшныхъ и возвышенныхъ; въ картинахъ позволялъ себѣ самыя смѣлыя, рѣзкія положенія какъ тѣла, такъ и членовъ; тѣснилъ одну напянувшую мышцу на другую, и въ каждой фибрѣ своихъ лицъ хопѣлъ

напечатлѣть высокую творческую силу, его преисполнявшую. Онъ изслѣдовалъ пайный составъ челоѳческаго плѣла въ сокровеннѣйшихъ глубинахъ его, съ жадностию примѣчалъ величайшія прудности въ законахъ нашего движенія, чшобы ихъ превозмочь, и на самую плѣсную часпъ своихъ произведеній излилъ преизобильную полную своего духа:—пакъ и въ Поэзіи, горящій неугасимымъ жаромъ Лирикъ не удовлетворяется высокими, огромными вымыслами, но вмѣстѣ спремился изобразить неодожимую опвагу своей силы въ видимыхъ, чувспвенныхъ орудіяхъ Искусства — рѣченіяхъ и словахъ. Въ обоихъ случаяхъ каждая изъ внѣшнихъ, отдѣльныхъ часпей опсвѣчиваетъ въ себѣ внупренній духъ цѣлаго; въ обоихъ случаяхъ—дѣйспвіе сильно и величеспвенно.

Такимъ-шо представляется въ глазахъ моихъ споль часто поминаемый Буонароппи; и если въ такомъ видѣ его вообразить себѣ посреди прочихъ

старинныхъ живописцевъ, по съ невольнымъ удивленіемъ вырвущся вопросы: кто до него писалъ, какъ онъ? откуда онъ заимствовалъ по новое величіе, о коемъ опъ вѣка до него не вѣдали? и кто его привелъ на спезію неизвѣстную дополь?

Во всемъ мірѣ художниковъ нѣтъ предмета высшаго и болѣе обожанія достойнаго, какъ первоначальный изобрѣшатель! Работашъ съ прилѣжаніемъ, подрашашъ съ разборчивостію — достойно человека; но проникнушъ весь составъ художества взоромъ со всѣмъ новымъ, и какъ бы новою рукояшью охватишъ его — это достойно Небожителя.

Между тѣмъ общая участь всѣхъ изобрѣшателей — породитъ ничтожную толпу подражающихъ поклонниковъ; Михель-Анжело предсказалъ это о самомъ себѣ, и предсказалъ вѣрно. Изобрѣшатель, однимъ шагомъ опважнымъ, доспигаетъ предѣла обласпи художествъ, спановишся на немъ неколебимою споцою, и являетъ міру чрезвы-

чайное и чудное. Но умъ человѣческій споль немощенъ, что для него нѣтъ почти чрезвычайнаго, которое бы тѣсно не граничило съ нелѣпымъ. Бѣдныя подражатели, не въ состояніи будучи поддерживать себя собственною силою, блуждаютъ вокругъ — и если не впадаютъ въ безобразное излишество, то производятъ одни блѣдныя бездушныя тѣни.

Вѣкъ Мишель-Анжела, начальная эпоха живописи въ Италіи, оспался первымъ и послѣднимъ вѣкомъ живописцевъ-изобрѣтателей. Кто до Корреджія писалъ подобно Корреджію, кто до Рафаэля, подобно Рафаэлю? — Но слишкомъ щедрая природа этому вѣку раздарила какъ будто весь запасъ художественнаго Генія; ибо лучшіе мастера позднѣйшіе, до самыхъ временъ нашихъ, почти не имѣли другой цѣли, какъ подражать которому нибудь изъ первородныхъ законодателей-художниковъ, или нѣсколькимъ вмѣстѣ; и не легко имъ удавалось быть великими иначе, какъ въ званіи *превосходныхъ*

подражателей. Громкая, заслуженная слава, которую себѣ приобрѣла преобразующая школа Караччи, въ свой чередъ основана единственно на томъ, что сія школа достойными образцами возстановила униженное подражаніе имѣмъ древнимъ основателямъ. Но кому же подражали сіи основатели?— —Они изъ самихъ себя почерпнули все ими созданное великолѣпіе.

В. Т.

12.

ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ.

Еще въ юности, когда я съ духомъ неспокойнымъ спрансповалъ изъ одной земли въ другую, и жадно осматривалъ всѣ мѣста, гдѣ можно только было увидѣть работу художниковъ, случилось мнѣ однажды быть въ одномъ Графскомъ чужеземномъ замкѣ, гдѣ я цѣлые три дни не могъ довольно наглядѣться на прекрасныя карпины. Мнѣ хотѣлось всѣ запомнить наизусть, и я разгорячилъ пѣть свою кровь до такой степени, что это несчетное разнообразіе карпинъ совершенно замѣшалось въ головѣ моей. На третій день пріѣхалъ въ замокъ преспарѣлый путешественникъ: — то былъ какой-то Паперъ изъ Италіи, копорого имени я до сихъ поръ не знаю: послѣ того, какъ мы разспра-

лись, онъ пропалъ для меня безъ вѣспи. Онъ былъ челоуѣкъ глубокой учености, и въ головѣ его хранилось сполько познаній, что я не могъ имъ надивипься; наружноспію походилъ онъ на мыслишелей шеспнадапаго вѣка. Не смопра на мою молодоспъ, онъ ласково завель со мною рѣчь (ибо вѣрно что нибудъ во мнѣ ему понравилось), и цѣлый день ходилъ со мною по карпиннымъ заламъ.

Замѣпивъ мое великое усердіе къ живописи, онъ меня спросилъ: умѣю ли я также назвашъ и масперовъ, какіе надъ какими карпинами шрудились? Я опвѣчалъ: славнѣйшихъ знаю безъ сомнѣнія. Тогда онъ вновъ спросилъ меня: ужели я, кромѣ именъ, ничего о нихъ не знаю? Когда же увидѣлъ, что я и въ самомъ дѣлѣ почши не зналъ ничего больше, онъ началъ говорить мнѣ такими словами:

«Ты досель, сынъ мой, глалъ на сіи прекрасныя карпины, какъ бы на чудеса, ниспавшія свѣше на землю. Но подумай, что всѣ онѣ — швореніе

рукъ человѣческихъ, что многіе художники совершили дѣла превосходныя, послѣ пого какъ ны родился. Какъ же ты объ этомъ думаешь? Ужели не рождается въ тебѣ желаніе узнать побольше о людяхъ, своею кистию опличившихся? Въ насъ возникаюту помыслы чудесныя, когда, смотря на карпины, сіяющія предъ глазами нашими непроходящимъ величіемъ, вспоминаемъ о пворцахъ ихъ, которые при жизни и по смерти были такими г.ч людьми, какъ мы—съ тою только разницею, что во все время бышія одушевлялъ ихъ огонь особенный, небесный. Такія размышленія наводятъ на насъ какую-то грустную задумчивость, во время которой мы обыкновенно бываемъ способны ко всякимъ благимъ мыслямъ и влеченіямъ.»

Я съ удовольствіемъ сердечнымъ и понынѣ вспоминаю всѣ слова добраго, рѣчистаго старца, и постараюсь при семъ привести еще болѣе изъ его разсказовъ.

Видя, что я не шевелился, и жадно его слушалъ, онъ продолжалъ такимъ образомъ:

«Я съ радостію примѣшилъ, любезное дитя мое, что душа твоя питаетъ особенную склонность къ превосходному Рафаэлю. Представь же себѣ — что ты споишь пропивъ великолѣпнаго шворенія его кисти, съ благовѣніемъ наблюдаешь каждый ея почеркъ, и думаешь: за чѣмъ не могъ я видѣть вдохновеннаго при жизни! какъ бы я обожалъ его — и въ ту самую минушу древній Лѣтописецъ началъ бы тебѣ о немъ рассказывать слѣдующимъ образомъ: Сей *Рафаэль Санціо* былъ у своихъ родителей единственнѣйшимъ сыномъ; отецъ, любя его сердечно, неопредѣленно требовалъ, чтобъ мать вскормила его своею грудью — дабы онъ не попалъ въ число людей посредственныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Рафаэль уже въ нѣжныхъ лѣтахъ спалъ пособляя отцу въ работѣ, и послѣдній радовался, что онъ такъ хорошо исправляетъ свое дѣло. Но желая обра-

зовашь его какъ слѣдуешь , онъ договорился съ живописцемъ Пьетромъ Перуджинскимъ , чшобы сей взялъ его въ ученіе , и съ превеликою радостію самъ его опвезъ въ городъ Перуджію , гдѣ Пьетро благосклонно принялъ опрока ; мапъ же при разлукѣ пролила много горькихъ слезъ , и насилу могла опорваться опъ ребенка : ибо и она опъ всей души его любила . — Теперь скажи , каково было у шебя на сердцѣ , когда ты внималъ эшому ? Не правда ли , что знашь такія подробности — мило и опрадно ? — И эшо былъ попъ самый человекъ , который по прошествіи недолгихъ придецапи семи годовъ послѣ рожденія , лежалъ въ гробу оплаканный всѣмъ свѣшомъ , блѣдный и безчувспенный . — Мершвое пѣло лежало въ масперской , а у спѣны близъ гроба , подобно похвальной пѣсни по усопшемъ , спояла со спанка еще не снятая богоподобная картина Преображенія Господня — картина , въ которой мы понынѣ видимъ въ полъ чудномъ сліяніи сшраданія земныя , оп-

раду благомыслящихъ мужей и славу царствія Небеснаго ; но шопъ, кто ее вымыслилъ и произвелъ на свѣтъ, лежалъ возлѣ нея, охладѣлый и безчувственный. »

Меня плѣнила чрезвычайно эта повѣсть, и я просилъ незнакомца разсказать мнѣ еще что нибудь о Рафаэлѣ.

« Лучшее, что могу сказать о немъ, описывалъ Паперъ, есть то, что онъ заслуживалъ любовь и удивленіе не только какъ художникъ, но и какъ человекъ. Въ нравѣ его не было пасмурной надменности прочихъ художниковъ, которые нерѣдко позволяютъ себѣ съ умысломъ всякаго рода причуды; все земное бытіе его было равно, ясно, безмятежно, какъ вода текущая. Снисходительности его простиралась такъ далеко, что когда чужестранные, часто вовсе неизвѣстные въ свѣтъ живописцы спрашивали у него своеручнаго рисунка, онъ оплагалъ свою работу и удовлетворялъ ихъ. Точно также онъ многимъ помогъ въ нуждѣ, а другихъ наставлялъ

въ живописи съ попеченіемъ родительскимъ. Превосходство Рафаэля въ художествѣ собрало вокругъ него толпу живописцевъ, которые наперерывъ старались ошъ него учиться, не смотря на то, что многіе сами уже выросли изъ лѣтъ ученія; и когда онъ шелъ изъ своего жилища ко Двору, они соспавляли около него многочисленную свишу. Споль многіе художники съ нравами различными, безъ сомнѣнія, не могли бы прожить вмѣстѣ безъ несогласія и вражды, когда бы духъ ихъ великаго учителя не осіивалъ ихъ волшебными лучами, подобно солнцу примиренія, и не испреблялъ всѣхъ пяпенъ на душахъ ихъ. Господство его духа было надъ ними споль же сильно, какъ и господство его кисти. — Между прочимъ встрѣчается въ жизни Рафаэля прекрасное и чудное сказаніе: вошъ оно. Онъ написалъ превосходно Хриспа, подъемлющаго крестъ, со многими фигурами, и назначалъ сію картину для одной обители въ Палермъ. Но

судно, на которомъ везли оную въ сей городъ, претерпѣло жестокую бурю и кораблекрушеніе; люди и повары потонули; одна сія карпина — по особенному благоволенію Промысла — принесена была дружелюбными волнами къ Генуэзской гавани, гдѣ ее вынули изъ ящика совершенно невредимою. Въ семь случаевъ и неспройныя спихіи явили свое благоговѣніе предъ великимъ. Вскорѣ послѣ привезли ее въ Палермо, гдѣ она, по выраженію древняго Вазари, почиается не меньшимъ украшеніемъ оспрова Сициліи, какъ и гора Этна.»

Прелестныя повѣсти занимали меня все болѣе и сильнѣе; я жалъ руки у Папера, и съ великимъ жаромъ спросилъ его: Да вы откудажь это знаете?

«Знай, мое дитя, ошвѣчалъ онъ, что многіе заслуженные мужи великіе временники Испоріи Художеспвъ, и подробно описали жизнь именипыхъ живописцевъ; изъ сихъ мужей древнѣйшій, и можеть быть, опличнѣй-

шій—*Жоржіо Вазари*. Въ наше время немногіе читаютъ сіи книги, не смотря на то, что въ нихъ сокрыто много ума и свѣтской мудрости. Подумай самъ, какъ хорошо знаешь тѣхъ людей по ихъ различнымъ характеристамъ и нравамъ, которыхъ знаешь по различному ихъ способу управленія кистию. Въ этомъ знаніи — душа художника сольется для себя въ единый образъ съ его картинами: и когда ты вникнешь съ истиннымъ и глубокимъ чувствомъ въ переданныя сухими словами приключенія, предъ тобою раскроется явленіе величественное — *художнический характеръ*, который многообразно проявляясь въ тысячахъ отдѣльныхъ челоуковъ, тебѣ доставитъ совсѣмъ новое, плѣнительное зрѣлище. Каждый отдѣльный характеръ будетъ для тебя особою картиною, и великолѣпный рядъ такихъ картинъ представитъ тебѣ вѣрное зеркало своего собственнаго духа.»

Я еще тогда не зрѣло понималъ его хотя сіе мнѣніе сдѣлалось совершенно

моимъ собственнымъ, послѣ того какъ я прочелъ помянутыя книги. Между тѣмъ я неописунно просилъ добраго старца еще больше разсказать мнѣ хорошихъ повѣстей изъ временника живописи. «Дай мнѣ только вспомнишь, сказалъ онъ улыбаясь; я самъ люблю разсказывать древнія были о художникахъ.» И въ самомъ дѣлѣ на-сказалъ онъ мнѣ цѣлое множество прелестныхъ анекдотовъ: ибо всѣ книги, когда либо написанныя объ искусствѣ, онъ прочелъ нѣсколько разъ, и сохранялъ все лучшее изъ нихъ въ своей памяти. Разказы Па-пера такъ сильно на меня подѣйство-вали, что я по сіе время едва ли не помню самыхъ словъ его, и для своего удовольствія здѣсь повсюду часъ ихъ.

Когда мы въ одной изъ залъ остано-новились предъ карпиною славнаго *Доминикино*, онъ сообщилъ мнѣ, что сей живописецъ служилъ разитель-нымъ примѣромъ жаркаго рвенія къ

искусству, и въ доказательство продолжалъ такимъ образомъ: .

« Сей художникъ, прежде чѣмъ принимался за картину, обдумывалъ ее долгое время, и не рѣдко просиживалъ одинъ по цѣлымъ днямъ въ своемъ покоѣ, пока изображеніе не представлялось душѣ его доконченнымъ въ самыхъ малѣйшихъ чертахъ своихъ. Тутъ онъ былъ покоенъ, и говорилъ: теперь пол-работы сдѣлано. Но потомъ, какъ примется за кисть, то опять по цѣлымъ днямъ сидитъ у станка, словно прикованный, и едва можешь опорваться на нѣсколько минутъ для обѣда. Онъ писалъ съ великимъ прилежаніемъ и опѣлкою, и каждую черту знаменовалъ глубокимъ выраженіемъ. Однажды нѣкто попытался убѣдить его — не мучить себя напряженіемъ излишнимъ, но избрать легчайшій способъ прочихъ живописцевъ; но онъ возразилъ холодно: я пружусь только для себя, и для усовершенія художества. Ему казалось непонятнымъ, какъ иные живописцы, занима-

ясь величайшими и важнѣйшими предметами, липали къ нимъ споль мало учаспія, что могли во время работы безъ умолку болпашь съ своими знакомыми. За то онъ и считалъ ихъ проспыми ремесленниками, недостпойными вступашь во свяпыню художе-спва. Но самъ онъ, живописуя, споль живымъ духомъ пребывалъ всегда въ предспавляемомъ предметѣ, что чувспвовалъ въ себѣ самомъ шѣ ощущенія и спраспи, кои хотѣлъ изображапъ, и невольпо передразнивалъ ихъ шѣлдвиженія. Часто, когда онъ въ своемъ умѣ сочинялъ образъ печальный, слышали, какъ онъ въ своей рабочей спонешъ жалкимъ, прерывиспымъ голосомъ; когда же то было лице радоспное, онъ весело и живо говоритъ съ самимъ собою. По этой причинѣ онъ всегда шрудился въ покоѣ опдаленномъ, и не впускалъ къ себѣ никого, не исключая самыхъ учениковъ своихъ, боясь, чтообы не прервали его очарованія, или не осмѣяли его, какъ сумасброднаго. Однажды, еще въ юно-

спи Доминикино, въ одну изъ такихъ воспорженныхъ минушъ, было съ нимъ весьма прогапельное приключеніе. Искусный Аннибалъ Караччи приходилъ посѣпить его: но опворя дверь, передъ спанкомъ видилъ своего друга въ яроспи и бѣшенспвѣ, съ грозно подъяною рукою, — оспанавливаешся у двери, и примѣчаешъ, что, прудяся надъ карпиною муки Св. Андрея, онъ въ ту минушу рисоваль люшаго воина, грозящаго Апостолу. Съ сердечнымъ умиленіемъ и воспоргомъ наблюдалъ онъ его нѣскольکو минушъ не шевелясь; — но наконецъ не могли долѣе удержашься: Благодарю тебѣ! вскричалъ онъ, подбѣжалъ къ Доминикино, и бросилъ къ нему на шею съ волнующимся сердцемъ.

Этотъ *Аннибалъ Караччи* и самъ былъ человекъ сильный дарованіемъ; онъ во глубинѣ сердца чувспвоваль безмолвное величіе искусствва, и лучше хотѣль самъ производилъ великое, нежели красивыми и легкими рѣчами пересужашъ великія пворенія художе-

спва. Напрошивъ, его брагъ Агоспино, занимающъ художествомъ, сверхъ того былъ шонкимъ міряниномъ, словесникомъ, сочинялъ сонеты и любилъ прашить слова надъ изящными швореніями. Когда, возврагъсь опъ поѣздки въ Римъ, они снова сидѣли за работою въ своей Болонской Академіи, сей Агоспино одинъ разъ вошелъ въ пространное описаніе знаменитой древней группы Лаокоона, и зачалъ красиво разбирашь каждую опдѣльную красочу ея;—но видя, что брагъ споялъ возлѣ задумчиво и равнодушно, какъ будто не слушающъ рѣчей его, онъ поперялъ шерпѣніе, и спросилъ: неужели онъ ничего эшаго не чувствуетъ? Аннибала сіе пронуло. Не говоря ни слова, онъ взялъ уголь, подошелъ къ спѣнѣ, и изъ головы — въ мигъ нарисовалъ всѣ очерпанія Лаокооновой группы споль вѣрно и правильно, что она сама словно была передъ глазами. Тогда онъ съ усмѣшкою опстунилъ опъ спѣны прочь, — но всѣ шупъ бывшіе дивились, и Аго-

спино объявилъ , что побѣдилъ въ спорѣ—брашъ его.»

Когда незнакомецъ пересказалъ всѣмъ повѣсни , я началъ говорить съ нимъ о другихъ предметахъ , и между прочимъ спросилъ : не знаешь ли онъ также о такихъ художникахъ , которые бы въ малолѣтствѣ возимѣли особенную склонность къ живописи?

«Какъ же, опевѣчалъ, улыбнувшись, незнакомецъ» до насъ дошли извѣстія о многихъ опрокахъ, копорые, родясь и будучи воспитаны въ самомъ низкомъ состояніи, какъ бы самими Небомъ были призваны къ художеству. Я вспомнилъ пому многіе примѣры. Одинъ изъ древнѣйшихъ живописцевъ Италіи, славный *Жіотто*, въ своей юности былъ проспой паспухъ, и спрастно любилъ срисовывать овецъ своихъ на песокъ или на камняхъ; въ этомъ занятіи заспалъ его однажды Чимабуэ, коренной родоначалникъ живописцевъ, взялъ его къ себѣ—и мальчикъ вскорѣ превзошелъ своего учителя. Если не ошибаюсь, по подобныя

симъ повѣспи разсказывающъ намъ о *Доминикѣ Беккафули*, также и о свѣдущемъ ваятель *Контугги*, въ своемъ дѣлспвѣ лѣпившемъ изъ глины подобіе скона, копорый пасъ онъ. Равнымъ образомъ извѣспный *Полидорѣ да Караваджіо* сначала былъ не что иное, какъ работникъ, носившій извеспъ для каменщиковъ въ Вапиканъ; но вниманіе его занимали между шѣмъ прудившіеся въ залахъ ученики Рафаэля; смопря на нихъ, онъ почувспвовалъ неодолимую охопу къ живописи, и начавъ учипсья съ ревностію, оказалъ быстрые успѣхи. — Мнѣ еще пришелъ на памянь весьма любопышный примѣръ о древнемъ Французскомъ живописцѣ *Лковѣ Калотѣ*; наслышась о чудесахъ Ипаліи еще въ малолѣпспвѣ, и любя рисованіе до крайности, онъ непременно захопѣлъ видѣль эту землю несравненную. Одиннадцати лѣпъ онъ пайкомъ бѣжалъ опъ своего опца, и не имѣя ни одного кресповика въ карманѣ, хопѣлъ пуспипсья прямо въ Римъ.

Вскорѣ былъ онъ принужденъ вѣ-
бѣннупь къ подаянію; вспрѣшивъ на
пути своемъ вапагу цыганъ, онъ къ
нимъ пріютился, и въ ихъ сообще-
ствѣ достигъ до Флоренціи, гдѣ и въ
самомъ дѣлѣ опредѣлился въ ученіе къ
живописцу. Потомъ отправился онъ
въ Римъ, гдѣ Французскіе купцы,
знавшіе безпокойство и перзанія ро-
дипелей о его участи, увидѣли его и
силой увезли съ собою на отчизну.
Отецъ хотѣлъ его принудить дома
заниматься науками, — но всѣ труды
были напрасны. На четырнадцатомъ
году онъ вновь бѣжалъ въ Италію;
но злое созвѣздіе привело его въ Ту-
ринъ вспрѣпитъ на улицѣ съ спар-
шимъ брапомъ, который снова при-
тащилъ его къ отцу. Послѣдній, видя
наконецъ, что никакое средство не
помогало, далъ ему позволеніе отпра-
виться въ третій разъ въ Италію,
гдѣ изъ него вышелъ со временемъ
хорошій живописецъ. При всѣхъ по-
хожденіяхъ своего юнаго возраста,
ему никогда не случалось быть въ

опасности, и онъ сохранилъ даже всю непорочность нравовъ; вѣрно само Небо охраняло его своимъ благоволеніемъ. Замѣчательно еще, что онъ, будучи ребенкомъ, всегда молилъ Бога о двухъ вещахъ, а именно: чтобы ему во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни опличался онъ другихъ людей, и потомъ, чтобы не жить ему долѣе 43 года. И что удивительно — онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ на 43 году жизни.»

Престарѣлый Паперъ, рассказавъ всѣ сіи повѣсти съ великимъ соучастіемъ, началъ въ раздуміи ходить взадъ и впередъ, и я могъ видѣть по лицу его, что онъ въ мечтѣ плѣнительной блуждаетъ среди круга древнихъ живописцевъ. Я охотно представилъ его симъ размышленіямъ, и напередъ радовался великому числу новыхъ предметовъ, которые онъ вспомнилъ: ибо воспоминанія, казалось, живѣли все болѣе и болѣе въ душѣ его. Въ самомъ дѣлѣ онъ, спуская немного, снова продолжалъ:

«Сію мину́пу мнѣ пришли на память еще два анекдота, копорые двоякимъ образомъ доказываютъ, съ какою неодолимою власною искусствомъ господствуешь надъ художникомъ. — Жилъ во Флоренціи древній живописецъ, именемъ *Мариотто Альбертинелли*, художникъ ревностный, но человекъ чувственный и беспокойный. Невѣрное и прудное изученіе ремесленныхъ частей искусства, и враждебныя преслѣдованія сверстниковъ-живописцевъ такъ ему наскучили, что онъ, желая пожити вдоволь, рѣшился приняться за промыселъ пріятнѣйшій, и завелъ гостиницу. Онъ сердечно радовался, когда дѣло устроилось, и часто говорилъ своимъ друзьямъ: «Смоприте, это ремесло не лучше ли прежняго? Я теперь не мучаюсь надъ мышцами *написанныхъ* людей, но кормлю и подкрѣпляю пѣло *настоящихъ*; а что всего лучше, не боюсь ни нападковъ, ни гнусной клеветы, покуда есть хорошее вино у меня въ погребѣ.» — Но чѣмъ это кончилось? Когда онъ про-

вель нѣсколько времени въ семь родѣ жизни, искусство въ своемъ божественномъ величїи вдругъ съ такою живостию представилось очамъ его, что онъ немедленно сдалъ свою гошпинницу, и съ ревностию новообращеннаго бросился въ объятїя прежняго художества.

«Другой анекдотъ слѣдующій. Извѣстный и знаменитый *Пармеджіано*, еще будучи юношей, рисоваль для Папы въ Римѣ опличную карпину, въ то самое время, какъ войска Нѣмецкаго Императора Карла V осаждали сей городъ. Воины Цесарскіе ворвались въ вороша, и предали грабежу всѣ дома—богатые и бѣдные. Но Пармеджіано всего менѣ обращаль вниманїя на шумъ и превогу воинскую, и спокойно оставался при своей работѣ. Внезапно вбѣгають въ покой нѣсколько воиновъ, а онъ все еще сидитъ у спанка, неподвижный и внимательный. Великій духъ этаго мужа сколько изумилъ людей, въ своей суровости не щадившихъ ни алтарей,

ни храмовъ, что они не смѣли къ нему прикоснуться — какъ къ святому — и сами охраняли его опъ неистовства собратій.»

О какъ все это чудно! но теперь прошу васъ только объ одномъ,—продолжалъ я, обнимая милаго незнакомца, — скажите мнѣ, правду ли я нѣкогда слышалъ, будто бы древнѣйшіе живописцы Италіи были споль богобоязненные люди, и предметы святаго писанія рисовали всегда съ истинною набожноспію? Многіе, копорыхъ я объ этомъ спрашивалъ, смѣялись надо мною, говоря, что это пустое воображеніе и нарочно придуманная сказка.

«Нѣтъ, сынъ мой, продолжалъ къ моей опрадѣ возлюбленный Цаперъ, «это не спихотворная выдумка, но сущая правда, копорую могу доказать изъ древнихъ книгъ. Сіи мужи почтенные, изъ копорыхъ многіе сами были иноки и священнослужители, посвящали опъ Бога пріямое искусство однимъ божественнымъ и священнымъ предметамъ, и знамено-

вали творенія своей кисти простою смиренною, какая прилична таковымъ изображеніямъ. Ихъ живопись была цѣломудренною служительницею Вѣры, и они не знали пуспой пышноспи красокъ, употребительной у нынѣшнихъ художниковъ: образа ихъ, споя въ церквахъ надъ алтарями, внушали молящемуся чувствованія истинно святыя. Одинъ изъ сихъ древнихъ мужей, *Липпо Дальмазіо*, прославился своими великолѣпными Мадонами, изъ коихъ одна превосходнѣйшая спояла въ покоѣ Папы Григорія XIII, для келейной мольбы сего свящителя. Другой инокъ, *Жіованни Анжелико да Фьезоле*, Флорентинскій живописецъ ордена Св. Доминика, былъ особенно извѣстенъ своей спрогою, — богобоязненною жизнію. Онъ вовсе не заботился о мѣрѣ, отказался даже отъ достоинства Архіепископа, которое ему предлагалъ Папа, и жилъ всегда спокойно, тихо, въ одиночествѣ и смиреніи. Онъ имѣлъ привычку помолиться каждый разъ, когда хотѣлъ на-

часть каршину ; попомъ садился за работу и исполнялъ оную такъ, какъ ему внушало Небо, безъ всякихъ дальнихъ умспвованій. Живопись была для него священнымъ покаяніемъ, и часто, когда онъ писалъ спраспи Хрісовы на распятіи, видѣли крупныя слезы на лицѣ его. — Это не заманчивыя сказки, но сущая истина.»

Паперъ заключилъ свои рассказы весьма чудною повѣстью, которая принадлежитъ къ тому же древнему періоду религіозной живописи.

«Одинъ изъ самыхъ раннихъ живописцевъ, рассказывалъ онъ, которому Испорики даюць имя *Спинелло*, нарисовалъ въ спароспи для церкви Св. Агуоло въ городѣ Ареццо большую запреспольную каршину Люцифера и паденія злыхъ Ангеловъ: — Архиспрангъ небесный былъ представлень на воздухѣ, въ борьбѣ съ семиглавымъ зміемъ, въ гнусномъ видѣ котораго внизу изображень былъ Люциферъ. Сей чудовищный образъ такъ сильно

овладѣль воображеніемъ художника, что злой духъ, рассказывающъ, почно въ томъ же видѣ предспаль ему въ сновидѣніи, и спрашнымъ голосомъ спросилъ: за чѣмъ онъ написалъ его въ видѣ столь гнуснаго звѣря, и гдѣ его видѣлъ такимъ уродливымъ? Живописецъ пробудился — дрожь была въ косяхъ его — онъ хотѣлъ кликнушь на помощь, но ошъ страха голосъ его замеръ. Съ того времени онъ всегда сморѣлъ сурово, какъ будпо въ помѣшательствѣ, и вскорѣ скончался. Но чудесная карпина и понынѣ еще зрится на старомъ своемъ мѣспѣ.»

Чужеземный Паперъ, спустя немного, вышелъ, и не проспаясь, опправился въ дорогу. Прослушавъ всѣ его прелесные рассказы, я не вѣрилъ самому себѣ, и былъ перенесенъ въ какой-то новый міръ очарованія. Я жадно спрашивалъ повсюду, гдѣ можно было достать жизнеописанія живописцевъ, и въ особенности сочиненіе объ оныхъ Жоржіо Вазари; прочелъ всѣ сіи книги съ жар-

кою любовію, и въ нихъ нашель означеніе всѣхъ повѣстей, рассказанныхъ мнѣ Паперомъ. Этошь человекъ, для меня вѣчно незабвенный, напустивалъ меня къ изученію *Исторіи художниковъ*, споль обильно пишущей и разумъ, и сердце, и воображеніе:—ему обязанъ я многими блаженными часами въ моей жизни.

В. Т.

13.

**ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ДРЕВНИХЪ НѢМЕЦКИХЪ
ХУДОЖНИКОВЪ,**

представленный въ примѣрѣ живописца
Альбрехша Дюрера и отца его Альбрехша
Дюрера Старшаго.

Не прекраснѣе — изъ оставшихся
твореній давно умершаго художника
оживляя его снова въ своемъ духѣ,
и по лучамъ опдѣльнымъ находить
почку зрѣнія, куда они спекаются,
или — лучше сказать — небесное свѣ-
тило, откуда изошли они? Такимъ спо-
собомъ объясняемъ мы себѣ духовное
начало всего міра твореній художника,
— это созданіе нашей собсвенной
фантазіи, съ копорымъ земная, чело-
вѣческая его жизнь ничего не имѣетъ
общаго.

Но едва ли еще не прекраснѣе — мы-
сленно облакать сіе блистательное

существо духовное плотью и костями — воображать оное какъ нашего ближняго, какъ друга и собрата, который также былъ звеномъ въ великой цѣпи человечества, и по наружнымъ признакамъ походилъ на cadaго изъ братьевъ своихъ меньшихъ. Мы поспѣшь представляемъ себѣ, какъ и сей отличнѣйшій изъ духовъ человеческихъ сначала долженъ былъ развиваться въ оболочкѣ слабоумнаго дѣтства, какъ отецъ и мать воспитали ребенка, не имѣя и понятія о великомъ его назначеніи. Потомъ воображаемъ себѣ славнаго художника во всѣхъ явленіяхъ жизни: видимъ, какъ онъ юношей, почитаетъ и любитъ отца преспарьлаго, — какъ возмужалый, ведетъ дружбу съ братомъ, съ сестрою и съ родными, какъ вступаешь въ бракъ и самъ становишься отцомъ — видимъ, однимъ словомъ, какъ отъ рожденія до кончины онъ покоряется судьбѣ, общей всему нашему роду.

Еще болѣе прогашельнымъ, оправданнымъ и назидательнымъ становишься

для меня сіе наблюденіе , когда такой художникъ, обладая гениемъ и искусствомъ чрезвычайнымъ, не смотря на то, проживалъ вѣкъ свой наравнѣ съ простолюдными, слѣдуя тому образу жизни, который нѣсколько вѣковъ тому назадъ былъ всеобщимъ у Германскихъ нашихъ праотцевъ, и который сполько нравился душѣ моей, что я намѣренъ здѣсь предсавишь его вкратцѣ.

Во времена древнія смотрѣли по обыкновенію на жизнь, какъ на прекрасное ремесло или промыселъ, къ которому причислены всѣ люди. Бога почипали верховнымъ Художникомъ, Религію — учебною книгою , изъ которой люди исключительно могли почерпачъ знаніе жизни и понятіе о томъ, къ чему она служиптъ, и по какимъ законамъ и правиламъ можно всего легче и вѣрнѣе совершиптъ урокъ ея. Лишенная Религіи, жизнь казалась имъ одною смущною; пустою игрою , въ которой челнокъ пускающъ непрерыванно изъ спороны въ спорону, а

пкани не выходилъ. Религія служила имъ опорою и подкрѣпленіемъ во всякой встрѣчѣ жизни, и придавала для нихъ значеніе глубокое каждому приключенію, при внѣшнемъ взглядѣ маловажному; она въ глазахъ ихъ была возвышеннымъ началомъ, на которое сводилъсь могли всѣ вещи мірскія; она разливала кропкое, равномерное, мирное сіяніе на всѣ смутныя событія ихъ жизни; — Религія для смертныхъ служила высшимъ благомъ. Ея нѣжный дакъ опнімалъ рѣзкость у живаго цвѣща буйной радости,—онъ же наводилъ глянецъ блестящій и на сухую, мрачную земляную краску злополучія. — Такъ люди шагъ за шагомъ шли по спѣзѣ жизни оспорожно, не спѣша, и сознаваясь всегда въ большей или меньшей добротѣ наслощаго. Каждый мигъ имѣлъ для нихъ свою цѣну и важность; они вели работу жизни съ вѣрнымъ прилѣжаніемъ, и хранили ее чистую отъ всякаго порока; ибо недоспойнытъ легкомысліемъ срамить споль достохвальнѣй и почешнѣй

промысль, имъ въ удѣлъ dospавшійся, — этому совѣспь ихъ пропивилась. Они дѣлали должное, не изъ какой либо награды, но изъ непогасающаго чувства благодарности къ Тому, Который одинъ возмогъ своимъ искусствомъ прикрѣпить къ небытію неощущимому первыя нити ихъ существованія. — Наконецъ, когда великій Масперъ возывалъ ихъ опъ земной работы, они, погружсь въ святыя размышленія, въ сладкомъ умиленіи предавали въ его руки какъ себя, такъ и весь дневной урокъ свой. Пошомъ же собирали всѣ особыя черпы усощаго въ крапкій временникъ, или при его гробѣ чинали ему слово похвальное предъ грустными родными: и это слово, первоначально бывшее простымъ свидѣльствомъ о вѣрномъ и правдивомъ совершеніи жизненнаго подвига, служило образцемъ для юношей. Но неисповѣдимый Богъ Небесный между тѣмъ примѣнялъ новопредставленный урокъ къ своей цѣли, великой и шамспвенной: ибо изъ милліо-

новъ восходящихъ къ Нему земныхъ жизнью, Онъ за лазурью сего Неба, ближе къ своему всевышнему Престолу, созидаетъ новый міръ яснѣйшій, гдѣ находятъ себѣ мѣсто — все, что ни есть благаго.

Таковы-то были люди набожнаго времени минувшаго. И я долженъ сказать: *таковы-то были!* За чѣмъ — если такой вопросъ дозволенъ смертному — за чѣмъ, о всеблагое Небо, попустило ны людямъ переродиться?

Горе безразсуднымъ мудрецамъ новѣйшимъ, которые опъ внутренней немощи и скудости духа смопрягъ на челоуѣчество, какъ на ничпожный муравейникъ, и наблюдая коропкось и зыблемось всѣхъ жизнью, на землѣ милліонами роящихся, опускаются въ спропшивую, бездѣйственную пасмурность, или доходятъ до дерзновеннаго опчаянія, увѣряющаго ихъ, что они достигли высшей меты жизни, коль скоро стараются терзать и раздирають ее безъ всякаго зазрѣнія, какъ вешное рубище! Кто прези-

раешъ жизнь — презираешъ всякое совершенство и доброшу, о какихъ чедовѣкъ имѣешъ понятіе: ибо жизнь есть единственный оеапръ и поприще для оныхъ. Двѣ вещи совершенно различныя — презираешъ своимъ промысломъ, или скромно цѣня свою работу, между шѣмъ любишъ его, и занимаешся имъ, какъ будто изъ одной охоты собственной. Знаю, что мы не что иное, какъ капли въ Океанѣ; знаю, что весь шумный хороводъ нашъ, послѣ круговъ немногихъ, неволею проплывешъ къ смерти въ опверзныя объятія: но духъ нашъ, не смотря на то, преодолагаешъ свои шѣсныя предѣлы, и въ себѣ вмѣщаетъ неизрѣченныя, намъ самимъ недовѣдомыя силы, способныя все небо и всю землю, все время и вѣчность, вмѣстившъ въ шѣсный промежутокъ между колыбелью и могилою. Жизнь наша — живой мостъ, перекинутый съ одного темнаго берега на другой столь же темный: но проходя по немъ, мы въ зеркаль водъ видимъ всю швердь небесную.

Но когда взираемъ на время житія нашихъ Германскихъ прародителей — ибо предыдущія черты бѣльшею частію взяты изъ ровнаго, важнаго характера нашихъ соотечественниковъ — когда взираемъ на то время, въ которое люди, при всей своей веселости, не преставали съ набожною и обдуманною важностію сооружать зданіе жизни изъ дней и изъ часовъ, постепенно накопляемыхъ: кто изъ людей погдашнихъ можетъ нашему воспоминанію представить болѣе достойное, великолѣпнѣйшее зрѣлище¹, какъ художники, подобнымъ образомъ жившіе? Они не занимались своимъ художествомъ небрежно, скуки ради, какъ простою охотою, что бываетъ нынѣ; — они рачительно прудились надъ нимъ, какъ надъ ремесломъ: и потому художество безъ ихъ сознанія долженствовало быть для нихъ паинственнымъ изображеніемъ всей жизни. Или, лучше сказать, художество и жизнь у нихъ сливались въ одно общее стремленіе, крѣпимые копо-

рымъ, они шѣмъ шверже и вѣрнѣе направляли свой корабль по бѣглымъ и переменчивымъ волнамъ міра окружающаго. Въ скромной, безмятежной тишинѣ, они, не теряя много времени на рѣчи оспроумія, изображали на холстѣ, либо на камнѣ, свои человѣческія лица, и съ вѣрностію передавали онымъ шу природу, копорую являлъ имъ живой подлинникъ таинственнo-чудесный: такъ почно устроили они самую жизнь свою, послушно слѣдуя возвышеннымъ, небеснымъ наспавленіямъ Религіи. Ихъ никогда не занимали упонченныя вопросы, почему шѣло человѣческое носить именно такой, а не иной образъ, для чего имъ было подражать ему — и не болѣе могло имъ войши въ голову, изыскивать первоначальное основаніе Религіи, или спрашивать о цѣли, для коей сами они созданы. Эти люди нигдѣ не находили сомнѣній и загадокъ; въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ соображались они съ шѣмъ, чпо казалось имъ ещенственнымъ и необходимымъ, и про-

сподушно сплочивали вѣкъ свой изъ прямыхъ и правильныхъ поступковъ—почно также, какъ и въ живописи они безъ дальнихъ размышлений приспавляли одни къ другимъ всѣ кости и всѣ мускулы, изъ копорыхъ угодно было Богу создать челоѡка.

Для меня великое и сердечное удовольствіе — въ совокупности разсмапривать всѣхъ оныхъ мужей, равно вѣрныхъ прудамъ своимъ въ искусствѣ, какъ и въ жизни, коихъ произвели древнія времена Германіи, и въ особенности плодовиное шестнадцатое столѣтіе. Но для примѣра, я хочу подкрѣпить общую повѣсть предыдущую нѣсколькими частными чертами изъ жизнеописанія моего дорогаго Альбрехта Дюрера, и его опца, золотыхъ дѣлъ мастера Альбрехта Дюрера старшаго. Хотя сіи слабыя черпы могутъ сами по себѣ казаться неважными, но я думаю, что послѣ предыдущей, многозначительной картины всякій удобнѣ пойметъ ихъ настоящее значеніе.

Въ пвореніи благороднаго Іоахима фонъ Зандрапъ (гдѣ онъ съ похвальнымъ усердіемъ спарался обнять всю область искусства) мы находимъ при жизнеописаніи Альбрехта Дюрера вспавленный опривокъ изъ собственнаго сочиненія сего художника, гдѣ онъ, на память какъ себѣ, пакъ и своимъ попомкамъ, въ крапкихъ, но набожныхъ и вѣрныхъ выраженіяхъ, сохранилъ нѣсколько извѣстій о своей жизни и своемъ сѣмействѣ. Тогда было въ обычаѣ, на скапѣ своихъ дней, въ подробной памятной запискѣ припоминашь и передумывать весь пущъ пропекшей своей жзини. Но никшо въ сихъ описаніяхъ не опдѣлялъ себя опъ прочихъ чловѣковъ; напропивъ, каждый на себя смотрѣлъ единспвенно, какъ на сочлена и собраша великой сѣмьи чловѣчеспва, и выводя всю свою родословную, скромно помѣщавъ себя, какъ слѣдовало, на которой нибудь изъ боковыхъ вѣтвей почпеннаго по древноспи родоваго древа: — нынѣ привыкли полагашь въ самихъ

себѣ начало всей вселенной ; но тогда было не такъ. Золотая цѣпь родства была связью священной : многіе кровные друзья составляли словно какъ единую, въ нихъ разрозненную жизнь, и каждый въ себѣ чувствовалъ шѣмъ обильнѣйшую жизненную силу, чѣмъ большее число окружающихъ сердець билось съ нимъ одною праотеческою кровью. — Соединеніе родныхъ было малымъ преддверіемъ къ великому союзу всего человѣчества. Древніе прапрадѣды, которыхъ Небо избрало орудіями къ дарованію жизни и съ оною вмѣстѣ всѣхъ житейскихъ благъ (я разумью добродѣтель и Богопознаніе) плодовитому попомству ихъ, были именуемы не иначе, какъ съ почтеніемъ признавательнымъ — по какому-то прекрасному естественному чувству. Любопытный сынъ вѣюныхъ лѣпахъ уже внималъ прилѣжно, когда отецъ его рассказывалъ о встрѣчахъ своей жизни или жизни отца своего ; онъ ревностно хранилъ ихъ въ своей памяти , какъ уроки Вѣры : ибо и ему

предспоялъ пошь подвигъ жизни, который опцы его уже споль достохвально совершили.

Таковы-по возникающіе въ душѣ моей помыслы, когда чипаю разсказъ Альбрехта Дюрера о его родителѣ и праопцахъ, который онъ начинаешъ такимъ образомъ:

«Я, Альбрехтъ Дюреръ младшій, изъ оставленныхъ опцомъ моимъ писаній собралъ объ опцѣ моемъ: опкуда онъ родомъ, какъ прибылъ сюда и проживалъ здѣсь, и во блаженномъ успеніи скончался: Господь его и насъ помилуй, аминь.»

За симъ онъ повѣствуетъ: что опецъ его родителя, по имени Антоній Дюреръ, еще ребенкомъ пришелъ въ одинъ городокъ Венгріи къ золотыхъ дѣлъ мастеру, опъ котораго и перенялъ сей промыслъ. Потомъ онъ вспунилъ въ бракъ съ дѣвицей Елисаветою по имени, и съ нею прижилъ четверыхъ дѣтей; изъ нихъ же старшій сынъ былъ Альбрехтъ Дюреръ, его опецъ возлюбленный, который на-

слѣдовалъ масперсшео золопыхъ дѣлъ. Сей возлюбленный отецъ его проводилъ попомъ долгое время у великихъ масперовъ въ Нидерландахъ, а въ лѣто 1455 прибылъ въ Нюренбергъ, въ пошъ самый день, какъ въ градской крѣпости праздновали свадьбу Филиппа Пиркгеймера, и подъ большими липами была большая пляска.

Дюреръ съ самаго начала изображаетъ всѣ свойства опца своего сильно и связно въ двухъ словахъ, говоря: что отецъ его былъ человекъ *чистый* и *искусный*. Въ концѣ же прибавляетъ слѣдующія черпы, нашимъ глазамъ его совершенно живописующія: «онъ, говоритъ Дюреръ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми насилу кормился работою рукъ своихъ, и проводилъ вѣкъ свой въ непрестанномъ трудѣ, безпокойствѣ и бореніи. У всѣхъ его знавшихъ заслужилъ добрую славу, попому что былъ человекъ богобоязненный, терпѣливый, кроткій, и всегда полный признательности къ Богу. Что касается до прочаго, онъ былъ не-

говорливъ, жилъ всегда въ пиши и въ уединеніи, и весьма мало предавался мірскимъ радостямъ. Воспиташъ дѣшей своихъ въ страхъ Божиємъ—было предметомъ его высочайшаго желанія; онъ неусыпно о нихъ пекся, и пвердиль имъ ежедневно о любви къ Создателю. Наконецъ, на смершномъ одрѣ своемъ, предвидя близкую кончину, онъ доброю волею смирился, и заповѣдавъ своимъ дѣшнямъ иди по стезѣ Божіей, Хрістіански скончался въ лѣпо 1502, на память Св. Матфеія предъ полуночью.»

Такая пихая, *зависимая* жизнь, когда человекъ ни въ какой часъ не забываетъ, что онъ не иное что, какъ исполнишель дѣла Божія,—такая жизнь естъ вѣрнѣйшій путь къ благополучію. А кто не чпипшъ Бога,—или другими словами, въ себѣ самомъ видпшъ нарѣченнаго Владыку всей вселенной—шощъ служишъ заблужденію несчастному, и вкушаетъ шокмо скорбное, лживое благополучіе нищаго, который въ сумасбродствѣ почи-

шаетъ свое рубище царскою порфи-
рою.—

Въ наименованной книгѣ сверхъ
того находимъ оспавленную старымъ
Альбрехшомъ Дюреромъ роспись всѣхъ
его дѣпей, числомъ осьмнадцать, ко-
порохъ онъ своей рукою означилъ въ
особо для того сдѣланной книжкѣ по
именамъ, по днямъ и по часамъ рожде-
нія. Добрый Нюренбергскій мѣщанинъ
и золопыхъ дѣлъ мастеръ, Дюреръ
старшій, въ продолженіе своей жизни
вѣрно сочинилъ не мало хорошихъ мы-
слей въ головѣ своей; но ему въ умъ
не приходило ихъ записывать; можетъ
быть, онъ даже почелъ бы это стран-
нымъ. Вспни подробный списокъ всѣхъ
дѣпей, данныхъ ему отъ Неба, для него
было естественнѣе. — Но мы, по про-
шеспвіи двухъ спольшій, изо всѣхъ
осьмнадцати вспоминаемъ одного дра-
гоцѣннаго Альбрехша, и предаемъ заб-
венію всѣхъ прочихъ, — чего безъ со-
мнѣнія отецъ не предугадывалъ, но безъ
отличія записалъ его тѣми же словами,
какими и другихъ, слѣдующимъ обра-
зомъ:

«Тожь въ лѣто по Рождествѣ Христовѣ 1471, въ шестомъ часу на память Св. Пруденціи, въ пятницу на крестной недѣль, родила мнѣ сожителиница моя Варвара моего вшораго сына; названъ онъ Альбрехтомъ по моему имени.»

Нашъ Альбрехтъ Дюреръ младшій, выписавъ изъ книги опцовской сію роспись всѣхъ своихъ сесперъ и брашьевъ, присовокупляетъ: «Нынѣ сіи мои собратья, дѣши возлюбленнаго опца моего, почпи всѣ уже скончались, иные въ молодыхъ лѣтахъ, другіе въ зрѣломъ возрастѣ: въ живыхъ остаемся, пока Богу угодно, только мы шрое, какъ-то: я Альбрехтъ, и со мною братъ мой Гансъ, и братъ мой Андрей.»—*Пока угодно Богу!* высокое изрѣченіе! младенческое сознание того, что Божество, держа всѣхъ человѣковъ на помочахъ любви Своей, лелѣетъ ихъ среди благоуханій нашего зеленѣющаго міра до тѣхъ поръ, пока не найдетъ Оно полезнымъ вознестъ ихъ въ свои Сѣни.

Нашего достойнаго Альбрехта Дюрера продержало Оно милоспиво до 58 года жизни, и припомъ, по Своей благоспынѣ, дало ему далеко превзойши родиселя въ художеспвѣ. Послѣдній сначала обучалъ его масперспву золопыхъ дѣлъ, желая передать внуку дѣдовскій промыслъ. Ибо въ древнія времена Германіи, когда искусствво однажды прививалось къ одной вѣспви какаго нибудь рода, оно вмѣсплъ съ нею обыкновенно благородспвовало всѣ ея оппрыски, и наслѣдіе художеспва словно золопило узы кровнаго родспва—чему примѣры предспавляюпъ многія благородныя поколѣнія художниковъ, происшедшія изъ древнихъ цвѣпущихъ городовъ южной Германіи. И такъ, юный Альбрехспъ подъ опцовскимъ руководспвомъ упражнялся въ златпокованіи, и (по свидѣпельспву Зандрарта) въ ономъ такъ успѣлъ, что предспавиль лишою работою всѣ спраспи Христовы. Въ то время каждому художнику, не по разсужденію, но по есте-

спвенному чувству, предметы Св. Писанія казались всего ближе для посвященія его въ шайны искусства, и каждый долгомъ почиталъ за первое малое умѣніе возблагодарить Небо для Него угодною работою. — Но Дюреръ въ душѣ своей пипалъ величайшую спрасть къ живописи, и опецъ, не смотря на свое желаніе оспавить его сыномъ своимъ и по художеству, наконецъ склонился: «въ 1486 году — пишешь Альбрехтъ Дюреръ — въ день Св. Андрея меня опдалъ опецъ мой на прехлѣпнее служеніе къ Михаилу Вольгемушу, учишься у него живописи; между пѣмъ Богъ далъ мнѣ прилѣжаніе, и я учился хорошо, хопя и принужденъ былъ сносить много опъ людей его; когда же кончились лѣпа моего ученія, опецъ меня послалъ на чужбину, гдѣ и пробылъ я чешыре года, пока меня опецъ мой не воспребовалъ.» Съ такою простотою высказываетъ Дюреръ всѣ обстоятельства своей жизни; онъ идетъ безъ оглядки своимъ прямымъ путемъ, и на все съ

нимъ случившееся смотришь почто такъ, какъ будто не могло случиться иначе.

Въ карпинахъ, гравировкахъ и рѣзныхъ работахъ Дюрера, большею частію заключающихъ представленія духовныя, видимъ повсюду вѣрное, ремесленное раченіе. Тотъ же самый духъ, который внушилъ ему столь очевидное во всѣхъ его твореніяхъ стремленіе къ докончанной въ малѣйшихъ чертахъ опдѣлкѣ, который побудилъ его внимательно изслѣдовать лучшіе и правильнѣйшіе размѣры человеческого тѣла, и сохранилъ ихъ въ книгѣ, переведенной въ послѣдствіи на всѣ языки и служившей уложеніемъ для всѣхъ рисующихъ народовъ: поэтъ самый духъ заставлялъ его въ поступкахъ жизни внѣшней повсюду стремиться къ Справедливому и Доброму. Не смотря на то, что спозычная молва по всѣмъ лучшимъ странамъ Европы (какъ-то кромѣ земель Нѣмецкихъ, по Италіи, Франціи, Испаніи, Голландіи и Англии) гласила

и прославляла всюду имя Дюрера, почему не только всѣ славнѣйшіе живописцы того времени, но и самыя Короли и Императоры воздавали ему величайшія почести — какія и въ мысль не приходили ошцу его, чеспному золотыхъ дѣлъ мастеру: — не смотря на все это, сей безцѣнный мужъ въ своемъ бышу не прешаваль сообразоваться съ симъ послѣднимъ, но въ подражаніе ему, медленно, обдуманно переспавляль съ шагу на шагъ пупевый посохъ своего земнаго спранспвія, и въ свой чередъ былъ человекѡмъ *тиснымь* и *искуснымь*.

Изъ тацихъ примѣровъ можно видѣшь, что гдѣ соединяются *Искусство* и *Религія* — памъ изъ сліянія ихъ испочниковъ образуешя прекраснѣйшій покъ жизни.

Но если для внѣшней, дѣйспвишельной жизни у человекѡа нѣтъ лучшихъ водипельницъ, какъ сіи два сущесва великія, божеспвенныя — *Религія* и *Искусство*: то и для своего внуспренняго, духовнаго быпія — онъ въ ихъ

сокровищахъ находить драгоцѣннѣй-
шій запасъ помысловъ и чувствованій;
и мнѣ кажется таинственною, много-
значительною мыслию — сравнить ихъ
съ двумя волшебными вогнутыми
спеклами, гдѣ *всѣ предметы міра*
въ эмблемахъ отражаются, и бо-
порыхъ очарованные опсвѣты *науга-*
ютъ насъ постигать истинный духъ
всего сущаго. В. Г.

Храмъ Святаго Петра въ Римѣ.

О возвышенное чудовселенной! Духъ мой окрился священнымъ воспоргомъ, когда я созерцаю твое необъявленное величїе! Твоя нѣмая безконечность пробуждаетъ непрестанно мысль за мыслію, и не даетъ успокоенїя изумленному духу.

Надъ твоей каменной огромностію работало цѣлое столѣтіе, и ты подъялся на такую высокую по жизнямъ милліоновъ!

Въ нагихъ каменоломняхъ ваша родина, вы мощныя спѣны и столпы! Тамъ не одна грубая рука за скудную мзду вынуждала ваши мраморныя скалы опъ природы упорной и суровой, беззаботная о томъ, что будетъ со временемъ изъ безобразнаго обломка; единственною мыслію работника было ежедневно его

жельзное орудіе; — наконецъ однажды, онъ взялъ его въ послѣдніе, и умеръ.

Сколь многіе въ свой вѣкъ забопились единспвенно о томъ, чптобы за плапу небогашую смазывать сіи камни крѣпкими рядами, — и такимъ образомъ сошли съ лица земнаго. Смерть закрыла очи не одного маспера, копорый, въ чиспыхъ и свободныхъ линияхъ изсѣкая на сихъ сполпахъ и перерубахъ мѣлочныя украшенія, можешъ бытъ внуспренно гордился опдѣлкою красивой капишели, перяющейсѣ нынѣ среди безконечнаго цѣлаго; и можешъ бытъ, ни одно око въ мірѣ не смопрѣло на капишель съ новымъ вниманіемъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ взглянулъ на нее послѣднимъ взоромъ радости.

Цѣлый рядъ масперовъ Зодчеспва прошелъ при созиданіи сего храма исполинскаго: они-то малыми чершежами и моделями приводили въ движеніе всѣ сошни грубыхъ рукъ, и ихъ-то волшебство собрало всѣ сіи безобразныя чада швердынь въ плѣнипельные образы; изъ нихъ одинъ великій, соединивъ

нѣсколько цифръ вокругъ ломаныхъ линій на лоскутѣ бумаги, предписаль огромному куполу отважно взойти на бремя спѣнь, и держаться безъ опоры въ высотѣ воздушной.

И пѣ славные намѣстники Римскаго престола, коиорые, сѣя по вселенной ничтожные куски мешалла изъ своихъ мершвыхъ, спокройныхъ кладовыхъ—сими кусками, какъ элекприческими искрами, изъ сонной силы грубыхъ рукъ и соннаго искусства изсѣкашелей, извели для наслажденія сладкомечпающихъ художниковъ одну соединенную дѣйспвипельность — и несчепнымъ повпорешемъ сихъ ничтожныхъ мешаллическихъ кусковъ, куцили для челоувѣческаго рода споль рѣдкое чудо неисчерпаемаго величія и искусства: и сіи владыки давно уже воспали одинъ за другимъ съ своего прона, и смиренно опуспили священную спопу свою въ ту мрачную обипель, куда сошли и милліоны, на землѣ ихъ обожавшіе, какъ намѣстниковъ Хрісповыхъ.

Сколь многообразно говоришь слѣдѣ
человѣка въ каждомъ своемъ камнѣ!
Сколь многія жизни поглотило свое
созданіе! А ты стоишь, твореніе без-
смертное, и опираясь на свои неизбѣ-
лемыя стѣны, безстрашно взираешь
на дальніе ряды вѣковъ грядущихъ.

Тысячи опдѣльныхъ камней и гро-
мады безобразныя, походившія на чле-
ны обрубленнаго шѣла, соединились въ
спройныя колонны, копорыхъ вели-
чавую наружность око обнимаетъ ра-
доспными взорами — или слились въ
высокій куполь, за коего могучимъ и
вмѣспѣ легкимъ сводомъ взоръ, пор-
жествуя, воспаряетъ. Исчезла безчи-
сленность уродливыхъ частей: оспа-
лось одно цѣлое изъ сводовъ и стол-
повъ, какъ будто исполины при
сотвореніи міра слѣпили оное изъ пре-
изобильной скудели, либо оплили изъ
расплавленныхъ швердынь въ формахъ
огромныхъ. — И сія дивная сущеспвен-
ность мечпы невѣрояпной, сущесп-
венность, предъ коею воображеніе
столбенѣетъ — вся она зависѣла отъ

нѣсколькихъ словъ или почерковъ пера пѣхъ привѣнчанныхъ власпелиновъ.

Ты же красуешься въ бытїи своемъ, и ничего не сохраняешь опъ своего происхожденїя. Тебя создали человекѣ; но ты—природы высшей, нежели родъ швоихъ создашелей;—и смершныя толпы долгихъ вѣковъ колѣнопреклоняются подъ высокою швоего крова, осѣняемая Божешвомъ, вѣчно говорящимъ во спѣнахъ швоихъ.

Блаженъ переходящїй человекъ, что можешъ создавать непреходящее; блаженъ грѣховный и немощный, что можешъ пораждать святое и высокое, предъ которымъ самъ благоговѣешъ! Смершная сила шворчешская подъ небомъ вдохновеннаго художества производишь плодъ злапой, благороднѣйшїй своего шебля и корня; корень исчезаетъ, — но золошой плодъ хранишь силы божешвенныя.—Люди суть однѣ враша, чрезъ которыя божешвенныя силы опъ созданїя мїра нисходятъ на землю, и воплощаются для насъ въ

Богопознаніи и въ безсмертномъ художествѣ.

Смѣль и великъ замысль—изъ скаль изобразилъ формы изящества, плѣняющія насъ въ мѣлкихъ и зыбкихъ рукотѣляхъ, изобразилъ для цѣлой вѣчности въ объемахъ величавыхъ. Благородно то искусство, которое, презрѣвъ и слово и ликъ человѣческой, коимъ подчинены всѣ прочія искусства, стремился единственно представить нашимъ взорамъ чувственный, мощный образецъ разума, крѣпости и изящной соразмѣрности — сихъ коренныхъ достоинствъ и первообразныхъ идеаловъ человеческой души; его творенія, подобно наукѣ мудрости, дозрѣвшей въ духѣ мудреца, суть не что иное, какъ согласное въ самомъ себѣ сцѣпленіе несущихъ тяжестей съ несомыми: стѣнъ и колоннъ, отважно воздымающихся къ небу — съ куполами и сводами, спокойно съ высоты проспирающими стѣнъ свою. Творенія Зодчества свободно сползаютъ подъ небомъ Божіимъ, и утверждающа непо-

средственно въ земль, матери всего сущаго; онъ не повинуются произволу рукъ человѣческихъ, подобно твореніямъ прочихъ художествъ; но принимаюшь въ свои нѣдра родъ, ихъ произведшій, объемлюшь его силою чудесною, и, какъ священные сосуды, служащъ вмѣстѣ не токмо для всякаго другаго знанія и искусства, но для самыхъ порывовъ благороднѣйшаго изъ всѣхъ стремленій міра.

Стремленіе человѣка къ Божеству — можешь ли зданіе въ себѣ вмѣстѣ что сего высшее? Пускай разсупятся сіи стѣны, пусть вознесутся куполы, и обымутъ, спокрапъ огромное пространство, — да стекутся тысячи тысячъ земнородныхъ въ одно всепріемлющее лоно, и одинокія моленія ихъ, совокупленные подъ высокою сего свода, заключенныя въ вѣчныя объятія сихъ священныхъ стѣнъ, сольются въ одно нераздѣльное пламя приношенія Всевышнему. Несмѣнныя полны вѣковъ прошедшихъ освятили для молитвъ сіи святыя

стѣны, и несмѣшныя шолпы въ грядущемъ соберутся подъ благодатный кровъ ихъ.

Слышу, какъ разумные мудрецы по-смѣваются, и говорящъ промежь себя: «на что міру сія мерзвая, безплодная роскошь? не менѣе усердно молишься человекъ въ ушломъ, неубранномъ проспранспвѣ?— а мы упошребили бы сіи каменныя массы на одѣянія и пищу многимъ неимущимъ, сыримъ и вдовицамъ.» — Я знаю, что горько негодуютъ на художество и Религію, когда онѣ въ богатствѣ Царскаго величія возносятся предъ міромъ. Такія сужденія могутъ бытъ основательными для человѣческаго разума, — но не падовы сужденія шворящаго Промысла.

Мудрецы хотѣли пересоздать нашу землю по мѣрилу, обрѣшенному умомъ человѣческимъ, и водворить въ ней строгое однообразіе умшвенныхъ законовъ. Но что наша земля, какъ не единый вняшный для насъ звукъ опъ сокровеннаго созвучія вселенной! единая, намъ бѣгло блещущая молнія изъ

шаинспвенныхъ облаковъ мірозданія?
 — и что такое мы? Сіе волно-
 подобное возвышеніе и пониженіе
 всѣхъ земныхъ сущесствъ, — въ копо-
 ромъ высокое пріобщается къ высокому,
 глубины же и равнины оспаюся въ
 небреженіи, — въ моихъ глазахъ еспь не
 что иное, какъ шаинспвенный бой
 пульса или неизмѣримое, для насъ не-
 пѣнятное дыханіе земной планеты.
 Когда земля спремится осуществитъ
 возвышенное въ бышій тѣлесномъ, ея
 спремленіе все оспаеся земнымъ, и
 для величія духовнаго нѣпть у ней спу-
 шниковъ dospойнѣйшихъ, какъ земныя
 драгоценности. Тому служипть примѣ-
 ромъ неодушевленная природа, копо-
 рая, совершенно въ духъ сего міра, для
 украшенія чудной красоты горныхъ
 цѣпей своихъ распочаесть подземное
 богатство металловъ драгоценныхъ,
 между шѣмъ какъ степи неизмѣрныя
 изнемогающъ подъ ея скудною рукою.

И такъ, безмолвствуй, мірское му-
 дрованіе! а вы, богопочпипельныя чув-

ства, повинуйтесь волшебству ошважно воздвигнутаго великолѣпія!

Но ахъ! сіе самое чудо вселенной — сколь оно ничтожно средь *малой* безконечности существъ нашей земли! Едва успѣемъ опспунить, оно уже умаляется, и вовсе не существуетъ для оспальнаго міра. Цѣлыя спраны не слыхали о немъ, и большая часть самыхъ людей, на него взирающихъ, думаютъ о вещахъ для нихъ важнѣйшихъ, и равнодушно идутъ мимо.

В. Т.

15.

ПИСЬМО МОЛОДАГО НѢМЕЦКАГО ЖИВО-
ПИСЦА ИЗЪ РИМА КЪ СВОЕМУ ДРУГУ ВЪ
НЮРЕНБЕРГѢ,

Дражайшій собратъ и товарищъ!

Долго уже я не писалъ къ тебѣ—знаю
— и между тѣмъ всегда о тебѣ ду-
малъ съ живѣйшею любовію: въ жизни
есть часы, въ которые для окри-
ленной мысли все кажется мѣднымъ,
и душа, занятая единственно своими
предспавленіями, по шому самому не
производитъ ничего внѣшняго. Я жилъ
въ подобномъ соспоаніи, и въ сію ми-
нушу, чувствуя себя внутренне спо-
койнѣе, спѣшу приняться за перо, и
высказать тебѣ, милый Себастьянъ,
тебѣ, лучшему другу моей юности,
все что сбилось со мною, и все что
испыталъ я.

Долженъ ли я тебѣ описывать подробно, какова хваленая Италія, и распросираняясь въ несвязныхъ восхищеніяхъ? Слова шупъ не у мѣста — и могу ли я, споль мало свѣдущій въ Словесности, достойно тебѣ изобразить свѣплов небо, безпредѣльные райскіе виды, въ которыхъ воздухъ вѣепъ легкою прохладою, когда и въ наспоющемъ мастерствѣ своемъ я едва умѣю опыскивать краски и черты для выраженія того, что внупренно чувспвую и поспигаю?

Но сколь ни опличны здѣшнее небо и природа, все можно имъ скорѣй повѣришь и легче ихъ вообразить себѣ, нежели то, что расскажу тебѣ о художествѣ. Вы можете шрудиться надъ письмомъ въ своей Германіи, ты, мой Себастьянъ, съ дражайшимъ насравникомъ нашимъ Альбрехтомъ Дюреромъ: но если бы васъ вдругъ перенесли сюда, то съ вами право спалось бы, какъ съ новопреспавленнымъ, еще не совершенно очнувшимся на небѣ. Воображаю себѣ почтеннаго нашего мастера Аль-

брехта на его скамейкѣ, какъ онъ съ дѣлскимъ, почти прогашельнымъ раченіемъ вырѣзываетъ шонкій кусокъ дерева, зрѣло обдумываетъ изобрѣшеніе, попомъ исполненіе, и нѣсколько разъ вновь осматриваетъ начатую работу—воображаю его просторную, досками успавленную комнату съ круглыми оконницами, и себя съ своимъ неупомимымъ прилѣжаніемъ сидящаго за снимкомъ, между тѣмъ какъ младшіе ученики ходятъ взадъ и впередъ, а старый масперъ Дюреръ опъ времени до времени приговариваетъ веселое или разумное словечко: — вошь входитъ наша хозяйка, либо краснорѣчивый Вилбальдъ Биркгеймеръ, который, пересмотрѣвъ рисунки и живопись, всупааетъ съ Альбрехтомъ въ жаркое сопязаніе; — когда я хорошенько въ головѣ моей все епо представлю, то не могу право постигнуть, какъ я сюда пришелъ, и какимъ образомъ все здѣсь такъ оплично опъ вашего.

Помнишь ли ты еще по время, когда насъ только лишь опдали къ

нашему мастеру въ ученіе, и мы ни коимъ образомъ не могли понять, какъ изъ распираемыхъ нами красокъ могло произойти лице или дерево? Съ какимъ удовольствіемъ мы попомъ смотрѣли на почтеннаго Альбрехта, который всегда умѣлъ все шакъ хорошо сладить, и надъ исполненіемъ самой прудной своей работы никогда не приходилъ въ замѣшательство! Бывало, когда выйду изъ мастерской купить ему припасовъ, и мимо меня двигаются люди неученые — крестьяне или работники, я смотрю на все это, какъ сквозь сонъ, или думаю въ себѣ: что вѣрно онъ волшебникъ, котораго сила покоряетъ и какъ бы живитъ неодушевленное.

Но что бы послѣ этаго я сказалъ или почувствовалъ, когда бы въ то время держали предъ моими ребяческими взорами лучезарные лики Рафаэля? Ахъ, мой другъ Себастьянъ, если бы я ихъ понялъ, то вѣрно бы упалъ на колѣна, и вся юная душа моя распворилась бы въ слезахъ, воспоргѣ, умиленіи; ибо у великаго нашего Дюрера видно все еще зем-

ное; все еще понятно, какъ искусный человекъ по многомъ упражненіи могъ дойти до такихъ ликовъ и изобрѣженій; — когда твердо уставимся глазами въ карпину, то можемъ, наженися, снова согнать краски фигуръ, и подъ ними опкрыть голую доску: — но у этого художника, другъ мой, все такъ чудесно сдѣлано, что ты вовсе забываешь о томъ, что такое краски, что искусство живопись, и внутренно, съ теплою любовію можешь только смиряться предъ небесными и человекъ вмѣстѣ съ родными ликами, которыми предаешь и сердце и душа твоя. — Не думай, чтобы юношескій жаръ заславлялъ меня преувеличивать; ты не можешь вообразить сего, не можешь постигнуть, пока самъ не придешь и не увидишь.

Вообще надобно признаться, любезный Себастьянъ, что Искусство придаетъ нашему міру много опрады и прелести; я узналъ только теперь, что въ нашемъ сердцѣ невидимо обитаетъ существо, которое неодолимо

привлекаешся великими швореніями художества. И чпобы во всемъ признашься другу моей юности (я не могу того не сдѣлать, ибо увлеченъ какою-то непобѣдимую силою)—я теперь люблю дѣвушку, она моему сердцу дороже всего, и я любимъ ею. Моя душа погружена какъ будто въ вѣчное весеннее сіяніе, и еслибъ не было дерзко употреблять для своей радости такое выраженіе, то во многіе часы восторга я бы могъ сказать, что міръ и самое солнце небесное опъ меня заимствуютъ свѣтъ свой. Давно уже я съ живѣйшимъ чувствомъ спарался находилъ ея черны въ лучшихъ картинахъ, и всегда находилъ у любимыхъ моихъ художниковъ. Мы уже помолвлены, и чрезъ нѣсколько дней будемъ праздновать нашу свадьбу:—изъ эпюгопы видишь, что я охоты не имѣю возвращаться въ Германію, а надѣюсь шебя самага вскорѣ обнять въ Римѣ.

Не могу описать тебѣ, какъ сердце Маріино непрестанно беспокоилось о спасеніи души моей, когда она услы-

шала, что и я приверженецъ новаго ученія. Она меня нерѣдко молила неопшпупно—возвращишься къ испинной, древней Вѣрѣ, и ея плѣнительныя рѣчи нерѣдко приводили въ безпорядокъ всю мою фантазію, и все, въ чемъ я считалъ себя дополѣ убѣжденнымъ.— Не говори нашему любезному насшавнику Дюреру о томъ, что теперь будешь чипашъ; я знаю, что сіе только расшроишь его сердце, и не послужишь ни мнѣ, ни ему въ пользу.

Недавно я пошелъ въ Ропонду, при-
сущспвовашъ при великомъ праздне-
спвѣ и слушаешъ превосходную Лапин-
скую музыку, или, сказаешъ чиспосер-
дечно, сначала для шого единспвенно,
чтобы шамъ увидѣешъ мою любезную
среди толпы молящихся, и взглядомъ
на ангельское ея благоговѣніе про-
свѣшиешъ мою собспвенную душу.
Великолѣпный храмъ, шумная толпа
народа, копорая, возрастаешъ, окружала
меня часъ опъ часу шѣснѣе, пышныя
приутошвления къ обѣднѣ— все это
пробудило въ моемъ духѣ чудное вни-

маніе. Я находился въ расположеніи поржеспвенномъ , и хошя не могъ ясно и свѣпло опдѣлить ни одной мысли, какъ обыкновенно въ такомъ шумѣ случается, но моя внуспренность пакъ спранно волновалась, какъ будто бы во мнѣ самомъ долженспвовало совершиться что нибудь необычайное. Внезапно все зашгло, и надъ нами загремѣла всемогущая Музыка, копорой медленные, полные, продолжительные тоны, подобно незримоу вѣпру, носились надъ нашими главами; она разливалась, какъ море, въ величайшихъ часъ опъ часу волнахъ, и звуки влекли душу мою вонъ изъ шѣла. Мое сердце билось; я чувспвовалъ могучее влеченіе къ чему-то великому и возвышенному, хошѣлъ бы заключить его въ мои объятія. Полный Лапинскій напѣвъ, въ непреспанномъ возвышеніи и паденіи шѣснившійся сквозь полные тоны музыки, подобно кораблямъ, несомымъ на вѣприлахъ чрезъ морскія волны, возвышалъ душу мою все болѣе и болѣе. И въ то самое

время, какъ звуки, овладѣвъ всѣмъ моимъ составомъ, проникали ко мнѣ въ каждую жилу — я поднялъ свои взоры, дополъ внупръ меня самага обращенные; — весь храмъ оживился тогда въ моихъ очахъ: въ такое упоеніе погрузила меня музыка. Въ пошъ самый мигъ она замолкла: священникъ приспустилъ къ главному алтарю, съ вдохновеннымъ мановеніемъ поднялъ съ него жершву, и показалъ народу, — тогда весь народъ палъ на колѣна, и громкіе лисавры, съ какими-то невѣдомыми для меня самага звуками, раздались — и съ ними вмѣспѣ возвышенное благоговѣніе опозвалось въ всѣхъ костяхъ моихъ. Все вокругъ меня пало; меня самага влекло къ землѣ неодолимою, чудесною силою, и я, хоть бы желалъ, не могъ бы удержаться. Въ то время, какъ я съ поникшею главою стоялъ на колънахъ, и сердце лепало по моей груди — невѣдомая сила заспавила меня снова подняшь взоръ; я посмопрѣлъ вокругъ себя, и мнѣ со всею

ясностию представилось, будто бы всѣ Каполики, которые, стоя на ко-
лѣнахъ, съ глазами обращенными по
къ самимъ себѣ, по къ Небу, усердно
креспились и произнося пѣхую мо-
литву ударили себя въ грудь, — что всѣ
они молились небесному Отцу о спа-
сеніи души моей, что всѣ сотни людей,
вокругъ меня стоявшихъ, просили за
одного изъ среды своей заблудшаго, и
въ безмолвномъ своемъ благоговѣніи
влекли меня къ своей Вѣрѣ неодоли-
мою силою. Тупъ я бросилъ взглядъ
на ту сторону, гдѣ стояла Марія;
ея взоръ встрѣтился съ моимъ, и
крупная, священная слеза покапалась
съ длинной ея рѣсницы. Не знаю,
что спалось со мною, но ея взгляда
я не выдержалъ, опворотилъ голову,
и взоръ мой надъ однимъ изъ алпа-
рей встрѣтилъ образъ распятаго
Спасителя, который съ неописан-
ною грустию глядѣлъ на меня, — ме-
жду итѣмъ какъ могучіе столцы
храма богоподобно возвышались предо
мною какъ небесные Свидѣтели, и

важно созерцали меня высокими главами, — а безпредѣльный куполь, какъ небо всеобъемлющее, надо мною простирается, и благословляетъ мои набожные замыслы.

По совершении службы я не могъ оставить храма, бросился въ углу на колѣна и плакалъ; попомъ съ расперзанной душою обошелъ всѣхъ святыхъ и всѣ каршины, и мнѣ казалось, что я только тогда получилъ право созерцать ихъ съ умилениемъ.

Я не могъ долѣ пропитаться внутренней силъ: теперь уже принадлежу къ той Вѣрѣ, мой дорогой Себастьянъ, и чувствую на сердцѣ радость и свободу. Къ ней поспешенно привлекло меня искусство, и могу сказать, что я только теперь разумью вполне и внутренне постигаю послѣднее. Если можешь наименовать то, что, какъ голосъ Ангеловъ, говорило въ душѣ моей, и было причиною моего преобращенія: назови его, объясни меня самого

мнѣ; я же послѣдовалъ единспвенно моему внуспреннему чувспву, волненію моей крови, копорой каждая капля теперь мнѣ кажется очищенной.

Ахъ! Не вѣрилъ ли я еще въ юныхъ лѣтахъ шѣмъ священнымъ сказаніямъ и чудеснымъ подвигамъ, копорые казались намъ непонятными? Можешь ли ты самъ вполне постигнуть высокую карпину и созерцать ее съ святымъ благоговѣніемъ, не повѣривъ на шу минушу изображенію? И какая же въ помъ разница, если сія Поэзія божеспвеннаго искусства на меня продолжипельнѣйшее имѣеть дѣйспвіе?

Невозможно, Себастіанъ, чпобы ты опвращилъ опъ меня свое сердце; ты эшаго не сдѣлаешь; и шакъ будемъ же вмѣспѣ молишь общаго всѣмъ Бога, чпобы Онъ опнынѣ просвѣпилъ въ насъ душу еще болѣе, и даровалъ намъ испинную набожность: не шакъ ли, другъ моей юности?—все прочее не можетъ и не должно насъ разлучать.

Будь здоровъ, и поклонись опъ души
моей нашему учителю. Если ты и не
согласенъ со мною въ мнѣнїи, по вѣрно
мое письмо тебя порадуетъ , ибо ты
въ немъ узнаешь, что я счастливъ.

В. Т.

16.

ПОРТРЕТЫ ЖИВОПИСЦЕВЪ.

Муза вводитъ юнаго художника въ портретную
залу.

Муза.

Спранспуй здѣсь съ внимательной душою,
Наслаждайся взглядомъ на великихъ,
Что любовью сердце наполняешь;
Видѣльши ихъ вѣчныя шворенья,
Здѣсь увидишь свѣшлыя ихъ лица!

Юноша.

Не знаю, что меня влечетъ!
Какъ сердце бьется
На встрѣчу сладкимъ, вдохновенныхъ взорамъ!
Но стыдно мнѣ! какъ вы меня смутили!
Вы всѣ на одного меня.
Свой важный взоръ шаинспвенно вперили.
Ахъ, сердце говоришь—вы мнѣ родные,
Но я васъ чуждъ!
О еслибъ кисъ! . . . съ какимъ бы я воспоргомъ,
Чудеснымъ свѣшомъ оживилъ
Высокія созданья мысли!
Но нѣтъ! едва, едва я смѣю

Взглянушь въ лице симъ праопцамъ великимъ.
 Я словно здѣсь въ справѣ духовъ небесныхъ;
 Чудесныя лучи опъ ихъ изображеній
 Воспламенили душу

И дремлющее, шрепешное чувсшво! . . .

Какъ назывался эпошъ спарецъ ,
 Который смопришь шакъ привѣшно,
 И полонъ вдохповенной думы,
 Онъ въ собсшвенномъ величїи почишь?

М у з а .

Сими длинными, драгими сѣдинами ,
 Чшо волною на браду спушились ,
 Былъ украшенъ мудрый живописецъ,
 Мой любимый, древній Леонардо,
 Основашель Флореншинской школы.

Ю н о ш а .

Вънецъ шому, чья смѣлая рука
 Безцѣнный образъ сохранила!
 Такъ, эшо онъ! его я вижу;
 Онъ мыслишь, онъ глубокой взоръ впериль
 Въ нербозримую природу,
 Онъ жаждешъ новаго познанья!
 Но кшо сей мужъ?

Снаружи шочно Леонардо ,
 Но глубже онъ проникъ въ свой духъ обильный!

М у з а .

Альбрехтъ Дюреръ: — о! никшо съ любовью
 Тамъ въ пусшыняхъ сѣвера далекихъ
 Не принесъ мяѣ сполько жерпѣвъ прекрасныхъ,
 Такъ не чшилъ меня съ моимъ искуссшвомъ;
 Онъ былъ просишь и крошокъ, какъ младенецъ.
 Всѣ въ него его изображенья.

Юноша.

Да, узнаю я внимательный прудъ,
 Святое смиренье великаго мужа,
 Безсмертную доблесшь пворящаго духа!
 Но назови скорѣе, кто сей грозный,
 Чей дикій взоръ приводитъ въ прелепъ душу,
 Какъ взглянешь на него?

Муза.

Имъ гордился свѣшлая опчизна:
 Эшо—перль Тосканы, удивленье
 Своего попомсшва, эшо мощный
 Михель Анжело Буонарошши.

Юноша.

А могучій! львиная въ немъ сила!
 Онъ играешъ ужасомъ великій.—
 Но куда влечешъ меня желавье?
 Все окресшь блуждаешъ взоръ несышый,
 Ищешъ, ищешъ, но нигдѣ не видишь.
 У кого чело горитъ воспоргомъ?
 Въ чьихъ глазахъ сама сіяешъ мудросшь?
 Вошь одинъ, вдали ошь всѣхъ, съ брадою,
 Вкругъ главы небесное сіянье:
 Вѣрно онъ—божешвенный Рафаэль!

Муза.

Эшошъ юноша былъ мой Рафаэль.

Юноша.

Эшошъ юноша? — О Боже!
 Кто узнаешъ пушь пшвой сокровенный!
 Кто проникнешъ въ чудеса искусствва!
 Эшимъ свѣшлымъ и невиннымъ взглядомъ

Онъ взиралъ въ своемъ пворящемъ духѣ
 На Хриса и Дѣву пресвяшую,
 На Апосшоловъ, на мудрыхъ міра,
 На кровавыя земныя бишвы!
 Онъ лѣшами будшо мнѣ ровесникъ.
 Онъ и въ играхъ, кажешся, все мыслишь;
 Но и въ мысляхъ, кажешся, играешъ.
 Онъ мнѣ близокъ . . . сердце по сказало.
 Нѣшъ, ни важносшь, ни высокой геній
 Передъ нимъ менябъ не удержали.
 Ябъ упалъ къ нему на грудь, заплакалъ,
 Зарыдалъ и съ радосши бы умеръ.
 Ахъ! онъ примешъ бѣднаго въ объашья;
 Онъ, какъ другъ, онъ ласково ушѣшишь
 Нѣжное взволнованное сердце
 Трепешнымъ воспоргомъ удивленья.
 Лучше плакашь, — лейшесь, лейшесь слезы!
 О! въ шебѣ, великій, возсіяло
 Чуднымъ свѣшомъ предъ сынами міра
 Горнее, небесное искусствво.

С. Ш.

II.

ОТРЫВКИ О МУЗЫКѢ.

1.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА Ю-
СИФА БЕРГЛИНГЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Часто, обративъ взоры на прошедшее, я съ наслажденіемъ собиралъ сокровища въ исторіи искусства минувшихъ спольпій; теперь мой духъ желаетъ остановитъ взглядъ на временахъ настоящихъ и разсмотрѣть жизнь одного художника, знакомаго мнѣ опъ самой ранней его юности, и моего искренняго друга. Ахъ, мой Юсифъ! къ несчастію ты скоро оплелъ опъ земли: не легко мнѣ найши другаго тебѣ подобнаго. Но я ищу опрады въ воспоминаніи, пробѣгу въ мысляхъ съ самага начала всю повѣспъ души твоей, также какъ ты самъ въ веселые часы подробно мнѣ

ее рассказывалъ, и съ такимъ же чувствомъ, какъ я понималъ себя, перескажу ее пѣмъ, копорымъ она принесеть наслажденіе.

Іосифъ Берглингеръ родился въ маленькомъ городкѣ Южной Германіи. Мать Іосифа цѣною жизни выкупила его рожденіе; отецъ, уже близкій къ старости, былъ Докторомъ Медицины. Нужда спѣснила жизнь его и счастье обратилось къ нему спиною. Жаркаго поща споило ему прокормить себя и шестерыхъ дѣшей (у Іосифа было пять сестеръ), и припомъ недоспавало въ домъ благоразумной хозяйки.

Отецъ Іосифа сначала имѣлъ доброе, открытое сердце; помощь, совѣтъ и милоспыня ближнему по силѣ и возможности, соспавляли всю радость его жизни; послѣ добраго дѣла онъ отдыхалъ лучше обыкновеннаго; долго, съ душевнымъ умиленіемъ благодаря Бога, могъ вкушать опъ благихъ плодовъ своего сердца, и прогашельныя чувствованія были любимую пищею души

его. Не лъзя безъ глубокаго благоговѣнія, безъ искренней любви взирать на завидную простоту сихъ душъ, копорыя въ невинныхъ изліяніяхъ сердца находятъ неисощимый, источникъ радости, и это наслажденіе соспавляетъ ихъ рай земной; оно примиряетъ ихъ съ міромъ и вѣрно липаетъ въ сердцѣ внутреннее самодовольствіе. Съ такимъ-то чувствомъ Іосифъ смотрѣлъ на родителя; — но Небо опредѣлило Іосифу стремиться къ чему-то высшему; онъ не доволенъ былъ однимъ здравіемъ души; трудъ и благодѣяніе, ея обыкновенныя земныя занятія, не удовлетворяли его порывамъ; Іосифъ хотѣлъ, чпобъ душа его ликовала въ воспоргѣ обильномъ и съ торжествомъ парила къ опчизнѣ своей — къ небу.

Другія занятія имѣли вліяніе на душу опца его. Онъ былъ врачъ прудолубивый, добросовѣстный; время жизни своей посвящаль изслѣдованію внутреннихъ пайнъ щѣла человѣческаго и съ удовольствіемъ предавался необъ-

япной наукѣ всѣхъ скорбныхъ недоспашковъ и болѣзней смершнаго. Эпашревностная забоша, какъ часто случается, превратилась въ скрыпный и мерпявщій ядъ, которій проникъ въ его внупренность и медленно снѣдалъ многія нѣжныя спруны сердца. Къ тому же присоединились несчастія бѣдности и дряхлыя лѣта. Все это мало по малу испребляло въ немъ первую кропость сердечную; такъ бываетъ съ душами слабыми: у нихъ движенія внупреннія сильно дѣйствуютъ на кровь и измѣняютъ составъ плесный такъ, что и сами онѣ не примѣчаютъ того.

Дѣти спараго врача возраспали, какъ терніе въ саду одичаломъ. Сестры Іосифа, съ болѣзненнымъ плеломъ и душою, вели жалкую, уединенную жизнь въ шемномъ углу плснаго жилища.

Сколь мало такому сѣмейству соопвѣспововаль Іосифъ, которій жилъ всегда въ мѣрѣ прелесшнаго воображенія и мечпаній небесныхъ! Душа его

подобилась нѣжному деревцу, между грубыхъ камней дѣвственно возрастающему изъ сѣмени, которое случайно заронила птица въ темныя развалины. Всегда тихій, одинокій, Иосифъ любилъ погружаться во внутренніе помыслы духа, и потому отецъ думалъ, что онъ не въ полномъ умѣ. Искренно любилъ Иосифъ родителей и сестеръ своихъ; но выше всего цѣнилъ сокровище внутреннее и отъ другихъ берегъ его въ тайнѣ. Такъ, часто хранимъ мы завѣтную драгоценность и ключа отъ нее никому не доверяемъ.

Отъ самыхъ раннихъ лѣтъ Музыка сославляла главное удовольствіе Иосифа. Онъ слышалъ иногда игру на клавиръ и самъ игралъ нѣсколько. Мало по малу, повторяя часто свое наслажденіе, онъ такъ образовалъ свои чувства, что всѣ онѣ были проникнуты звуками Музыки, и духъ его, очарованный симъ искусствомъ, любилъ носиться по темнымъ лабиринтамъ вдохновенія пищическогого.

Путешествіе въ шопъ городъ, гдѣ

жилъ Епископъ, сосоставляетъ главную эпоху въ жизни Иосифа; одинъ богатый его родственикъ, жительствовавшій въ этомъ городѣ, полюбилъ юношу и взялъ его на нѣсколько недѣль къ себѣ. Это рай былъ для Иосифа; какими разнообразными звуками очарованъ былъ духъ его и парилъ по этому міру, какъ мотылекъ по свободнымъ полямъ воздуха.

Преимущественно посѣщалъ онъ церкви и подъ высокими сводами храмовъ внималъ духовнымъ орапоріямъ, пѣснямъ и хорамъ, при громкихъ звукахъ трубъ и липавръ, и часпо, движимый благоговѣніемъ внутреннимъ, смиренно падалъ на колѣни. Прежде нежели раздавалась музыка, онъ среди неяснаго шопота и шума стѣсненной толпы народа, смотрѣлъ на обыкновенную жизнь людей, какъ на обширное торжище, опколѣ слышно было жужжаніе голосовъ нестройныхъ и прошиворѣчныхъ; пусные земные призраки шуманили свѣшлыя его мысли. Съ душою, полной ожиданія, ловилъ онъ

первое созвучіе — и лишь только оно изъ мершвой пишины, подобно дуновенію вѣпра, сильно и продолжительно раздавалось какъ будто съ неба, и всю силу звуковъ послѣдующихъ собирало надъ главою Іосифа; тогда мнилось ему, что душа его воскресается, что онъ восхищенъ изъ какой-то дикой пусыни, и темная облачная завѣса спадаетъ со взоровъ смершныхъ и что онъ возносится къ свѣсплому небу. Его пѣло было спокойно и неподвижно; глаза пригвождены къ землѣ. Исчезало передъ нимъ настоящее и земные призраки, подобно праху зашмѣвающие свѣсплоссть души, не омрачали ее болѣе; тихимъ прешпомъ наполняла музыка всѣ его чувства и съ каждымъ новымъ звукомъ являла ему новый отличныи ошъ прежняго образъ. Такъ, часно при торжественныхъ и высокихъ пѣснопніяхъ въ похвалу Севышнему, онъ въ свѣсплой мечтѣ созерцалъ Царя Давида, съ вѣнцемъ на главѣ, въ длинной одеждѣ Царской скачущаго передъ

ковчегомъ завѣща и поющаго во славу Божию; онъ видѣлъ и воспоргъ Царя и всѣ его движенія, и сильно бйлось сердце въ груди Иосифа. Тысячи дремавшихъ чувспвованій пробуждались въ ней и всѣ двигались какимъ-шо спройнымъ и чудеснымъ хоромъ. При многихъ звукахъ Музыки шаинспвейспвенный лучъ свѣща проникалъ въ душу Иосифа; ему казалось, что умъ его возвышался въ сію минушу и онъ съ груспью высокой и спокойной смопрѣлъ на міръ, шумящій вокругъ него.

Насладившись Музыкой и выходя изъ церкви, онъ чувспвовалъ себя и невиннѣе и благороднѣе. Все существо его еще пламенѣло опъ того духовнаго неспара, кошорымъ онъ ушился; другими глазами смопрѣлъ Иосифъ на мимоходящихъ. Случалось ли ему видѣшь, что два человекъ, вмѣспѣ расхаживая по гуляню, смѣялись или рассказывали другъ другу новости: это производило въ немъ прошивное душѣ впечатлѣніе. Внутренній голосъ говорилъ ему: живи всегда въ прекра-

сномъ очарованіи Поэзіи и цѣлая жизнь своя да будетъ гармоніей!

Когдаже онъ возвращался къ обѣду въ домъ своего родспвенника и принужденъ былъ дѣлать бѣсѣду съ общеспвомъ всегда веселымъ и шупливымъ, тогда могъ ли быть доволенъ Іосифъ, снова низринущій въ среду жизни прозаической, когда очарованіе его исчезло передъ нимъ, подобно блестящему облаку?

Во всѣ дни Іосифа душа его терзалась симъ прискорбнымъ несогласіемъ между врожденнымъ ея небеснымъ вдохновеніемъ и земнымъ учаспіемъ въ жизни каждаго человѣка, которое насильспвенно разрушаетъ наши мечпанія.

Посѣщая большіе концерпы, Іосифъ всегда садился въ уголь, не глядя на блестящее собраніе слушателей, и внималъ музыкѣ съ шѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и въ церкви, споль же спокойно и неподвижно, съ шѣми же взорами, успремленными въ землю.

Опть него не украдывался ни малѣйшій звукъ; подь конецъ Іосифъ, упомленнѣй сильнымъ вниманіемъ, сидѣлъ, какъ сонный. Душа, вѣчно движимая, похожа была на игру звуковъ; она, какъ будто опрѣшенная опть пѣла, парила по волѣ, или какъ будто пѣло его сливалось съ душою: — шакъ легко и свободно спановилось существо Іосифа, проникнутое звуками изящными, и всѣ легкіе изливы и переливы гармоніи опражались на нѣжной душѣ его. — Когда онъ слушалъ свои любимыя веселыя и полногласныя симфоніи, восхищающія душу, часно мечта рисовала передъ нимъ на свѣпломъ лугу рѣзвый хороводъ пляшущихъ дѣвъ и юношей; онъ видѣлъ, какъ прыгали они взадъ и впередъ, какъ выходя чешамаи опдѣльными, очами и знаками говорили другъ другу и снова перялись въ толпѣ веселой. Многія созвучія своею ясносью и выраженіемъ превращались для него въ слова; иногда дѣйсквіе звуковъ производило въ сердцѣ чудесное слянне груспи и

радости. Иосифъ гововъ былъ и пла-
 кашь и смѣялся. Какъ часпо на жиз-
 ненномъ пуши вспрѣчаемъ мы эпо
 ощущение! Ни одно искусство столь
 сильно, какъ Музыка, не можетъ его
 выразить. Съ какимъ воспоргомъ, съ
 какимъ удивленіемъ внималъ Иосифъ
 шворенію музыкальному, которое сна-
 чала, подобно ручью, звучить рѣзвой
 и веселой мелодіей; но мало по малу,
 незамѣпно и чудно, теченіе переливами
 болѣе и болѣе мрачными—и вдругъ из-
 ливается въ сильныхъ, громкихъ спе-
 наніяхъ, подобно потоку черезъ дикіе
 верхи скалъ бѣющему съ успрашаю-
 щимъ шумомъ. — Всѣ сіи разнообраз-
 ныя ощущенія рождали въ душѣ Иосифа
 согласныя съ ними чувственныя об-
 разы и новыя мысли: о чудесное до-
 стояніе Музыки! Сіе искусство тѣмъ
 сильнѣе на насъ дѣйствуетъ, тѣмъ
 скорѣе приводитъ во всеобщее волне-
 ніе всѣ силы нашего существа, чѣмъ
 языкъ его мрачнѣе и таинственнѣе.

Исчезли прекрасныя дни для Иосифа
 — и онъ долженъ былъ возврашиться

въ домъ опеческій. Какъ прискорбень
 былъ эпопъ, возвратъ! Сколь жалкимъ
 и униженнымъ казался онъ себѣ само-
 му посреди сѣмейства, вся жизнь коего
 заключалась въ одномъ грусномъ
 удовольствореніи необходимыхъ попре-
 бностей природы, подъ сѣнію отца,
 споль мало согласнаго со внутренни-
 ми его склонностями! Старый врачъ
 презиралъ и неавидѣлъ всѣ искусства,
 находя въ нихъ одно лишь повор-
 сство спрашямъ и желаніямъ, одно
 ласкапельство знашному свѣшу. Уже
 давно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ
 онъ на приспастіе Іосифа къ Музыкѣ
 и думалъ, что занятія симъ искусст-
 вомъ ничѣмъ не лучше праздности
 и доставляютъ одно наслажденіе
 чувственное. Чѣмъ болѣе сія любовь
 возраспала въ юношѣ, тѣмъ болѣе
 постояннымъ и спрогимъ усиліемъ
 спарался отецъ испребить въ сынѣ
 пагубнѣю охоту къ Музыкѣ и обра-
 щить его къ наукѣ врачебной, благо-
 дѣшельной и общеплезной для всего
 рода человѣческаго. Съ большими по-

печеніями онъ покушался самъ утвердить сына въ начальныхъ основаніяхъ и заставлялъ читать книги, для того нужныя.

Мучительно и жестоко было положеніе бѣднаго Іосифа. Онъ спѣснѣялъ въ груди своей тайный воспоргъ сердца, чтобъ не огорчить престарѣлаго отца, и хотѣлъ принудить себя къ изученію полезной науки. Но вѣчная борьба души не прекращалась. Десять разъ перечитывалъ онъ въ учебныхъ книгахъ одну страницу, не понимая того, что читалъ: его душа не преставала говорить звуками, а отецъ слишкомъ заботился о сынѣ.

Его пламенная любовь къ Музыкѣ болѣе и болѣе въ тишинѣ укрѣплялась. Если въ нѣсколько недѣль ни одинъ звукъ музыкальный не доходилъ до его слуха, душа спралада тяжкою болѣзнію; Іосифъ ощущалъ раздоръ во всѣхъ своихъ чувствахъ, пустошу внутреннюю и спраспное желаніе снова одушевить себя звуками. Тогда въ воскресный или церковный праздникъ самыя

обыкновенные музыканты игрою на духовыхъ инструментахъ могли внушитьъ Иосифу такія чувствованія, о какихъ сами они не имѣли понятія. Если случалось въ какомъ нибудь изъ городовъ сосѣдственныхъ слышать большой музыкальный концертъ, то ни сильный снѣгъ, ни дождь, ни буря не могли удержатъ пламеннаго Иосифа.

Почти каждый день съ прискорбіемъ приводилъ онъ на память веселое время, проведенное имъ въ резиденціи Епископа; снова раздавались въ душѣ звуки, тогда его поразившіе. Иосифъ любилъ часно повторять зашверженные имъ, просныя и прогательныя слова изъ первой духовной орапоріи, какую онъ слышалъ и которая глубокая произвела въ немъ впечатлѣніе:

Stabat mater dolorosa
 Juxta crucem lacrymosa,
 Dum pendebat filius:
 Cujus animam gementem,
 Contristantem et dolentem
 Pertransivit gladius.

O quam trislis et afflicta
 Fuit illa benedicta
 Mater unigeniti :
 Quae moerebat et dolebat
 Pia mater, cum videbat
 Nati poenas inclyti.

*

Quis est homo, qui non fleret,
 Christi matrem, si videret
 In tanto supplicio.
 Quis non potest contristari
 Piam matrem contemplari,
 Dolentem cum filio?

*

Pro peccatis suae gentis
 Vidit Jesum in tormentis
 Et flagellis subditum.
 Vidit suum dulcem natum,
 Morientem, desolatum,
 Dum emisit spiritum.

*

Eja mater! fons amoris,
 Me sentire vim doloris
 Fac, ut tecum lugeam.
 Fac, ut ardeat cor meum
 Ad amandum Christum Deum,
 Ut sibi complaceam.

*

Sancta mater istud agas,
 Crucifixi fige plagas
 Cordi meo valide:

**Tui nati vulnerati ,
 Tam dignati pro me pati,
 Poenas mecum divide.**

*

**Fac me vere tecum flere,
 Crucifixo condolere,
 Donec ego vixero.
 Juxta crucem tecum stare,
 Me libenter sociare
 In planctu desidero.**

*

**Virgo virginum praeclara,
 Mihi jam non sis amara,
 Fac me tecum plangere,
 Fac, ut portem Christi mortem,
 Passionis ejus sortem,
 Et plagas recolere.**

*

**Fac me plagis vulnerari,
 Cruce hac inebriari,
 Ob amorem filii.
 Inflammatus et accensus,
 Per te, virgo, sim defensus
 In die judicii.**

*

**Fac me cruce custodiri,
 Morte Christi praemuniri,
 Confoveri gratia.
 Quando corpus morietur,
 Fac ut animae donetur
 Paradisi gloria.**

Машь у крешнаго распяшья
 Къ Сыну горькія объашья
 Просширала — часъ наспалъ!
 Слезно родшая вопила:
 Смерть распятому вонзила
 Свой карающій кинжалъ,

*

О! съ какимъ же сокрушеньемъ
 Надъ возлюбленнымъ рожденьемъ
 Горько плакала Она!
 Сынъ Ея за злобу нашу
 Смерщи горешную чашу
 Испиваетъ всю до дна.

*

Кшобъ изъ насъ съ душою хладной,
 Видя жершву скорби жадной,
 Сердцемъ Ей не соспрадалъ?
 Кшобы, зря Ее въ кручинѣ,
 О возлюбленномъ, о Сынѣ
 Вмѣстѣ съ Ней не зарыдалъ?

*

Онъ поруганъ, обезславленъ,
 Всѣми въ горькій часъ оставленъ:
 Смерщи спонъ разишь Ей слухъ.
 Видишь Машь: ея рожденье
 Сносишь тяжкое презрѣнье,
 Испускаешь крошкій духъ.

*

Машь—Любовь! о жизнь и радость!
 Дай вкусишь мнѣ скорби сладость
 И позволъ рыдашь съ Тобой,

Возлюбишь Того любовью,
 Кшо Своей пролишой кровью
 Дароваль душѣ покой.

*

Машь надежды и шерпѣнья!
 Дай снесши мнѣ пѣжь мученья,
 Ошгони души боязнь:
 Да безъ шрепеша, безъ спраха,
 Презирая муки праха,
 Раздѣлю Хрісшову казнь.

*

О позволъ рыданьямъ грѣшнымъ
 Съ гласомъ скорби безупѣшнымъ
 Гласъ земнаго сердца слышь,
 Сшашь у крешнаго распяшья,
 Возопиль: враги мнѣ брашья —
 И враговъ благословишь.

*

Дѣва-Машь! Твой образъ ясной
 Оживиль въ душѣ несчастной
 Благодашнюю любовь;
 Подкрѣши въ благое время
 Смѣло свергнушь жизни бремя
 И пролишь земную кровь.

*

Дай спраданьемъ насладишься,
 Смершью сладкою упишься
 У подножія креша:
 Будь защитницею мнѣ, Дѣва,
 Ошь карающаго гнѣва
 Въ дець великаго суда.

Крестъ мнѣ будешь щипъ желанный,
 И когда на пиръ возванный,
 Въ упоеніи свяшомъ,
 Узы плѣнія разрушу:
 Обвѣчай съ распятымъ душу
 Подъ спрадальческимъ вѣнцомъ.

Но не горько ли? — Какъ часпо прерывались сіи вдохновенные часы, въ которые Іосифъ жилъ въ мечтахъ небесныхъ и упивался вниупреннымъ наслажденіемъ Музыки! То сеспры заводили споръ о новомъ плащѣ; по старшая изъ нихъ жаловалась на опца, что мало даешъ денегъ на хозяйсво; по спарикъ рассказывалъ о какомъ нибудъ спраждущемъ больномъ; по спучалась въ дверь нищая, согбенная спарушка въ рубищѣ и просила Хріста ради пуспитъ погрѣпья опъ зимней спужи. О! горькое, душу раздирающее чувсво, которое перзало погда Іосифа, ни съ какимъ въ мірѣ не можешъ сравнишья. Онъ думалъ: «Царь небесный! ужели міръ въ самомъ дѣлѣ таковъ, какъ онъ кажешя? Ужели эшо воля Твоя — и Тебѣ угодно,

Господи, чшобъ и я мѣшался въ толпу народа и бралъ участіе во всеобщемъ спраданіи? Да, мнѣ иногда такъ и думается: отецъ мой безпрестанно пвердишь о долгѣ и назначеніи чело-вѣка — участвовашь въ судьбѣ другихъ, подавашь совѣтъ и милосшыню, и цѣлишь мучительныя раны и тяжкія бользни! Но внутренній голосъ громко говоривъ мнѣ: нѣтъ, нѣтъ Іосифъ, пы рожденъ для высшей, для благо-роднѣйшей цѣли! «— Подобныя мысли долго терзали душу Іосифа, и онъ не зналъ, гдѣ найши прибѣжище; пре-жде нежели онъ находилъ его, нена-вистные образы, насильно увлекшіе Іосифа во прахъ земнаго міра, исчезал, облегчали душу, и она свободенная, снова въ свой чистый ээиръ возно-силась.

Болѣе и болѣе Іосифъ внѣренно убѣждался, что Богъ назначилъ ему сдѣлашься въ эшомъ мірѣ великимъ музыканшомъ; даже иногда льстила ему надежда, что небо для шого мрач-ными тучами бѣдности зашмило зарю,

чтобы послѣ живѣйшимъ свѣтомъ озарить день его жизни. Пускай иные сочтутъ разсказъ мой за романическій и невозможный вымыселъ, но я разскажу сущую правду: часто Іосифъ, раздумавшись въ своемъ уединеніи, по какому то внутреннему движенію сердца, внезапно падалъ на колѣни и теплымъ моленіемъ молилъ Бога, чтобы Онъ былъ ему путеводителемъ и помогъ содѣлаться художникомъ, угоднымъ и землѣ и Небу. Въ это время, когда вся кровь его, зажженная одною мыслію, сильно кипѣла въ сердцѣ, онъ изливалъ свои чувства въ небольшихъ стихопвореніяхъ, выражавшихъ или состояніе души его, или похвалу Музыкѣ, и съ какою младенческою радостью, съ какимъ чувствомъ онъ полагалъ ихъ на Музыку, еще не зная правилъ сочиненія! Слѣдующая молитва представляетъ опытъ такой пѣсни; здѣсь обращается Іосифъ къ св. Цециліи, которую почишаютъ покровительницею Музыки:

О Цецилія свяшая!
 Одинокій изнывая,
 Плачу горькою слезой.
 Зри — опъ міра удаленный
 И колѣнопреклоненный,
 Я молюся предъ шобой.

*

Звукъ опъ спрунъ швоихъ чудесный,
 Окриляешъ въ міръ небесный,
 Оспрываетъ опъ земли:
 Успокой смяшенье крови,
 Звукомъ пѣсень и любви
 Жажду сердца ушолы.

*

Силу дай рукъ безсильной
 Вызвашъ смѣло звукъ обильной
 И восшоргомъ оживи,
 Чшобъ смягчали спрунъ опшзывы
 Сердца гордые порывы
 Сладкой грустшю лобви.

*

Окриленъ шобой, воспряну
 И подъ сводомъ храма гряну,
 Въ чесшь шебѣ, шобой избраць,
 Гимнъ, молишвой вдохновенный:
 Да ликуешъ сонмъ смиренный
 Умиленныхъ Хрістіанъ!

*

Съ оживленными спрунами
 Дай мнѣ силу надъ сердцами,
 Съ шайны душъ покровъ сорви:

Чтобъ я могъ всевластнымъ духомъ
Цѣлый міръ наполнить звукомъ
Вдохновенья и любви.

Болѣе года терзался бѣдный Іосифъ въ своемъ уединеніи; долго мучительный замысль превожилъ его душу. Неодолимая сила влекла духъ Іосифа въ попь великолѣпный городъ, гдѣ для него скрывался рай земной; часъ опъ часу сильнѣе возгаралось въ немъ желаніе — изучить свое искусство. Обязанность сыновняя, какъ камень, давила сердце. Родитель замѣнилъ явное опклоненіе Іосифа опъ науки наслѣдственной, почти оставилъ его на произволь; а суровость нрава въ шарикѣ вмѣспѣ съ лѣпами увеличивалась. Время опъ времени онъ все менѣе занимался сыномъ. Однако въ Іосифѣ не погасало сыновнее чувство, а вмѣспѣ съ нимъ и вѣчная борьба со внупренней склонностью духа; но никогда недоспавало у него силы высказать опцу сердечную шайну. Цѣлые дни онъ мучился, взвѣшивалъ выгоды и обязанности; но не могъ оставить

мрачную бездну сомнѣній; не помогали и теплыя моленія души: почти замерло сердце Іосифа. Слѣдующія строки, найденныя мною въ бумагахъ его, изображаютъ по отчаянное, по мучительное состояніе, въ которомъ онъ тогда находился:

О не знаю, что меня съѣшь,
 Что мой духъ и давишь, и перзаешь,
 Словно я ось казни, иль ось грома
 Рвусь, бѣгу изъ ошческаго дома?
 Чѣмъ виновень, чѣмъ предъ Богомъ грѣшенъ
 И за что спрадаю безушѣшенъ?

*

Божій Сынъ! ужель Твоя ошрада
 Не смиришь бушующаго ада,
 Не пошлешь свяшаго ошкровенья
 Разогнашь души мои сомнѣнья,
 Не внушишь безумцу мысли здравой
 И спези мнѣ не укажешь правой?

*

О, спаси меня, любовь и сила!
 Иль вели землѣ, чшобъ поглотила,
 А не по я жершва чуждой власши:
 Увлекутъ меня слѣпыя спрасши,
 И швоей лишеныи благодаши,
 Убѣгу изъ ошческихъ объашій.

Спрахъ его увеличивался; желаніе бѣжать въ любезный городъ укрѣплялось. «Ужели, думалъ онъ, Небо мнѣ не поможетъ? Ужели не пошлетъ знаменія?» — Во время одной домашней размолвки, когда отецъ обошелся съ нимъ суровѣе обыкновеннаго и съ тѣхъ поръ во всемъ ему проповорѣчилъ, спрасъ Иосифа совершенно имъ овладѣла. Онъ рѣшился отвергнуть сомнѣнія и шрудности; Иосифъ не хотѣлъ разсуждать болѣе. Приблизалась свѣтлая недѣля; онъ намѣревался опспраздновать ее дома, а потомъ — пуспипься въ бѣлый свѣтъ.

Праздникъ миновался. Онъ выждалъ первое прекрасное утро, когда солнце очаровашельнымъ сіяніемъ, казалось, привлекало его къ побѣгу; рано вышелъ изъ дома, какъ и всегда случилось, но на этотъ разъ не возвратился по прежнему. Съ воспоргомъ, съ шрепещущимъ сердцемъ спѣшилъ по тѣснымъ улицамъ роднаго городка; душа въ немъ такъ была ясна, что онъ словно хотѣлъ воспаришь къ оп-

крышному небу мимо всего, его окружавшаго. Одна старая родспвенница, встрѣшивъ его на улицѣ, спросила: «Куда такъ скоро? Не на рынокъ ли за овощемъ?» — Да, да, вскричалъ разсѣянный Иосифъ, и радостью билось его сердце, когда онъ вышелъ за заставу.

Прошедши нѣсколько сажень, онъ оглянулся назадъ — и свѣпшыя слезы покапались изъ глазъ. Не воропипшься ли мнѣ? подумалъ онъ; но все удвоивалъ шаги, почно гнались за нимъ въ погоню; слезы не переспавали липсья, а онъ болѣе ускорялъ побѣгъ, словно хотѣлъ убѣжать отъ слезъ своихъ. Много незнакомыхъ сель и лицъ мелькнуло передъ его взорами: взгляды на чужую спорону придали ему новыя силы, онъ чувспвовалъ себя и крѣче и свободнѣе, — ближе и ближе подходилъ къ цѣли, и наконецъ — о небо! какой воспоргъ! — наконецъ увидѣлъ передъ собою башни возлюбленнаго города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Я возвращаюсь къ моему Иосифу; съ тѣхъ поръ, какъ мы его оставили, онъ уже нѣсколько лѣтъ въ резиденціи Епископа нашель мѣсно капельмейстера, и живеть въ кругу блестящемъ. Родственникъ Иосифа принялъ его благосклонно и былъ виновникомъ его счастья; далъ ему всѣ средства къ основательному изученію Музыки и мало по малу успокоилъ отца на счетъ поспука сыновняго, Иосифъ достигъ своей цѣли неутомимымъ прилѣжаніемъ, и наконецъ увидѣлъ себя на высокой вершинѣ неожиданнаго счастья.

Но время измѣняетъ всѣ предметы въ глазахъ нашихъ: то было и съ Иосифомъ. Однажды, послѣ того какъ онъ уже два года былъ капельмейстеромъ, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Почтенный отецъ!

«Горькая жизнь dospалась мнѣ на доло: чѣмъ болѣе пвы хочешь меня

упѣшишь, шѣмъ горше мнѣ спановишься.

«Когда приходятся мнѣ на память мечты моей юности—о, какъ я счастливъ былъ сими мечтами! Я думалъ, я хотѣлъ создать себѣ мѣръ фантазіи и полное сердце свое излилъ въ гармоническихъ звукахъ; но какъ тяжки, какъ несносны были первые годы моего ученія! Какъ горько мнѣ было, когда завѣса спала съ очей, и я увидѣлъ, что всѣ созвучія, даже шѣ, которыя производили во мнѣ чувствованія чудесныя и разнородныя, подчинялись одному строному и почному закону; когда вмѣсто того, чтобы лепетать свободно, я принужденъ былъ учиться ходить на помочахъ музыкальной азбуки! Прежде нежели могъ я изливать въ звукахъ свои чувства, сколько мученій мнѣ стоило произвестъ что нибудь согласное съ обыкновенными правилами моего искусства: — какъ несносенъ былъ этотъ механизмъ! Но такъ и быль; я имѣлъ довольно юношеской силы и надѣялся

на радостное будущее, надѣялся — и чтожь? Моя блистательная мечта осуществилась въ грустномъ настоящемъ.

«Какими райскими часами наслаждался я, еще бывши юношей, въ большой залъ концерта! Когда тихо и незамѣтно сидѣлъ я въ углу, очарованный великолѣпиемъ и поржесствомъ собранія, какъ пламенно желалось сердцу, чтобъ тѣже самые слушатели собрались нѣкогда внимать моимъ твореніямъ и мнѣ довѣрили свои чувства! — И нынѣ часто сижу я въ той же залѣ и свои уже произведенія разыгрываю; но на сердце у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, чтобъ это сборище, гордящееся своимъ золотомъ и богатствомъ одежды, съѣзжалось для того, чтобъ наслаждаться искусствомъ, воспалять свое сердце и всѣми чувствами жертвованъ художнику? — Если сіи же самыя души подъ сводами величественнаго храма на святыхъ празднествахъ въ то время, когда все

великое и прекрасное въ Религии и Искусствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуешь, если и тогда онѣ холодны, какъ ледъ, то имъ ли воспламеняться въ залѣ концертной? — Нѣтъ, прошла пора искусства, и вкусъ къ изящному вышелъ изъ моды; онѣ не приличенъ обыкновеніямъ свѣтскимъ: наслаждаешься произведеніемъ художественнымъ былобы также смѣшно и странно, какъ спихами говоришь въ помѣ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни доспапочно одной разсчепливой и для всѣхъ понятной прозы. И эпимъ по душамъ посвящаю я пворенія духа?—И для нихъ воспламеняюсь воспоргомъ, чпобъ заспавишь ихъ чувспвовать? Вопъ высокое по назначеніе, для котораго я почишалъ себя рожденнымъ!

«Когда какой нибудь судія вкуса, знающій по наслышкѣ чувспво изящнаго, вздумаешь хвалишь меня, разбираешь красопы моего искусства и предлагаешь мнѣ вопросы кришическіе, пакъ и рвешся у меня съ языка по-

просить его, чтобы онъ не слишкомъ спарался изъ книгъ научаться чувствоваться. Богъ знаетъ, что со мной дѣлается; но когда Музыка или другое искусство изящное меня восхищили, когда весь я полонъ наслажденіемъ, то какъ сильно хотѣлось бы мнѣ одною чертою изобразить на холстѣ мое чувство, еслибы краски могли его выразить! — Искусствомъ словеснымъ я не могу похвалиться; я въ немъ невѣжда.

«Конечно утѣшаетъ меня одна свѣплая мысль. Можетъ быть, долго, долго послѣ смерти моей, въ какой нибудь уголокъ Германіи судьба занесетъ одно изъ моихъ твореній, и оно попадетъ въ руки человѣку, въ котораго Небо вложило сочувствіе къ душѣ моей, и онъ въ ясныхъ звукахъ узнаетъ мою душу, отгадаетъ то, что я чувствовалъ во время творенія, пойметъ мысль, которую хотѣлъ выразить звукомъ. — О прекрасная мечта! На нѣсколько времени она можетъ пріятно очаровать меня.

«Но всего несноснѣе и ужаснѣе тѣ отношенія, которыми скованъ художникъ. Эта колкая зависть, ядовитая насмѣшка, мѣлочные обычаи, пропивныя вспрѣчи, подчиненность искусства желаніямъ двора, да нѣтъ, горько говоришь мнѣ объ этомъ: все это такъ недоспойно, такъ унижаетъ душу человѣческую, что я, право, слова не могу о томъ вымолвить. Мое искусство еще гораздо несчастнѣе тѣмъ, что попребно множество рукъ — исполнишь какое нибудь швореніе. Я пригопвляю, возвышаю духъ свой, дабы произвешъ высокое дѣйствіе; а сто безчувственныхъ, пустыхъ головъ пропворѣчатъ мнѣ въ желаніяхъ.

«Въ юности я думалъ избѣгнуть земной печали, и чтожь? — теперь пресмыкаюсь во прахъ. И не прискорбно ли челоуьку? — Какъ ни напрягаешъ онъ крылья души своей, все не опорвашъ ему опъ земли; она насильно влечешъ къ себѣ, и мы снова падаемъ въ среду обыкновенной черни.

«Жалкіе художники меня окружають. Самые благородные изъ нихъ слишкомъ ничтожны; они не знаютъ, куда двѣваться съ своею гордосцію, если публика согласно одобрила ихъ произведеніе. — Небесный Боже! Да не одолжены ли мы одной половиной заслугъ своихъ божественному началу Искусства, вѣчной Гармоніи природы, а другою — Творцу благодѣтельному, даровавшему намъ способъ пользоваться ея сокровищемъ? А разнообразныя звуки, возбуждающіе въ насъ тысячи разныхъ движеній, не всѣ ли они текутъ отъ единого, чудеснаго проезвучія, которое отъ самой вѣчности звучитъ въ природѣ? А чудесное сляніе сладости съ горестью, унылыя ощущенія, внушаемыя намъ непосильною силою Музыки, не есть ли таинственное дѣйствіе непреспанныхъ измѣненій *дура и моля*? Наконецъ, не должны ли мы пасть предъ Создателемъ? Не Онъ ли далъ намъ въ удѣлъ сіи звуки, въ копорыхъ отъ самаго начала скрыто сочувствіе съ душою

человѣческой? Не Онъ ли дароваль и власпъ сочешавашъ ихъ такъ , чпобъ они прогали сердце? — Слава искусству, но не художнику: онъ—одно слабое его орудіе.

«Ты видишь, чпо ревность и любовь моя къ Музыкѣ все шѣже. Пошому по я такъ и несчастливъ но нѣшъ, лучше замолчу, не буду огорчашъ себя рассказомъ всѣхъ прошиворѣчій, копорья вокругъ себя вижу. Довольно , я живу въ самомъ нечистомъ воздухѣ. Когда въ юности еще необманушой , въ шихомъ уединеніи я шолько чпо наслаждался искусствомъ, о сколь возвышеннѣе тогда была жизнь моя, не смотря на то , чпо теперь я приношу жертвы Музыкѣ среди ослѣпительнаго, блестящаго свѣша , среди богатыхъ одеждъ , звѣздъ и кресновъ , въ кругу людей просвѣщенныхъ! Знаешь ли, на чтобы я рѣшился? — Я бы сей часъ же промѣняль эпошъ образованный свѣпъ на хижину Альпійскую , убѣжалъ бы къ простому пасшуху Швейцаріи и вмѣ-

сшь съ нимъ радосино запль бы гор-
ную пьснь, наполняющую сердце слад-
кою шоской по опчизнй. . . .»

Изъ сего опривочнаго письма мо-
жно опчаспи видьпъ по соспоянйе,
въ кошоромъ находилсй Иосифъ. Среди
шума неспройной, пропиворьчной
шолпы онъ чувспшоваль свое одино-
чеспво; привыкши думать, что Ис-
кусспво для шого создано, чтобы
прогать сердце человекское, онъ съ
прискорбйемъ видль его униженйе,
когда оно силою своею не производило
ни въ комъ живаго впечатльнйя. Ча-
спо въ минушы раздумья опчаянйе
перзало его душу, и онъ думаль: «Что
за спранность въ Искусспвь? Ужели
я одинъ вижу въ немъ силу шайн-
спвенную, а всь прочйе люди — одно
наслажденйе чувспвенное и прйяпное
препровожденйе времени? Что же въ
самомъ дль еспь Искусспво, если для
всьхъ людей оно ничшожно и для од-
ного меня значпшь что нибудь? Ужь
не обманулсй ли я несчастною мыслйо,
не напрасно ли въ этомъ Искусспвь

поставилъ главную цѣль и занятіе жизни? Неужели воище я ждалъ прекрасныхъ плодовъ опъ высокаго дѣйствія Музыки на сердца человѣческія, и напрасно пожертвовалъ жизнію пому Искусству, которое въ обыкновенномъ земномъ мірѣ спойсь на ряду съ каршочной игрою и съ другими средствами убиваешь свое время?»

Когда приходили ему въ голову такія мысли, онъ считалъ себя великимъ мечпашелемъ и удивлялся, какъ могъ повѣрить мечпш, что нѣкогда онъ будетъ славнымъ для міра художникомъ. А въ инія минушы думалось Іосифу, что художникъ только себѣ и возвышенію своего духа долженъ посвящать воспорги внупренніе, и развѣ, развѣ одному или двумъ сущесвамъ, его понимающимъ. По моему мнѣнію, эта мысль весьма похожа на испину.

Но слишкомъ горьки мнѣ воспоминанія объ моемъ Іосифѣ, и пошому я вкращѣ разскажу оспальную жизнь его.

Такъ прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ должности капельмейстера. Все увѣряло его болѣе и болѣе, что онъ со всѣми глубокими чувствами, со внутреннимъ пламенемъ къ искусству менѣе полезенъ для міра, чѣмъ простой ремесленникъ — и могло ли не грустить сердце Іосифа? О! съ какимъ прискорбіемъ онъ припоминалъ чистые восторги своей юности, припоминалъ и родителея и тяжкія заботы его о томъ, чтобы въ наукѣ врачебной доставить сыну средство помогать въ скорбяхъ человѣчеству, изцѣлять недужныхъ и приносить пользу міру. Не лучше либъ это было? часто думалъ про себя Іосифъ.

Между тѣмъ дряхлая старость сокращала силы отца его. Іосифъ не переставалъ писать къ старшей сестрѣ своей и посылать ей деньги для вспоможенія отцу. Онъ никакъ не рѣшался самъ посѣпить его; не могъ скрѣпить сердце и побѣдить внутрен-

нее прецпяпспвіе. Грусть снѣдала душу и вмѣспѣ жизнь Іосифа.

Однажды въ залѣ собранія онъ разыгралъ свое новое прекрасное швореніе: въ первый разъ польспила ему дѣйспвительность, что онъ пронуль сердца слушателей. Всеобщее удивленіе, молчаливая похвала (гораздо болѣе громогласной льспящая художнику) порадовали его мыслію, что онъ на эпомъ разъ принесъ искусству доспойную жершву, и въ мигъ оживился духъ Іосифа. Въ восторгѣ идепъ онъ по улицѣ; вдругъ дѣвочка, бѣдно одѣшная, подбѣгаешъ къ нему и хочешъ говорипъ съ нимъ. Іосифъ оспановился, не знаетъ, что сказанъ, смоприпъ, восклицаетъ: Боже мой! и кого же узнаешъ въ эпомъ нищенскомъ рубищѣ? — меньшую сестру свою. Она пѣшкомъ прибѣжала изъ дома съ печальнымъ извѣспіемъ, что опецъ Іосифа лежипъ боленъ при смерти и передъ концемъ въ послѣдній разъ хочешъ бѣсѣдовапъ съ сыномъ. Все согласіе звуковъ снова разрушилось

въ груди его; какъ громомъ, онъ былъ оглушенъ эшой вѣстію, изготовился къ отъѣзду и поспѣшно пріѣхалъ на родину.

Не хочу описывать тѣхъ явленій, кошорыя происходили у смершнаго одра родительскаго. Да не подумаюшь только, чшобъ взаимныя изъясненія отца съ сыномъ были слишкомъ про-спранны или слезливы; они, не перяя многихъ словъ, внушренно понимали другъ друга: въ такихъ случаяхъ вла-стительная природа словно издѣвается надъ нами — въ послѣднія рѣшитель-ныя минушы люди въ первый разъ ясно понимающъ взаимныя чувспа. Но все окружавшее раздирало душу Иосифа. Сеспры его находились въ самомъ жалкомъ положеніи; двѣ изъ нихъ, предавшись жизни постыдной, убѣжали; старшая, получая деньги отъ брата, распочала ихъ, а старикъ пер-пѣлъ нужду; наконецъ въ глазахъ сына бѣдспвенно умиралъ родитель.— Ахъ! Это было ужасно! Сколько ранъ, сколько ударовъ смершныхъ для бѣд-

наго сердца Іосифа. Какъ могъ, пособилъ онъ сеспрамъ и возвратился въ свой городъ, куда призывали его занятія.

Приближалась святая недѣля; Іосифу должно было написать новую музыку на Спраданія Хрїстовы; соперники смотрѣли на это съ завистью. Но лишь только хотѣлъ онъ приниматься за работу, слезы ручьями капились изъ очей; онъ не зналъ, что дѣлать съ расперзаннымъ сердцемъ: судьба его низвергла и приковала къ земному праху. Наконецъ, собравши силы, онъ разорвалъ свои узы; вдохновенный желаніемъ пламеннымъ, воздѣлъ руки къ небу; высокая Поэзія слепѣла въ его душу и наполнила ее громкой, торжественной пѣснью: — объятый дивнымъ воспоргомъ, въ сильныхъ порывахъ сердца, онъ выразилъ въ звучныхъ мелодіяхъ всѣ скорби спраданія; онъ создалъ сію музыку, которая навѣки останется изящнѣйшимъ твореніемъ. Какъ недужный въ чудесномъ припадкѣ обнаруживается

большую силу, чѣмъ здравый: паковъ былъ духъ Іосифа въ это мгновеніе.

Когда же на свѣпломъ праздникѣ, въ сильномъ пламени и напряженіи духа, исполнилъ онъ во храмъ свою орапорію, успалось какъ будто его усыпила. Нервы ослабѣли; поминельный недугъ, подобно злой росѣ, палъ на все его шѣло; послѣ непродолжительной болѣзни Іосифъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ.

Горькими слезами починилъ я память усопшаго друга; спранныя чувствія волнуютъ мою душу, когда пробѣгаю жизнь Іосифа. Для чего угодно было Богу, чшобы непреспанное пропиво-рѣчіе между небеснымъ его воспоргомъ и земными бѣдспвіями на всѣ дни жизни низвергло его въ бездну несчастій, чшобы непримиримый разрывъ духа и шѣла вѣчно превожилъ земное бытіе его?

Пуши Провидѣнія неисповѣдимы; но не лзя не удивляться безконечному разнообразію геніевъ возвыщенныхъ,

копорыхъ Оно помазало въ жрецы Искусства.

Невинный другъ природы, Рафаэль, изобразилъ все небо въ геніальныхъ швореніяхъ; — Гвидо Рени, копорый вель кочевую жизнь игрока, шворилъ спокойныя и святшыя изображенія; — Альбрехтъ Дюреръ, простой мѣщанинъ Нюренбергскій, соединяя душу съ совершенствомъ механизма, живописалъ въ помѣ самомъ углу, гдѣ злая жена его ежедневно съ нимъ ссорилась; но оно всѣхъ опличенъ былъ Іосифъ, въ гармоническѣхъ швореніяхъ копораго скрывалась таинственная краса! —

Почему же сила высокой Фанпазіи должна была его похищать у міра? Скажу ли, что Іосифъ родился болѣе для того, чтобы наслаждаться изящнымъ, нежели шворить? — Можеть быть счастливѣе тѣ художники, въ копорыхъ Искусство дѣйствуетъ тайно и незамѣтно, подобно сокровенному Генію, и ему не мѣшающъ земныя занятія. Ужь не долженъ

ли челоѡкъ вѣчно воспорженный смѣло осуществляютъ внутренніе помыслы и въ земной своей жизни, если желаетъ быть художникомъ истиннымъ? Сія непоспимая, творческая сила не есть ли совсѣмъ иная, не выше ли она, чудеснѣе и божественнѣе силы Фанпазіи?

Геній Искусства оспіается для челоѡка вѣчною загадкою; умъ, желая проникнуть въ эту неисповѣдимую бездну, не сноситъ глубины ея; но сія тайна навсегда будетъ предметомъ высочайшаго удивленія, какъ и все великое въ нашемъ мірѣ.

С. III.

ОТРЫВКИ О МУЗЫКѢ,
изъ сочиненій Іосифа Берглингера.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Мой возлюбленный Іосифъ Берглингеръ, копорого жизнь мною шеперь предшавлена, написалъ нѣсколько размышленій о МузыкѢ во время своихъ учебныхъ занятій въ резиденціи Епископа; я намѣренъ присоединить ихъ къ своей книгѢ. Его мысли объ искусствѢ удивительно согласны съ моими; частыми взаимными изліянїями сердець мы внутренно сдружили свои чувства. Въ сихъ небольшихъ отрывкахъ, въ эсихъ мгновенныхъ, прекрасныхъ отзывахъ его души, мы съ радостію увидимъ по согласіе, копорого (какъ мы съ горькимъ уныніемъ замѣтили) недоставало въ его дѣйствительной жизни.

2.

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ О СИЛѢ МУЗЫКИ.

Воспокъ есть опчизна всего чудеснаго. Тамощнія мнѣнія, замѣчательныя вмѣстѣ по высокой своей древности и по простотѣ младенческой, часто представляющъ намъ таинственныя, спранныя намѣки и загадки, копорыя здравый разумъ доселѣ привыкъ опвергать, какъ себя недостойныя. Такъ на примѣръ, въ тамошнихъ пустыняхъ живутъ не рѣдко непонятныя люди, копорыя у насъ называющя сумасбродными, но тамъ бывающъ предметомъ всеобщаго почитанія, какъ существа природы высшей. Умъ восточныхъ жителей смотритъ на шаковыхъ юродивыхъ, какъ на чудесныя воплощенія высшихъ духовъ, копорыя изъ спранъ звѣднаго міра нечаянно заблудились

въ человѣческое плѣо и не умѣють примѣниться къ образу жизни человѣковъ. Но разумъ нашъ есть волшебный лакъ, котораго прикосновеніе по нашему произволу измѣняетъ видъ всякаго предмета.

Одинъ изъ сихъ чудныхъ людей нѣкогда жилъ въ уединенной пещерѣ, возлѣ которой спруилась пихая рѣчка. Никто не могъ сказать, какимъ образомъ онъ зашелъ туда; уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ онъ впервые былъ примѣченъ мимошедшимъ караваномъ, и съ того времени усердные поклонники не преспавали посѣщать его пустыннаго жилища.

Эпо неноспижимое существо день и ночь не имѣло покоя въ своемъ убѣжищѣ; непрестанно ему чудилось, что слышитъ шумное, неушомимо свершаемое обращеніе великаго *колеса времени*. Трескъ не позволялъ ему ничѣмъ заняться, ничего начать; во всегдашнемъ напряженіи необоримаго ужаса, онъ ничего не слышалъ и

не зрѣлъ кромѣ того, какимъ образомъ съ раскашамн и скоростію вихря все вновь обращалось огромное колесо, до звѣздъ и выше звѣздъ досягавшее. Подобно реву пысячи и пысячи попоковъ, съ высопы небесъ низвергающихся въ одномъ водопадѣ, вѣчно, безъ минушнаго успокоенія пекущихъ, гремѣло оно въ ушахъ его; къ нему влеклись неодолимо всѣ его чувспва; вспревоженный духъ все далѣе и глубже низрывался въ омушь неукропимаго смяпенія—опчасу сильнѣе капилнсь одинъ за другимъ однообразные звуки. Онъ былъ чуждъ покоя — и днемъ и ночью его видѣли въ напряженномъ движеніи, подобномъ движенію человѣка, съ прудомъ обращающаго огромное колесо. Изъ опрывиспыхъ, неправильныхъ его рѣчей понимали, что онъ чувспвовалъ неспреспанное влеченіе слѣдовать за колесомъ и всею крѣпостію шѣла спарался ускоришь ярый, подобно выспрѣлу быспрый оборотъ его, дабы время не пришло въ опасностъ, хотя

на мигъ оспановишься. Когда же его спрашивали : Что онъ дѣлаешь?— Несчастные! восклицалъ онъ въ недужномъ содроганіи, ужели вы не слышите, какъ шумитъ колесо времени? — и съ новою силою вращалъ и напрягался до того, что потъ его падалъ градомъ на землю; шупъ, онъ судорожно прикладывалъ руку къ бьющемуся сердцу, какъ бы желая увѣриться, что великая машина пребываетъ въ вѣчномъ своемъ движеніи. Онъ приходилъ въ бѣшенство, когда видѣлъ, что странники, его посѣщавшіе, или спокойно стоя, на него взирали, или ходя взадъ и впередъ, бѣсѣдовали между собою. Онъ дрожалъ отъ гнѣва и въ безмолвіи указывалъ на неудержимый оборотъ колеса, на шумно въ мѣрномъ полетѣ несущееся время; зубами скрежеталъ онъ, видя, что они не чувствуютъ и не примѣчаютъ ихъ самихъ увлекающаго орудія; онъ въ ярости далеко отъ себя отбрасывалъ того, кто неосторожно къ нему приближался, и для избѣжанія опасно-

спи попребно было подражать его насильственнымъ движеніямъ. Но гораздо необузданнѣе и гибельнѣе становилось его испущеніе, когда случалось кому нибудь вблизи его заняться плѣсною работою, и человекъ, его незнавшій, невзначай подходилъ къ его пещерѣ рубить деревья, или собирать травы сельныя. Сначала съ дикимъ хохотомъ смѣялся онъ тому, что при свирѣпомъ прескѣ каплящагося времени могли еще думать о ничтожныхъ житейскихъ попребностяхъ; потомъ, какъ лютой звѣрь вырывался изъ своей пещеры, и если успѣвалъ съ одного скачка достигнуть несчастнаго, то однимъ ударомъ повергалъ его мертваго на землю—спремглавъ бросался снова въ свою пещеру и вращалъ колесо времени еще сильнѣе прежняго. Но ярость его не скоро укрощалась, и долго въ опрывисныхъ рѣчахъ онъ самъ у себя спрашивалъ: какъ могли люди предаваться чему либо поспорожнему, и безъ *размѣра* дѣйствовать?

Ему было невозможно пропянуть руки къ предмету, дабы взять его, ни же спустить ногою произвольно, подобно другимъ людямъ; тайный шепель пролепалъ по всѣмъ его нервамъ, какъ скоро онъ испытывалъ пресѣчь безпамятное круженіе. Изрѣдка лишь въ прелестную ночь, когда полная луна невзначай спановилась напрошивъ опверзтія его сумрачной пещеры, — онъ внезапно приходилъ въ себя, падалъ на землю, мешался и вопилъ опъ опчаянія; онъ горько плакалъ, подобно младенцу о помъ, что расказы могучаго колеса времени лишали его свободы дѣйствовать и сподвизаться на землѣ, шрудиться и шворить. Онъ въ сіи минуны чувствовалъ унылое влеченіе къ невѣдомымъ очаровательнымъ предметамъ; спарался разогнуть себя и привести руки и ноги въ шихое, спокойное движеніе — но шщепно! искалъ чего-то *невѣдомаго*, и вмѣстѣ *опредѣленнаго*, въ чемъ бы могъ найти опору и успокоеніе; внѣ и внутри себя искалъ

спаспись опъ самага себя—но щетно! плачь его и опчаяніе достигали высшей степени; онъ съ громогласнымъ воплемъ поднимался опъ земли, и снова начиналъ вращать колесо многошумное. Такое соспояніе день и ночь продолжалось многіе годы.

Однажды въ прелеспную, лѣпную ночь, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, испуленый по прежнему лежалъ на полу своей пещеры, слезный и опчаянный. Ночь была несравненная: звѣзды блискали на шверди темно-голубой, какъ золотыя украшенія на проспранномъ, осѣняющемъ щипѣ; и съ свѣпныхъ ланишъ полнаго мѣсяца проливалось кропкое сіяніе, коего лучи освѣжали зеленѣющую землю. Въ семъ очарованномъ мерданіи лиспвія деревъ, подобно облакамъ, колебались надъ ихъ стеблями, и жилища смерпныхъ вдали подобны были каменнымъ ушесамъ, или прозрачнымъ шеремамъ чародѣевъ. Люди, не ослѣпляемые болѣе свѣпомъ солнечнымъ, взорами жили

на шверди небесной, и спокойныя ихъ души весело любовались собою въ спокойномъ сіяніи ночи.

Чета любовниковъ, желавшая предаться чудесному вліянію уединенія ночнаго, погда скользила въ легкомъ челнокѣ по струямъ рѣки, прошекавшей близъ пещеры испуцленнаго. Живопворящій лучъ мѣсяца распвориль и освѣпилъ любящія души въ сокровеннѣйшихъ глубинахъ ихъ: нѣжнѣйшія чувспвованія, пиho въ нихъ волнуясь, разливались соединенныя въ безбрежномъ попокѣ созерцанія. Ээирная музыка, подобно жерпвенному куренію, восходила въ пространство небесъ изъ челнока: сладкозвучныя роги, соединясь съ волшебными струнами невѣдомыхъ арфъ, наружу вызывали цѣлый міръ колеблющихся звуковъ, среди копорыхъ вяшно было слѣдующее пѣніе:

Тихій шрепешъ ожиданья
По полямъ и по волнамъ:
Въ блескъ луннаго сіянья —
Сладко вѣжишься мечшамъ!

Плещеть и бьещь волна за волною,
Небо въ нихъ свѣщипть звѣздной дугою.

*

Въ висошахъ, во влагѣ бездны
Звѣзды намъ любовь зажгла;
Безъ любви и круги звѣздны
Поглошилабъ ночи мгла:
Ясной любовью дѣшямъ природы —
Намъ улыгнулись небо и воды.

*

Свѣщъ почиль на нивахъ шучныхъ,
Пальмы дремлющъ сладкимъ сномъ,
Пѣснь любви въ ошзывахъ звучныхъ
Пронеслась въ лѣсу гуспомъ:
И возвѣснило сладкое пѣнье
Прелесщъ любви и наслажденье (*).

— Съ первымъ музыкальнымъ звукомъ шумящее колесо времени пропало предъ очами опшельника (по были первые звуки, занесенные въ сію пустыню); усмирилось невѣдомое влеченіе, — *огарованіе разрушено*, заблудившійся Геній освобожденъ изъ земной своей оболочки. Исчезъ шаинспвенный пустынный; чистый образъ небснаго Ангела, какъ бы изъ легкаго благоуханія сопканный, въ пихомъ

(*) С. III.

пареніи возлешалъ изъ пещеры; онъ спраспно простираалъ объятія къ высокому небу, и равномерно колеблясь по нѣжному звуку пѣній и роговъ, съ нимъ вмѣстѣ опъ земли возносился;— по временамъ оспанавливался ликъ на бѣлыхъ облакахъ, копорыя плавали разсыянныя по воздуху, и въ мѣрныхъ движеніяхъ изъявлялъ небесную радость; все выше парилъ онъ, и уже облешалъ вѣющимъ пущемъ круги звѣздныя: тогда зазвучали звѣзды, и свѣшлый, небесный звукъ раздавался въ пространствѣ воздушномъ, покуда Геній не исчезъ въ безпредѣльномъ зданіи міра.

Проходившіе караваны дивились ночному чудесному видѣнію, а любовники думали, что Геній любви и музыки предспавился ихъ взорамъ.

В. Т.

3.

ЧУДЕСА МУЗЫКИ.

Когда съ внутренней радостью внимаю, какъ рядъ изящныхъ звуковъ вдругъ свободно испоргается изъ нѣдра пишины, и воспаряя къ небу, подобно жерпвенному куренію, носится въ воздухѣ, дабы снова спустилась на землю: — всякій разъ раждаюпся во мнѣ и наполняютъ душу мою споль разнообразныя, прелестныя картины, что я не помню себя опъ восторга. — То вижу въ музыкѣ Феникса, который легко и опважно возлешаетъ, полный радости, и въ свободномъ наслажденіи гордо паритъ, полешомъ радуя боговъ и человекъ. — То представляется мнѣ Музыка младенцемъ, во гробѣ почивающимъ; одинъ румяный лучъ денницы, посланникъ Неба, шихо пріемлетъ его душу, и переноситъ въ

надзвѣздный эфиръ, гдѣ она, упоенная златой росой вѣчности, обнимаетъ идеалы возвышенныхъ человѣческихъ мечпаній. Иногда—какое восхищительное обиліе карпинъ!— иногда для меня Музыка — полный образъ нашей жизни — быстрая, плѣнительная радость: она, родясь изъ ничего, въ ничто и возвращается, по вспыхнешь невзначай, по опять погаснешь; — иногда же веселый, зеленый оспровокъ, при сіяніи солнца оглашаемый пѣніемъ и звуками на мрачныхъ волнахъ неизслѣднаго океана.

Спросите музыканта, опъ чего онъ такъ сердечно весель, ударяя по струнамъ своимъ. Онъ скажетъ: и вся жизнь наша не по ли, что прекрасный сонъ,—мгновенный проблескъ на небѣ? Такъ и мое искусство.

О какое невинное, прогапельное наслажденіе—въ звукахъ, въ чиспыхъ звукахъ! какая младенческая радость! Пусть другіе оглушаютъ себя безпокойной заботой, и закружась въ вихрь разспроенныхъ мыслей, какъ въ

роѣ ночныхъ пшицъ и злыхъ насѣкомыхъ, падаюшъ безъ чувсва на землю; — я погружаюсь въ свяшой, прохладный испочникъ звуковъ, и цѣлительная его богиня вливаешъ въ меня прежнюю невинность младенчесва; я смопрю на весь мiръ свѣжими взорами, и весь разрѣшаюсь во всеобщее радостное согласіе. — Пусшь другіе ссорятся за мечпы своего разума; пусшь перяюшя въ жалкой игрѣ остроумія, или въ одиночесвѣ плодятъ свои уродливыя вымыслы, копорые, какъ шъ ланники баснословія, сами себя пожираюшъ опъ опчаяніл: — я опврацаю взоръ опъ всей превоги мiра, — и шихо переносусь въ спрану Музыки, въ это *Царство эфирное*, гдѣ всѣ сомнѣнія и скорби исчезаютъ въ безпредѣльномъ морѣ звуковъ, гдѣ не слышно людскихъ воздыханій, гдѣ не кружипся голова въ безднѣ словъ разнорзычныхъ, въ смѣси буквъ и безобразныхъ іероглифовъ, — но гдѣ все помленіе сердечное изцѣляется легкимъ, словно волшебнымъ прикаса-

ніемъ. — Но вы спросите: какъ? — развѣ памъ разрѣшаютъ все вопросы? развѣ памъ онкрышы тайнства великія? — Нѣтъ! вмѣсто всехъ опвѣновъ и онкровеній, намъ показуютъ воздушныя, облачныя видѣнія, взгляды на копорыя даетъ сердцу тайную опраду; смѣло и увѣренно мы спранспвуемъ по невѣдомой спранѣ, съ онкрышыми объашіями вспрѣчаемъ, какъ друзей, духовъ незнакомыхъ; исчезаешъ передъ нами весь непоспижный мракъ души, эпощъ недугъ человѣческаго рода, — и духъ нашъ изцѣляется созерцаніемъ чудесъ еще болѣе непоняшныхъ и возвышенныхъ. Тогда человекъ невольно скажетъ самому себѣ: «Вопъ о чемъ я всегда думалъ! Наконецъ я нашель эшо! теперь веселись, радуйся душа моя!»

Пуспъ надъ эшимъ смѣюшся, издѣвающся люди, копорые въ пряской колесницѣ мчашся по дорогѣ жизни, не зная, что сердце человѣческое — пріюшъ священнаго покоя. Пуспай они гордяшся своей суешою и дума-

юпъ править браздами цѣлой вселенной. Придепъ время, и успыдѣяся своей немощи.

Блаженъ, кто, между шѣмъ, какъ невѣрная земля зыблется подъ его снопами, можетъ, сохранивъ свѣтлость души, спастись въ странѣ воздушныхъ звуковъ, и по волѣ ихъ, по тихо покоипься, по бодро парить вмѣстѣ съ ними и въ сладкихъ забавахъ находишь забвеніе своихъ горестей!

Блаженъ, кто, упомясь мѣлочнымъ ремесломъ утонченнаго мыслишеля, — предается шихимъ, но могучимъ порывамъ вождельнїя, которое, расширя духъ, влечетъ его къ *Vbrb истинной*. Таковъ единый путь ко всемирной, всеобъемлющей любви; сія любовь одна приобщаетъ насъ къ блаженству безсмертія. Вотъ въ какомъ образѣ я представляю себѣ Музыку. Многіе почнутъ его суешною мечшою, но онъ для меня лучшій и чудеснѣйшій.

Но изъ какой же магической курильницы восходитъ сей паръ, образу-

щій блестящія видѣнія духовъ? — Смотрию, — но не вижу ничего, кромѣ жалкаго сплешенія мерпвыхъ знаковъ, оживляемыхъ на кускѣ просверленнаго дерева, или на спанкѣ, обтянутомъ ничпожными спрунами. Все это такъ чудно: не лзя не повѣришь, что невидимая арфа Божія опзывается нашимъ звукамъ, и вливаетъ небесную силу въ бездушныя спруны.

И какъ удалось челоуѣку дивнымъ помысломъ испоргнути звукъ изъ дерева или мѣди? Какъ онъ изобрѣлъ сіе безцѣнное искусство? — Это споль чудесно и примѣчательно, что я намѣренъ изложити повѣсть сего изобрѣшенія, какъ я себѣ ее предспавляю.

Челоуѣкъ выходити на свѣтъ существомъ невиннымъ. Еще въ колыбели сонмъ незримыхъ Ангеловъ-хранителей пипаети и лелѣети слабый духъ нашъ, упражняя его въ различныхъ искусствахъ. Такъ мало по малу мы научаемся улыбкою — радоватися, слезами — грустити, вниманіемъ — благоговѣти передъ возвышеннымъ. Но

если въ дѣйствѣ мы не умѣемъ обходиться съ игрушками: по шѣмъ менѣе съ предметами сердца, и попому въ этой школѣ чувствованій мы все мѣшаемъ безъ разбора.

Пришедъ въ лѣта, мы навѣваемъ прилично распредѣлять чувства скорби и веселія, и находимъ въ нихъ пищу душевную. Правда, сіи чувства одно случайное явленіе въ кругу нашей дѣйствительной жизни,—но онѣ такъ для насъ милы, что мы любимъ, очистивъ ихъ отъ праха земнаго бышя, развивать свободно и ввѣрять опрадному воспоминанію. Сіи чувства часто возникаютъ изъ глубины сердца въ такомъ величій и силѣ, что мы заключаемъ ихъ, какъ останки святыхъ, въ драгоценные ковчеги и въ восторгѣ преклоня предъ ними колѣна, не знаемъ, ушѣлишь ли собственнымъ сердцемъ или благоговѣшь предъ Творцемъ всего великаго и благосшнаго?

Къ сохраненію сихъ чувствованій люди изобрѣли различные способы:

опсюда всѣ изящныя Искусства. Между ними Музыка естъ изобрѣшеніе дивное: она выражаесть наши земныя чувствія неземнымъ образомъ, — она, облакая ихъ въ свѣплую одежду воздушныхъ созвучій, горѣ показуесть намъ всѣ движенія души въ видѣ безплесномъ, — ибо говоришь языкомъ, невнятнымъ въ обыкновенной жизни, кошорому, мы сами не знаемъ, гдѣ и когда научились, — языкомъ самихъ небожипелей.

Она — то единое искусство, кошорое сводитъ всѣ противорѣчныя движенія души на однѣ стройныя созвучія, коими живописуесть и радость и скорбь, и опчаяніе и благоговѣніе. Она даесть сердцу истинное веселіе, сей драгоценнѣйшій перлъ человѣческаго бытія. Я разумью то свѣплое состояніе души, когда все въ природѣ для насъ естеспвенно, истинно, прекрасно, когда въ самыхъ дикихъ порывахъ человѣка находимъ связь и порядокъ, — когда мы роднимся со всѣмъ живущимъ и взорами младенцевъ смо-

примь на мръ, какъ будто сквозь сумракъ пріятнаго сновидѣнія.

Когда я въ блаженной проспотѣ сердца подь вольнымъ небомъ спою предь лицемъ Божіимъ, между тѣмъ какъ злапые лучи солнца осіявають надо мною необозримый сводъ лазури и злачная земля вокругъ улыбаешся — о! тогда паду ниць, и въ восторгѣ громогласно хвалю Небо за всѣ Его благоспш. — — Вопшь идешь мимо художникъ. Онъ взглянулъ на меня; мечта взволновала его сердце, онъ безмолвно спъшишь домой, пламенно изливаешъ вдохновенное сочувствіе въ безжизненные струны, и свяпо хранишь его на помъ неизглаголанномъ языкѣ невѣдомой опчизны, который проникаешъ во глубины сердца.

Когда тоскую объ упрашѣ любимаго брата и со слезами изъ тѣснаго угла вопрошаю у звѣздъ: кпо меня несчастнѣе? а за мною между тѣмъ споишь насмѣшливая будущность и улыбаешся скоропреходящей груспш человека, — тогда шворецъ звуковъ,

взволнованный взглядомъ на мое опчаяніе, свободно изливаешъ въ нихъ изящную грусть, радостью и любовью умѣешъ украшать уныніе человеческое и великимъ твореніемъ потрясаешъ міръ земной. А я, — давно опвыкши опъ птяжкой скорби по усопшемъ, внезапно слышу пѣснь оплещѣвшей печали, и тогда, какъ младенецъ, не нарадуюсь на свое сердце, столь чудесно прославленное, и пишаю, обогащаю душу симъ дивнымъ твореніемъ.

Но когда Ангелы съ высоты небесъ взираюпъ на сію плѣнительную забаву, копорую мы величаемъ именемъ Искусства, — они вѣрно съ гореспною улыбкой видяпъ младенческое племя земное и невинныя его усилія — искусствомъ возвысипъ плѣнное бытіе свое до небеснаго.

Н. М.

4.

**О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ ИСКУССТВА,
и въ особенності Церковной Музыки.**

Всегда удивляюшь меня тѣ люди, которые, выдавал себя за любителей и знашковыхъ Поэзіи, или Музыки, или другихъ Искусствъ изящныхъ, постоянно придерживаются произведеній *одного* рода, *одной* краски, а опъ всего другаго онвращаюшь взоры. Хотя сами художники большею частію такъ бываюшь созданы природою, что каѳая нибудь исключительная область искусства служимъ имъ какъ бы опчизною, и они только на ея родной землѣ чувствуюшь въ себѣ силу и рѣшимость самимъ сѣять и расшишь; но для меня все непоспимимо, какимъ образомъ истинная любовь къ Искусству можетъ не любить всѣхъ его вершогравовъ и не

почерпнуть изо всѣхъ родниковъ изящнаго. Ни одинъ смертный не родился съ половиною душою! хощя и правда, — съ прудомъ рѣшаюсь вымолвить подобный укоръ всеблагой природѣ, — что многіе изъ людей нашего вѣка одарены, кажется, споль скуднымъ пламенемъ любви, что они весь запасъ ея распочаюшъ на одинъ родъ произведеній. Они даже гордятся своею нищетою; ошъ легкомыслія безпечнаго забываютъ пріучать свой умъ къ изученію красотъ инаго рода; и къ довершенію невѣжества, заключась въ тѣсный кругъ любимыхъ ими произведеній, величаются своимъ поспоянствомъ, и думаютъ цѣнить ихъ тѣмъ безкорыстнѣе и чище, чѣмъ болѣе презираютъ все съ ними несходное. Такъ на примѣръ, видимъ нерѣдко, что нѣкоторые люди хощатъ находить удовольствіе только въ веселыхъ и комическихъ предметахъ, другіе только въ важныхъ и прагматическихъ. Но безпристрастно разсматривая картину сего міра, я нахожу, что судьба

одною чертою можешъ изобразить и веселую и прогашельную сцену въ душѣ человѣческой. Потому мнѣ кажешся естественнымъ и въ мѣрѣ искусствва добровольно повѣряшь и себя и все существо свое правящему въ ономъ Промыслу. Разорвавъ всѣ привязи, я плыву на распущенныхъ вѣприлахъ по открытому морю сердечнаго чувствва и охотно выхожу на берегъ, куда бы ни примчало меня вѣющее свыше небесное дыханіе.

Если бы кто вздумалъ предложить вопросъ: пріятнѣль сидѣшь зимою въ теплой комнашѣ, при свѣчахъ, въ веселомъ кругу друзей, или одинокому съ высокой горы зришь на игру солнца по роскошнымъ нивамъ: чпó бы ошвѣчашъ ему? Въ чьей груди бьешся сердце, знающее цѣну минушамъ восторга; пошъ вѣрно съ восхищеніемъ вспрѣшишь каждый мигъ прекрасный, если онъ возбуждаешъ въ сердцѣ его святой прешъ блаженствва.

Истинный образецъ сему я вижу въ тѣхъ блаженныхъ смершныхъ, копо-

рыхъ Небо избрало къ служенію церковному и къ пастырскому сану. Имъ въ завидную обязанность поспавляется дѣло (на которое всѣ прочіе люди не имѣють достапочнаго времени, ибо многообразенъ и богатъ міръ, созданный Богомъ): дѣло неуклоннаго созерцанія Всеизждителя. Въ душу пастыря сливаются молитвы и благодаренія всѣхъ окружающихъ существъ, какъ малѣйшіе ручьи, въ попокъ единый, непрерывно проливающийся въ море вѣчности: пастырь во всѣхъ случаяхъ жизни находить поводы прекрасные чинить своего Бога и благодарить Его; онъ на каждомъ мѣстѣ возвышаетъ алтари Всевышнему, и его просвѣплѣвшимъ взорамъ свѣтитъ дивный ликъ Творца изо всѣхъ искаженныхъ образовъ низменнаго міра. Таковымъ, думаю я — (величіе Искусства увлекло меня въ сіе дерзкое сравненіе) — таковымъ долженъ быть и поэтъ чловѣкъ, который съ чистымъ сердцемъ восхотѣлъ бы преклониться

предъ Искусствомъ, и принесеть ему жершвы вѣчной, безпредѣльной любви.

Въ помъ божеспвенномъ Искусствѣ, которое Небо при моемъ рожденіи благоволило ниспослать мнѣ (за что, доколь живъ, благодарить Его не прешану), со мною по обыкновению случалось, что родъ Музыки, который я слушаю, кажется мнѣ всегда первымъ и превосходиѣйшимъ, и заспавляетъ забыть всѣ другіе роды. Я думаю, что испинное наслажденіе изящнымъ, неложный признакъ красоты шворенія—то, когда мы за нимъ однимъ забываемъ о всѣхъ прочихъ, и въ мысль намъ не приходитъ сравнивать его съ другими произведеніями. Вопшь почему я съ равнымъ воспоргомъ наслаждаюсь самыми несходными родами Музыки, на примѣръ плясовой и духовной; хопя долженъ признапьясь, что шворческая сила души моей болѣе склонна къ послѣдней и ею ограничена, почему и занимаюсь особенно симъ родомъ Музыки. Исключитель-

но о немъ скажу здѣсь вкратцѣ свое мнѣніе.

Если о духовной Музыкѣ судить по ея предмету, то безъ сомнѣнія она есть родъ высшій и благороднѣйшій; такъ почто въ Живописи и Поэзій, священные предметы въ семь же отношеніи должны для чело-вѣка казаться важнѣйшими. Восхитительно взиратъ, какъ сіи три Искусства, осядая съ прехъ различныхъ споронъ надзвѣздную твердыню, въ отважномъ соревнованіи между собою соспязуются о томъ, которое ближе приступитъ къ Престолу Господню. Но вѣрно премудрая Муза Поэзій, а наиболѣе спокойная и важная Муза живописанія, отдадутъ преимущество отвагѣ и смѣлоспи въ хваленіи Всевышняго преръей сестрѣ своей: она о предметахъ небесныхъ дерзаетъ выражаться на нѣкомъ чуждомъ, необъяснимомъ нарѣчій, въ громкихъ звукахъ, въ сильномъ движеніи, соединяя сонмы живыхъ существъ въ единую гармонию.

Но и сія священная Муза не всегда однообразно говоришь о небесномъ, но любилъ запрошивъ хвалишь Бога въ пріемахъ несчетно разнообразныхъ; и мнѣ кажется, что всякій родъ Церковной Музыки, когда только постигнемъ его истинное значеніе, долженъ служить бальзамомъ для сердца человѣческаго.

То льется пѣснопѣніе въ живыхъ, веселыхъ звукахъ, и увлекаясь или проспѣвывая, ясными, или иногда красивыми созвучіями въ несчетные, пѣлишьные переливы гармоніи, славишь Бога, подобно какъ дѣти лепечуть нѣжный привѣтъ милому родителю въ день его Ангела, — и доволенъ отецъ, если онъ, съ младенческимъ, невиннымъ веселіемъ выражая чувство благодарности, вмѣстѣ обнаруживаютъ первый опытъ своего искусства. — Сей родъ Церковной Музыки прекрасно выражаетъ характеръ тѣхъ людей, которые живыми, искусными рѣчами не перестаютъ славишь величіе Божіе, и съ удивлені-

емъ и сердечной улыбкой радуются, что Господь такъ силенъ передъ ними. Нѣтъ для нихъ другаго возвышенія души, кромѣ говорливаго веселія; въ простотѣ сердца они не знаютъ другаго и лучшаго языка для восхваленія Бога, какъ языкъ, какимъ изъявляютъ благодарность земнымъ своимъ покровителямъ, и ихъ не затрудняетъ переходъ отъ мѣлочныхъ удовольствій жизни къ возвышеннымъ мыслямъ объ Оцѣ всего сущаго. — Сей родъ церковной Музыки самый употребительный и любимый, ибо онъ выражаетъ чувства большей части человѣчества.

Другой болѣе возвышенный родъ приличенъ только немногимъ избраннымъ гениямъ. Они, одаренные высшими взорами, видятъ въ искусствѣ не одну простую задачу — изъ данныхъ звуковъ составить правильное стройное зданіе, и не въ этомъ высочайшая цѣль ихъ искусства: — они движутъ огромными составами звуковъ, и какъ чудесными красками, живописуютъ

ими слуху все великое, возвышенное и божественное. Они почишаютъ недостойнымъ возвѣщаютъ славу Творца на легкихъ порхающихъ крыльяхъ дѣпской радости, подобно мопыльку; но какъ орелъ, разсѣкаютъ воздухъ широкимъ, мощнымъ полетомъ. Они располагаютъ звуки не такъ какъ цвѣпы на правильныхъ грядкахъ, гдѣ мы удивляемся одной искусной рукѣ садовника; нѣтъ, — они шворятъ огромныя вышины и долины, осѣненные священными пальмами, вмѣстѣ съ копорыми наши мысли возносятся къ небу. — Сія Музыка распинается въ могучихъ, медленныхъ, горделивыхъ звукахъ, приводитъ душу въ дѣпельное напряженіе; раждается въ насъ изъ возвышенныхъ помысловъ, и вновь ихъ пораждаетъ. Или — сопровождаемая полнымъ гласомъ хора, капится быспро и величественно, какъ громъ по горамъ рокопаящій. — Сія музыка подобна шѣмъ небеснымъ Геніямъ, до того исполненнымъ всемошною, безмѣрною мыслію о Богѣ, что возвыша-

ясь надъ всѣми слабостями смертныхъ, они дерзають возвѣщать землѣ славу Всевышняго въ величавомъ, звучномъ гласѣ трубномъ. Въ упоеніи свободнаго восторга они думаютъ, что проникли въ тайную святыню существа и величія Создателя; они возвѣщаютъ Его всѣмъ земнымъ языкамъ, и всѣми силами спремься Ему уподобиться, пѣтъ самымъ Его прославляютъ.

Но есть еще тихія, смиренныя, самоопрекшія души, для коихъ кажется пресщупнымъ призывать Бога въ кликахъ земнаго веселія, и дерзновеннымъ заключать въ свое бренное существо все недосягаемое Его величіе: пошому сія веселость для нихъ непонятна; къ смѣломужь порыву недостаетъ въ нихъ духа. Сіи люди споятъ смиренно на колѣнахъ, съ сложенными руками и съ поникшимъ взоромъ, — и восхваляютъ Господа, наполняя и питая духъ свой безпреснаннымъ предспавленіемъ своихъ немощей и своей опшъ Него даль-

ности, и съ вождельніемъ мучительнымъ спремясь вкусишь блаженство непорочныхъ Ангеловъ. — Имъ приличень сей древній церковный напѣвъ, копорый звучишь, какъ вѣчное: «Помилуй Господи!» и косто медленные, низкіе звуки, подобно грѣхами опягченнымъ поклонникамъ, крадутся будто по глубокимъ ущельямъ. Ихъ набожная Муза покоишь долго на однѣхъ и пѣхъ же созвучіяхъ; она едва смѣетъ коснушь ближайшихъ; но всякая новая перемена созвучій, и самая проспѣйшая, своимъ тяжелымъ, медленнымъ печеніемъ потрясаешь всю внушенность нашу, а вкрадчивая сила звуковъ, опзываясь въ насъ смутнымъ шепетомъ, испощаетъ послѣднее дыханіе взволнованной груди. Иногда ударяють между пѣмъ жесткіе, раздрающіе звуки, и сжимаешь душа предъ величїемъ Божиимъ; но вскорѣ свѣпнокристаллыя, ясныя созвучія разрѣшають вновь узы сердца и ободряють насъ опрадою. На послѣдокъ пѣніе спановишься

медленнѣе прежняго , и сердечное благоговѣніе, задержанное однимъ основнымъ звукомъ, какъ бы гласомъ совѣспи, вращается въ разнообразныхъ переливахъ, и не въ силахъ распаться съ отпradoй покаянія, пока наконецъ вся очищенная душа не выльется въ одномъ продолжительномъ, пихоопзывномъ вздохѣ.

Н. М.

5.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА

ЮСИФА БЕРГЛИНГЕРА.

Недавно, почтеннѣйшій отецъ, на праздникъ, я наслаждался неоцѣнен-нымъ вечеромъ.— Былъ жаркій лѣтній день; я вышелъ изъ старыхъ городскихъ воротъ, какъ вдругъ послышалась вдалекѣ веселая музыка, и завлекла меня своими приманчивыми звуками. Я пробѣгаю по улицамъ, спѣшу на звуки, и чрезъ нѣсколько минутъ нахожусь въ большомъ общественномъ саду. Палисады, аллеи, крышыя дорожки, дерновыя поляны, бассейны, небольшіе водометы, а въ промежуткахъ кроновыя деревья украшали этотъ садъ, и пестрое собраніе гуляющихъ его оживляло. Посреди сада, на зеленомъ возвышеніи, открытая бѣсъдка

служила сборнымъ мѣстомъ шумливой толпы. Я влился въ нее, прошелъ назадъ и впередъ по площадкѣ, и сердце мое наполнилось самыми радостными и ясными чувствами.

На зеленомъ лугу сидѣли музыканты и вызывали изъ флейтъ и роговъ веселые, весенніе звуки, столь же свѣжіе, какъ и молодые листья, едва развиныя на древесныхъ вѣтвяхъ. Звуки наполняли воздухъ пріятною гармоніею, и вся кровь въ моихъ жилахъ волновалась отъ радости. А право, когда слышу веселья, плясовыя пѣсни, мнѣ всегда приходитъ на мысль, что сей родъ Музыки заключаетъ въ себѣ остатки языка значительнаго и почнаго, и что онъ необходимо долженъ быть собственною, древнѣйшею и первоначальною Музыкой.

Подлѣ меня прогуливались по широкимъ дорожкамъ люди различныхъ сословій и возрастовъ. Здѣсь шелъ купецъ изъ-за счешнаго стола своего; тамъ ремесленникъ; покинувшій рабо-

чую; нѣсколько знапныхъ молодыхъ людей въ блестящихъ одеждахъ пробѣгали безъ цѣли промежь медленной толпы гуляющихъ гражданъ. То появилось многочисленное сѣмейство съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, занимая всю ширину аллеи; за нимъ слѣдовала семидесятилѣтняя чета, и съ улыбкой смотрѣла, какъ рой дѣшей на зеленой муравѣ опъ добраго сердца испытывалъ силы юной жизни, — или какъ взрослые юноши воспаменялись живою пляскою. Всякой покинулъ въ своемъ жильѣ жишейскую заботу; хопъ дома у каждаго была своя, но здѣсь всѣ души сливались въ одно согласное удовольствіе. Но вѣрно не у всякаго могло бытъ такъ весело на сердцѣ, какъ у меня опъ моей музыки и опъ этой пестрой толпы: весь живой міръ разрѣшался для меня въ единый свѣтъ радости, — звуки гобой и волпорнъ, какъ яркіе лучи играли на всѣхъ лицахъ, и всѣ люди въ глазахъ моихъ были увѣнчаны какимъ-то сілніемъ. — Духъ мой, вре-

ображѣнный звуками, проникаль сквозь разнообразныя лица въ сердце каждаго; я видѣль въ этой полгѣ полную драму, мною самимъ изобрѣшенную, или рисунокъ, мною же накинупый: такъ сильно я былъ увѣренъ, что каждое лице было шѣмъ, чѣмъ, по моему, быть должно.

Сии пріятныя мечпы занимали меня во все время гулянья, пока картина вовсе не измѣнилась.

Яркая теплоста дневная нечувствительно перелилась въ сумрачную прохладу ночи; пестрыя толпы попянулись домой, и садъ спалъ мраченъ, уединенъ и тихъ;— порою разносилась въ воздухъ заунывная пѣснь рожка, подобно духу опочившаго — парящему въ нѣжномъ мерцаніи луны, и вся, незадолго столь одушевленная природа была проникнута тихимъ препешомъ задумчиваго забытья. Драма міра въ сей день была довершена; мои дѣйствующія лица удалились, и узелъ пѣсы развязанъ. — Ибо Вѣчный опспранилъ

опть земли свѣплую , соляцемъ украшенную половину Своей великой ризы, и другую половину ея — ночь , на коей испсканы и мѣсяць и звѣзды, протперъ на зданіе міра, да покояпся съ миромъ всѣ пвари Создашеля. Радость и грусть, шрудъ и распри, все шеперь въ перемиріи, дабы завпра снова начашь борббу со свѣжими силами: — и шакъ послѣдуешъ непрерывно, до опдаленнѣйшихъ временъ, гдѣ и конца не завидимъ.

Инаго можешъ свести съ ума сіе непрешанное, единообразное обновленіе безпредѣльнаго числа дней и ночей — когда и цѣлал жизнь челошечская, жизнь міровъ въ сѣвокупности , предспавишся ему одной непрерывною, чудесной игрою, гдѣ подъ конецъ кромѣ смерти, никпо не выигрываетъ. — Но въ нашемъ роковомъ сшранствіи по грудамъ обломковъ разбишой нашей жизни , мы должны крѣпкою рукою держашься за *Искусство* , великое , непреложное,

возвышающее чело свое къ вѣчности!
— Оно съ неба проспираетъ намъ
свѣпящую десницу, да носимся без-
пререпно надъ мрачною бездною межъ
небомъ и землею!

Н. М.

6.

**ВНУТРЕННЕЕ СУЩЕСТВО МУЗЫКИ И
ДУША НОВѢЙШИХЪ ЕЯ ТВОРЕНІЙ.**

Звукъ или голосъ первоначально былъ грубымъ выраженіемъ уродливыхъ спрасней у дикихъ народовъ; въ минуты сильныхъ волненій души, они потрясали окрестный воздухъ криками, ударами въ тимпаны, желя и во внѣшнемъ мірѣ водворили внутренній раздоръ своего духа. Но дѣятельная природа черезъ многіе вѣки непрестанно развиваетъ единый начальный узелъ всѣхъ соплетенныхъ силъ души человѣческой въ обширную ткань, болѣе и болѣе утончая ея нити: въ слѣдствіе еего закона дѣятельности, въ новѣйшія столѣтія и для звуковъ развила оспроумная система. Въ музыкальной сферѣ, какъ въ образахъ ваянія и въ

краскахъ живописи, видимъ чувствен-
 ный отпечатокъ того изящнаго
 утонченія, того гармоническаго со-
 вершенства, до коихъ достигъ че-
 ловѣческій духъ въ нашемъ вѣкѣ.
 Однообразный лучъ звука раздробился
 въ пестрые, искромешные огни, гдѣ
 освѣчиваются всѣ волшебные цвѣты
 радуги. Но какъ бы это совершилось,
 если бы прежде многіе мудрецы не ни-
 зошли въ прорицательные вершины
 сокровеннаго знанія, гдѣ всетворящая
 природа сама имъ открыла первые за-
 коны звука? Изъ сихъ-то таинствен-
 ныхъ безднъ они извлекли на свѣтъ
 новое ученіе, изобразили его числами
 глубокаго смысла, положили твердый,
 всеумудрый порядокъ для несчетныхъ
 отдѣльныхъ звуковъ и открыли топъ
 обильный источникъ, откуда худож-
 ники почерпають свои многоразлич-
 ные размѣры.

Сія ученая система утончила до
 безконечнаго разнообразія чувстви-
 тельную силу, первоначально сокрытую
 въ звукѣ.

Темнопа и неизъяснимость пайнаго дѣйсвіа звука, чуждыя другихъ искусствъ, воспріали опъ эпои системы чудное значеніе. Между всякимъ созвучіемъ и каждой спруною нашего сердца найдено непоняпное сочувствіе — и вопъ почему Музыка спала богатымъ, живописнымъ орудіемъ для изображенія чувствъ чловѣческихъ.

Такъ образовалась нынѣшняя Музыка, копорая, въ своемъ пеперешнемъ совершенствѣ, есть младшее изъ искусствъ. Ни одно изъ нихъ не можетъ споль пайнспвеннымъ способомъ сочешавать съ глубокимъ смысломъ чувспвенную силу и темную, идеальную знаменовашельность. Музыка гордится, величается симъ важнымъ, пѣснымъ союзомъ видимо-прошиворѣчныхъ силъ; хопя сей же союзъ причинялъ многія спранныя замѣшашельспва въ исполненіи пвореній сего искусства и наслажденіи онымъ, и безсмысленные споры между умами, не понимавшими другъ друга.

Важный, глубокий смысл Музыки объясненъ многими умозрипелями, которые каждое дѣло свое знаменуютъ почностью и оспроуміемъ, ищутъ красоты не неволью, не по влеченію любви чистой и открытой; но потому что въ эпоху спремленіи имъ удаеся извѣдать свои особенныя, дивныя силы. Въмѣсто того, чтобы всюду, гдѣ ни вспрѣпипся красота, привѣтспвовашь ее, какъ друга, они видятъ въ своемъ искусствѣ злаго врага, ловятъ его, вызываютъ на бой въ опаснѣйшихъ засадахъ и поржествуютъ надъ нимъ своею силою. Сіи ученые мужи довели до удивительнаго совершенства внутреннее устройство Музыки, подобно какъ искусственный спанъ для богатыхъ тканей: должно взирать на опдѣльные пруды сихъ мужей не иначе, какъ на превосходное познаніе Анапоміи и прудныхъ академическихъ положеній въ Живописи.

Кто не пожалѣетъ, если эпоху плодоносный даръ доспанется въ

удѣль душѣ пощей и скудной чувстввами? Тогда безсильный порывъ фантазіи помитъ шѣсную грудь и душа не можешъ никогда въ звукахъ сказаться самой себѣ. Природа, неиспоцимая въ явленіяхъ, играя шварями, часпо предспавляешъ гореспные опыпы подобной оскорбительной игры своей.

Спихія Музыки сама въ себѣ уже носитъ зародышъ небеснаго духа: чего не видимъ въ другихъ искусстввахъ. Сія звучащая спихія съ своимъ стройнымъ богатствомъ созвучій являешся рукамъ шворца ; едва пронешъ ее леггимъ , проспымъ косновеніемъ , она мгновеноно выражаешъ прекрасныя чувства. Во многихъ музыкальныхъ швореніяхъ звуки совокуплены правильно , какъ числа въ вычисленіи , какъ почки въ мозаикѣ , съ холоднымъ глубокомысліемъ. Но при исполненіи онѣ говоряшъ краснорѣчивымъ , сильнымъ языкомъ Поэзіи , хошы художникъ во время своего ученаго шруда совсѣмъ не воображалъ , чтошбъ геній ,

очарованный въ эпомъ царствѣ звуковъ, могъ пакъ высоко проспирать свои крылья передъ внимательными чувспвами.

Есть умы другаго рода; они не чужды знанія, но родились подъ несчастнымъ созвѣздіемъ; они грубы, тяжелы, пакже хватаются за звуки, но насильно ихъ вырываютъ изъ спройной спихіи и попому въ ихъ швореніяхъ слышенъ горестный, жалобный вопль перзаемаго генія.

Еслижъ благодѣтельная природа соединитъ въ одну душу сіи отдѣльныя свойспва; если нѣжное чувспво воспламенитъ сердце ученаго художника и онъ распворитъ свои глубокія познанія во пламени сердца: тогда-то родится неоцѣненное швореніе, гдѣ чувспво швердо и неразрывно сочелалось съ наукой, какъ краска и камень въ эмалевой каршинѣ.

Что скажу о шѣхъ безплодныхъ душахъ, кошорыя въ Музыкѣ и въ другихъ Искусспвахъ видятъ одну

скудную, сладкую пищу для грубыхъ чувствъ, тогда какъ чувственность есть самый сильный, проницательный, человѣческій языкъ, выражающій высокое, благородное и прекрасное? Они не могутъ, но должны бы уважать утвержденную, незыблемую святыню Музыки.— Да убѣдятся они, что руки нечестивцевъ не въ силахъ ни уничтожить, ни разстроить твердаго закона, прорѣченнаго мудрыми, первоначальнаго прозвучія въ твореніяхъ Музыки, что она презираетъ все нечестивое, низкое, неблагородное въ душѣ человѣческой, что она и сама чиста и невинна, гдѣ выражается въ дикихъ и пронзительныхъ мелодіяхъ, и что ее унижаютъ только однѣ земныя, порочныя мысли нечестивцевъ!

Разумники спросятъ: гдѣ же наспоющая средина Музыки, гдѣ ея собственное значеніе, ея душа, объемлющая всѣ различныя измѣненія звуковъ? — Этого объяснить я самъ не могу. Кто хочетъ волшебнымъ жезломъ испытующаго разума открыть то,

что объемлется внутреннимъ духомъ, пошъ объяснишь однѣ мысли, раждаемыя чувствомъ, а не самое чувство. Вѣчная, враждебная пропасть утверждена между чувствами пламеннаго сердца и изысканіями холоднаго разума: пошъ пламень есть самосуцная, пайная, божественная стихія; разложишь ее — разумъ не въ силахъ. Если всякое твореніе искусства можетъ бытъ постигнуто только шѣмъ чувствомъ, съ копорымъ оно создано, то и чувство понимается однимъ подобнымъ ему чувствомъ: пакъ живописецъ каждую опредѣльную краску освѣщаетъ лучемъ одинакаго съ нею цвѣта, чтобъ яснѣе ее выразить. — Кто вѣчно ищешь цѣли и причины въ изящныхъ, божественныхъ созданіяхъ міра духовнаго, тому нѣтъ дѣла до ихъ красоты и божественности; онъ желаетъ заключить ихъ въ узы опредѣленныхъ понятій и подвергнуть вычисленіямъ. — Но кого опъ самой юности порывъ сердца, какъ вѣперъ стрѣлу, сильно увлекаетъ по океану

мыслей въ очарованный чертогъ Искусства, пошь, подобно смѣлому пловцу, мужественно разсѣкаетъ мысли, какъ волны мятежныя, мчишся сквозь нихъ во внутреннее святилище и его не устрашаютъ таинственные бездны, подъ нимъ зіяющія.

Такъ дерзаю и я, по внутреннему влеченію сердца, говорить объ истинномъ значеніи Музыки:

Когда всѣ внутреннія потрясенія струнь сердечныхъ — пренешъ радости, буря восторга, возвышенное пареніе всеобъемлющей молитвы, когда всѣ сіи чувства дружнымъ порывомъ распоргнушь оковы языка словеснаго, сію могилу для изсшуплений сердечныхъ: — тогда онѣ, при звукахъ сладостныхъ арфъ, возносяшся подъ далекое небо, какъ будто въ другую, неземную жизнь, и шамъ въ красотѣ преображенной, подобаясь ликамъ Ангеловъ, ликують о своемъ воскресеніи.

Тысячи созвучій говорятъ душѣ радостью и веселіемъ, но въ каждомъ

изъ нихъ. паипись особенный Геній, каждому описывается особая спруна въ нашемъ сердцѣ. — Чего хопаи ътѣ робкіе и мнишельные мыслипеди, копорые, спараясь тысячи созвучіи объяснишь словами, перяюпся въ недоумѣніяхъ, если каждое изъ нихъ не имѣешь яснаго значенія, какъ черна въ карпинѣ? Не ужели они хопаишь выразишь красопы языка богатиѣщаго языкомъ бѣднымъ и думающъ разрѣшишь въ словахъ то, что слова презираешь? Развѣ они никогда безъ словъ не чувспвовали? Развѣ пустое ихъ сердце наполнено полько одними описаніями чувспвованій? Развѣ никогда внупри себя не слыхали они нѣмага пѣнія, не видали паинспвеннаго хора духовъ невидимыхъ? Или они не вѣраишь въ преданіе?

Взглянише на полокъ. Достапептъ ли разума челоѣческаго — изобразишь словами его разнообразное печеніе, милліоны ровныхъ и неровныхъ, быспрыхъ и пѣнящихся волнъ? — Языкъ

едва исчислишь, и назовешь все изгибы попока; но ему ли живописать все чудные переливы капель?—Таковъ таинственный попокъ въ глубокомъ лонѣ души человѣческой. Языкъ исчисляетъ, именуешь, описываешь переменны въ попокъ чуждой для него стихіи; Музыка сама вращаетъ передъ нами сей попокъ. Вдохновенная, она касается таинственной арфы, изъ темнаго міра подаетъ намъ темныя, дивныя знаки въ порядкѣ определенномъ,—и звучатъ струны сердца, и мы понимаемъ ихъ звуки.

Въ зеркалѣ звуковъ сердце человѣческое научается самопознанію; ими начинаемъ *ощущать самое чувство*; они пробуждаютъ многихъ Геніевъ, дремлющихъ въ сокровенныхъ глубинахъ нашей души и новыми волшебными созданіями чувства населяютъ міръ внутренній.

Ученый числовой законъ Музыки, подобно дивнымъ, сильнымъ заклинаніямъ преспарълаго, спрашнаго чародѣя, движетъ звучащими спрастями. Сей

законъ изобрѣшаетъ новыя направленія и перемѣны для чувствованій и духъ самъ удивляется роскоши своихъ сокровищъ: такъ и языкъ словесный, выражая мысли, извлекаетъ изъ него новыя мысли и такимъ образомъ правитъ неровными полями разума.

Одной Музыкѣ предоспавлено изображать ощущенія съ такою искусственной, смѣлой творческой силою, которая кажется неестественной для душъ холодныхъ. Сія творческая сила, сзывая чувства, заблудившіяся въ жизни дѣйствительной, превращаетъ ихъ въ твердые, многообразныя составы; она раздѣляетъ связанное, связываетъ раздѣльное. Выше, буйственнѣе бьютъ волны въ тѣсныхъ, крутыхъ предѣлахъ: гдѣ же предѣлы тѣснѣе, гдѣ волны бьютъ выше, какъ не въ Музыкѣ?

Но въ сихъ волнахъ вращается одна чистая, безобразная стихія, свѣтлый пошокъ чувствованій и тысящевидные его переливы; идеальное искус-

спво въ своей ангельской невинности не знаешь ни *нагала*, ни *цбли* сихъ движеній; связь его чувствъ съ міромъ дѣйствительнымъ для него загадка.

Однако, не смотря на свою невинность, оно сильными чарами *чувственной силы* возмущаетъ дивные, кипящіе рои фанпазіи; звуки населяютъ ее волшебными привидѣніями, олицетворяя бесплесныя движенія въ образы *спраспей* человеческихъ, копорыя, подобно чарующимъ призракамъ магическаго обаянія, мелькаютъ мимо чувствъ обвороженныхъ.

Здѣсь мы видимъ Веселіе: оно рѣзвился, скачетъ, запыхалось; въ каждой малой капль его бытія прелещетъ лучъ радости.

Здѣсь смирное, швердо - каменное Самодовольствіе, копорое развиваетъ все бытіе свое изъ одинаго, ограниченнаго возрѣнія на міръ, мудрыя свои убѣжденія примѣняетъ ко всѣмъ случаямъ жизни, сглаживаетъ все грубое, всегда вѣрно своему движенію и неизмѣнно во цвѣтѣ.

Здѣсь мужественная, ликующая Радость: какъ бѣющая кровь пламенно и быстро изливается по жиламъ, такъ она кругами многообразными обѣгаетъ весь лабиринтъ звуковъ, — или съ благородной гордостью, быстрыми и сильными порывами въ торжествѣ воспаряетъ къ высотамъ.

Здѣсь помпезное вождельнѣе сладкой Любви — вѣчный попеременный приливъ и отливъ желанія, когда душа, по власпи звуковъ, по, возставъ отъ изнеможенія, внезапно съ спокойною смѣлостью возлещаетъ къ небу, по вдругъ упадаетъ; не уполивъ одного спремленія, съ алчною скорбью обращается къ другому, сладко покоится на пихо-грустныхъ созвучіяхъ, вѣчно желаетъ изливаться во что нибудь и наконецъ изливается въ однѣ слезы.

Здѣсь глубокая Скорбь: она, влачасъ въ оковахъ, по издаетъ отрывистые вздохи, по вся выльется въ обильныхъ вопляхъ, принимаетъ всѣ виды мученій, любитъ высказывать соб-

спвенныя спраданія и только изрѣдка видишь на мрачныхъ облакахъ слабое мерцаніе надежды.

Здѣсь шушливая, вольная, веселая Прихоть! Она иногда, какъ вихрь, разбиваетъ всѣ гордыя чувствованія и попомъ въ забавномъ круженіи играетъ ихъ обломками; иногда, какъ уродливый демонъ, шуточнымъ подражаніемъ издѣвается надъ возвышеннымъ духомъ и скорбью челоѣка и для забавы дразнитъ самаго себя, — или какъ неугомонный эмирный духъ, который вырываетъ всѣ растѣнія изъ твердаго земнаго лона, съметъ ихъ по безконечнымъ полямъ воздуха — и самъ хотѣлъ бы облепѣть цѣлый шаръ земной.

Но кто въ силахъ наименовать всѣ воздушныя мечпанія, которыя, по волю звуконъ, подобно призракамъ, поминушно смѣняются въ мірѣ воображенія?

Но я не въ силахъ удержаться, не могу не прославить послѣдняго выс-

шаго поржества музыкальныхъ пво-
реній; я говорю о пѣхъ великихъ, бо-
жественныхъ симфоніяхъ, сотворен-
ныхъ духами вдохновеннымй, гдѣ из-
ображено не одно опдѣльное чувство,
но раскинутъ цѣлый міръ, цѣлая драма
спрасей человѣческихъ. Хочу живо-
писать обыкновенными словами кар-
тину, которую созерцаю внутренне.

Съ легкой игривой радостью про-
буждается звучащая душа изъ своего
таинственнаго вершепа, — подобно
невинному дѣтству, она начинаеть
первую заманчивую пляску жизни,
неумышленно шумитъ надъ всѣмъ
міромъ и улыбается своему внутрен-
нему веселію. — Но вопъ всѣ предме-
ты вокругъ нее пріяли видъ поспо-
янный; она извѣдываетъ мощь свою
на сильнѣйшихъ ощущеніяхъ, вдругъ,
смѣло бросается въ средину кипящихъ
волнь, паритъ по высотамъ и глуби-
намъ, и съ мужественнымъ воспор-
гомъ по вверхъ, по внизъ вращаетъ
всѣ свои чувства. — Но горе! дерзно-
венная, она проникла въ глухіе лаби-

ринпы; тамъ, желая насыпить жажду силы жизненной, она съ неистовой отвагой ищетъ ужасовъ опчаянія, горькихъ мукъ скорби—и вдругъ! при ударѣ пимпановъ всѣ грозные ужасы міра, всѣ полчища бѣдспвій со всѣхъ сторонъ на нее ринулись, какъ перуны изъ громовой тучи — и вопль въ обезображенныхъ видахъ, спрашно, ужасно, какъ оживленныя скалы, переваливаются другъ черезъ друга. Здѣсь, кружимая вихрями опчаянія, душа силился отважно воспарить, взявъ приступомъ гордое блаженство; но одолеваяющъ грозныя полчища.— Мгновенно сокрушилась неистовая сила, грозно исчезли призраки ужаса, — вдали въ грустномъ воспоминаніи, въ образѣ младенца, явилась подъ покровомъ первая невинность; она манишь помною рѣзвостью, но тщетны ея призывы: — Мечта, какъ въ бреду, не переспаетъ вращать тысячи изуродованныхъ призраковъ, — но слышны два легкіе вздоха. . . и весь звучащій, оживленный міръ, подобно

блещающему метеору, разлепился въ незримое ничтожество.

Тогда я сижу въ мрачной пещинѣ и все еще внимаю: мнѣ кажется, я зрѣлъ въ сновидѣніи всѣ многоразличныя спраспи чловѣческія, какъ онѣ, безъ постояннаго образа, любящъ въ спранныхъ плъдвиженіяхъ забавляющъ неисповой пляской и по какому-то грозному *произволу*, подобно темнымъ, таинспвеннымъ богинямъ судьбы, дерзко и опчаянно мѣшаются въ хоровахъ.

По сему-то неисповому *произволу* радость и скорбь, простота и принужденіе, невинность и буйство, игра и ужасъ дружатся, обнимаются въ душѣ чловѣческой: какое искусство предспавляетъ зрѣлище сихъ *таинствѣ душевныхѣ* съ такимъ темнымъ, загадочнымъ, разипельнымъ знаменованіемъ, какъ Музыка?

Парипъ ли къ небу звучащая душа, съ возвышенной гордостью презирая всѣ суепы міра, или презирал небеса и боговъ, безумно порывается къ ка-

кому нибудь земному блаженству,—и
шамъ и здѣсь при однихъ и тѣхъ же
звукахъ ежемгновенно препещеть
наше сердце. Сія-по *злостная невил-*
ность, сія спрашная, пророческая,
двусмысленная темнота обогшво-
ряеть Музыку для сердець человеѣче-
скихъ:

Но куда я увлекся безумный? Миѣ
ли растворить звуки въ слова? То ли
сказалъ я; что чувствовалъ? Слепай-
те же звуки, испоргнише, спасише
меня опъ сего груснаго влеченія къ
языку земному, обвейте меня милліо-
нами лучей разноцвѣпныхъ и въ ва-
шихъ блестящихъ облакахъ вознесише
на *ветхоѣ* лоно вселюбящаго Неба!

С. Ш.

7.

Письмо Иосифа Берглингера.

Ахъ, мой возлюбленный, мой почтенный отецъ! Пишу къ тебѣ съ душою расперзанной; горько мнѣ, опять нашла на меня минута опчаянiя; не могу разогнать того страха, который, ты знаешь, часно меня навѣщаетъ. Спѣснилось все мое сердце; мечты пререщуть, смутились,—чувства исчезли, вылились въ слезы. Оправленъ испочникъ заманчивыхъ наслажденiй искусства; душа болитъ, брожу туда и сюда, а ядъ часъ опъ часу сильнѣе кипитъ въ моихъ жилахъ.

Что я? за чѣмъ я въ этомъ мiрѣ? Какой злой духъ такъ опрѣзалъ меня опъ всѣхъ человекъ, что я самъ не знаю, чѣмъ считаешь себя между ними? Онъ не далъ мнѣ даже и раз-

мѣра, по которому могъ бы я измѣ-
 ряшь міръ, жизнь и душу человѣче-
 скую! Безпрерывно ношусь въ бур-
 номъ морѣ внутреннихъ сомнѣній;
 вдругъ быспрая волна поднимешъ къ
 верху, я выше другихъ людей, но мигъ
 — и гдѣ же я? на днѣ неизмѣримой
 бездны!

Слышу голосъ изъ глубины души,
 онъ громко говоритъ мнѣ: швори, слѣ-
 дуй сему божественному спремленію
 человѣка! Его не объемлешъ никакая
 земная цѣль, ни польза! Оно, незави-
 симо опъ міра, вѣчно движешся силою
 собшвенной; ни одно колесо въ ма-
 хинѣ вселенной не правитъ имъ и
 само имъ не правится, это спремле-
 ніе — внѣ міра. Ни одинъ пламень въ
 груди смертнаго выше и прямѣе не
 восходитъ къ небу, какъ пламень ис-
 кусства! Ни одна сила въ человѣкѣ,
 подобно силѣ шворческой, не приво-
 дитъ въ шакое согласіе всѣ мысли
 духа и чувства сердечныя, не возвы-
 шаешъ смертнаго — до Божества!

Но улы! когда дерзновенный, я поржествую на эшой высошь, вдругъ искусишь меня злой демонъ: начинаю гордиться своимъ чувствомъ, спавишь себя выше ближнихъ и тогда—ужасно! тогда-то со всѣхъ споронъ кругомъ меня опверзаются спрашныя, сколькiя пропаси!... Всѣ свяшыя, высшiя созданiя мысли оставляютъ душу, лепяшъ въ мiръ другаго, лучшаго чловѣческава, а я — я во прахѣ, опвержень, какъ опспуникъ, покланяюсь кумиру моей фаншазiи и самъ въ себѣ вижу безумнаго, суешнаго поклонника.

Да, Искусство — соблазнительный, запрещенный плодъ; кпо разъ вкусилъ опъ его сладости, потъ на вѣки поперянь для дѣяшельнаго, живаго мiра. Онъ непрешанно ищеть одного собственаго наслажденiя; его рука лишена силы, она сжапа, она не разгибается на встрѣчу ближнему. О Искусство—естъ одно обманчивое, ложное суевѣрiе! Мы думаемъ видѣшь въ немъ высокiй, внушреннiй духъ всего

человѣчества, а чтожь оно намъ представляеть? — прекрасное твореніе одного человѣка, гдѣ онъ запечатлѣлъ всѣ самодовольныя мысли и чувствованія, бесполезныя, мертвыя для живота міра. А я слѣпецъ! я вѣрю въ Искусство и ставлю его твореніе выше человѣка, выше созданія Божія!

Ужасно, какъ подумаешь! Цѣлую жизнь провожу, какъ одинокій пустынный, ежедневно упиваюсь сладкими звуками гармоніи, хочу испить до дна весь источникъ красоты и наслажденія; а какія спрашныя вѣспи гремятъ мнѣ въ слухъ!—Я слышу: Исторія міра человѣческаго съ каждымъ мгновеніемъ развиваетъ вокругъ себя важныя, живыя картины; неупомимые умы смертныхъ дѣйствуютъ во взаимной борьбѣ и за каждымъ малымъ подвигомъ, подобно призракамъ, возникають изъ тѣсной шолпы дѣлъ человѣческихъ — великія ихъ слѣдствія — зло и добро; но еще ужасная вѣспь!—она потрясла душу, она говоритъ: смотри, изобрѣшашель-

ныя полчища бѣдствій тѣснятся во-
 кругъ тебя, перзають тысячи жертвъ
 тысячью различными муками — и бо-
 лѣзною и скорбью и нуждой; — убій-
 ственнѣе войнъ народныхъ, кровавая
 война судьбы свирѣпствуетъ по всѣмъ
 предѣламъ земнаго міра, каждый ударъ
 секунды превращаетъ въ острый мечъ,
 здѣсь и тамъ слѣпо наноситъ раны,
 не упомляется, не внемлетъ жалоб-
 ному воплю спраждующихъ миллионовъ!
 — И что же? Я одинъ сижу спокойно
 посреди спенающаго человѣчества;
 какъ дитя въ своихъ уютныхъ кре-
 слахъ пускаетъ мыльные пузыри,
 такъ я пустые звуки на воздухъ, а
 жизнь моя все ближе и ближе къ
 смерти.

Ахъ! сіи безжалостныя чувства
 перзають душу опчаяннымъ спра-
 хомъ; не знаю, куда дѣвашся отъ
 горькаго стыда. Чувствую, чувствую
 съ прискорбіемъ, что я не умѣю, я не
 въ силахъ благошворить, угождать
 жизни Богу; чувствую, что люди,
 которые унижаютъ искусство, съ

презрѣніемъ попираюшь лучшія его шворенія, несравненно болѣе шворяшь добра; ихъ жизнь угоднѣе Господу!...

Въ минушы эпогаго спрѣха я научаюсь понимашь шеріѣніе Святыхъ Мучениковъ; они перзались при взглядѣ на неизрѣченныя спраданія міра, они, съ опчаянной невинностью, всю жизнь казнили шѣло изобрѣшенными муками, чшобы уравнишь свои спраданія — спраданіямъ всего человѣчества.

Когда зрѣлице скорби меня вспрѣчаетъ, когда спраждушіе ближніе, опщы, машери, дѣши шѣсняпся во-кругъ, просяшь помощи, плачушь, ломаюшь руки, рыдаюшь отъ гореспи... въ эшихъ вопляхъ нѣшь ни одного плѣнипельнаго созвучія, это не прелестная, не сладкая игра Музыки. Ихъ звуки раздираюшь сердце; невольный спрахъ объемлешь смягченый духъ художника, онъ не знаешь, что опшѣчатъ имъ; бѣжашь стыдно, спасши ихъ—нѣшь средства. Соспраданіе перзаешь его... онъ и въ сей полпѣ хочешь видѣть живое

твореніе своей меч¹ты; но въ то же время самъ себя спыдился: въ эпоху карпинъ бѣдствія онъ не въ силахъ найши ничего изящнаго, ни одной мысли, достойной Искусства.

Сей мерзвящій ядъ глубоко сокрытъ въ невинномъ источникѣ чувствъ изящныхъ. Искусство вырываетъ чувства человѣческія, укрѣпленныя въ душѣ, изъ ихъ святаго, материнскаго лона; оно, какъ орудіемъ, играетъ насильственно сими испорченными, измененными чувствами; оно злодѣйски издѣвается надъ первоначальной природой челоука. Художникъ есть актеръ, всякая жизнь для него роля; на сценѣ своей онъ видитъ истинный образецъ міра, его духъ — зародышъ цѣлой вселенной; протчая, обыкновенная жизнь для него одно жалкое, безсвязное подражаніе, одна пустая оболочка великаго зародыша.

Но какую пользу приносятъ сіи опчаянныя сомнѣнія въ Искусствѣ и въ себѣ самомъ? — я перзаюсь ими, но раздалась цоржественная музыка! . . .

ахъ, куда улетѣли полною мои мысли!
 .. — снова пламень неуполимага желанія возгорѣлся въ груди... сладкіе звуки зовушь меня, зовушь — не могу прошивишься... я снова вижу передъ собою живую каршину младенческаго блаженспва. Ужасаюсь, какъ подумаю, въ какія безумныя мечнанія насильно увлекаешь меня Музыка своимъ гармоническимъ шумомъ и прубными звуками — эпимъ плѣнительнымъ голосомъ Сирены!

Для меня нѣтъ берега — одинъ вѣчный океанъ. Мои мысли, какъ волны; одна смѣняетъ другую. Ищу начала, конца, ищу покоя; но голова кружится. Часно сердце мое подвергалось этому припадку; онъ исчезалъ также произвольно, какъ и приходилъ; но подъ конецъ душа ослабѣвала, и изливалась въ грустную, нѣжную мелодію.

Такъ-то я смѣюсь надъ самимъ собой; но эпошь смѣхъ — одна жалкая забава.

Не горько ли, что человекъ, пающій въ восторгахъ изящныхъ, пре-

зираешь разсудокъ и мудрость сего міра, въ которыхъ заключается прочное наше спокойствіе, презираешь и не можешь съ ними примириться? Мудрецъ свѣта смотритъ на жизнь, какъ на книгу сиспематическую; онъ найдетъ въ ней начало и конецъ, оплечивъ ложь опъ испины. Художникъ наблюдаетъ жизнь, какъ Музыку или Живопись; онъ не знаетъ убѣжденій разума; все для него прекрасно, что на своемъ мѣстѣ.

Для людей могла бы быть такая же духовная исторія, какова естественная для живописныхъ; Создатель назначилъ намъ свои роды и виды, какъ четвероногимъ и птицамъ. Каждый человекъ заключенъ въ кругу своемъ и ни на шагъ за его предѣлы.

И такъ, во всю жизнь моя душа будетъ подобна воздушной арфѣ Эола; чуждое, незнакомое дыханіе вѣетъ въ ея струны и вѣтренные Зефиры по волѣ играютъ звуками. **С. Ш.**

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I.

ОТРЫВКИ О ЖИВОПИСИ И ВООБЩЕ ОБЪ ИСКУССТВѢ.

	<i>Стран.</i>
1. Видѣніе Рафаэля	1
2. Смершь Франческа Франчіа	10
3. Ученикъ и Рафаэль	22
4. Жизнь Леонарда да Винчи	31
5. Двѣ картины	53
6. О всеобщности, першимости и любви къ ближнему въ Искусствѣ	58
7. Слово въ память Альбрехта Дюрера	68
8. О двухъ чудесныхъ языкахъ	87
9. Справности Пьеро ди Козимо	96
10. О томъ , какъ наблюдашь шворенія худо- жниковъ	110
11. Величіе Мишель Анжела Буонаррощи	118
12. Временникъ Живописцевъ	129
13. Образъ жизни древнихъ Нѣмецкихъ ху- дожниковъ	154
14. Храмъ Св. Пепра	176
15. Письмо молодого Живописца изъ Рима	186
16. Поршрещы Живописцевъ	199

II.

ОТРЫВКИ О МУЗЫКѢ.

1. Жизнь Іосифа Берглингера	205
2. Воспочное сказаніе о силѣ Музыки	249
3. Чудеса Музыки	259
4. О родахъ Искусства и въ особенностяхъ Цер- ковной Музыки	269
5. Опрывокъ изъ письма Іосифа Берглингера	281
6. Внутреннее существо Музыки	287
7. Письмо Іосифа Берглингера	306